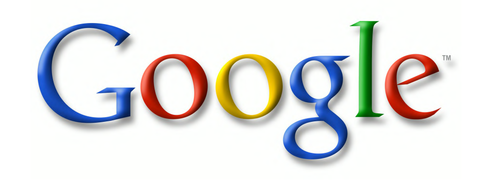


МАТЕРІАЛЫ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

по

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. МАЙКОВА.

I. БЕСѢДА О СВЯТЫНЯХЪ И ДРУГИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХЪ ЦАРЕГРАДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1890.

МАТЕРІАЛЫ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

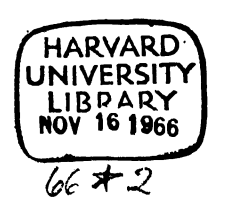
ПО

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. МАЙКОВА.

I. БЕСѢДА О СВЯТЫНЯХЪ И ДРУГИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХЪ ЦАРЕГРАДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1890.



Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1890 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

БЕСѢДА

О СВЯТЫНЯХЪ И ДРУГИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХЪ ЦАРЕГРАДА.

Въ 1886 году кандидатъ С.-Петербургскаго университета Ѳ. М. Истоминъ, отправленный Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ сѣверныя губерніи Россіи съ этнографическою цѣлью, привезъ изъ своего путешествія, между прочимъ, нѣсколько старинныхъ рукописей, которыя, по распоряженію совѣта Общества, были переданы въ 1889 году въ Императорскую Публичную Библіотеку [1]). Въ составѣ этого небольшаго собранія находится рукописный сборникъ XVII вѣка, полученный г. Истоминымъ отъ крестьянина Толвуйскаго погоста Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Василія Ивановича Халтуринова, и въ этомъ сборникѣ оказался одинъ русскій литературный памятникъ, остававшійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ: бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда, изображающая столицу императоровъ до взятія ея турками въ 1453 году.

1) Краткія свѣдѣнія объ этихъ рукописяхъ были сообщены въ статьѣ Ѳ. М. Истомина: «О рукописныхъ находкахъ въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ лѣтомъ 1886 года» (Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества за 1886 г., т. XXII, стр. 601—610).

Краткое сообщеніе объ этомъ любопытномъ произведеніи было сдѣлано мною на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ а въ августѣ 1887 года[1]). Затѣмъ, въ концѣ того же года, Россійскимъ Историческимъ Музеемъ въ Москвѣ была пріобрѣтена рукопись, также XVII вѣка, въ которой встрѣтилось то же сочиненіе[2]). Наконецъ, въ собраніи рукописей, принадлежащемъ академику Н. С. Тихонравову, оказался также рукописный сборникъ, гдѣ нашелся отрывокъ изъ того же произведенія[3]).

Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ списковъ Бесѣды о Цареградѣ не представляетъ этого памятника въ полномъ видѣ: въ спискахъ Библіотечномъ и Музейномъ недостаетъ заглавія и начала, а Тихонравовскій отрывокъ заключаетъ въ себѣ лишь конецъ статьи, не болѣе четвертой части того, что̀ имѣется въ двухъ другихъ спискахъ. Не смотря на то, мнѣ показалось полезнымъ издать Бесѣду хотя бы въ тѣхъ видахъ, чтобы вызвать поиски новыхъ списковъ ея. Притомъ же, существенная часть этого произведенія, особенно важная въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ, то-есть, самое описаніе Цареграда, уже имѣется въ полномъ и довольно удовлетворительномъ видѣ въ спискахъ Библіотечномъ и Музейномъ.

Прежде однако, чѣмъ предлагать текстъ памятника, считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о составѣ тѣхъ рукописныхъ сборниковъ, въ которыхъ онъ найденъ.

I. Сборникъ Н. С. Тихонравова, по каталогу его библіотеки № 223, писанъ въ 4-ку на 200 листахъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, весь однимъ почеркомъ, конца XVI или начала XVII вѣка; первоначально рукопись была объемистѣе,

---

1) См. отчетъ о Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1888 г., стр. 66.

2) Краткое извѣстіе объ этой рукописи сообщено Н. В. Рузскимъ въ Archiv für Slavische Philologie, 11-ter Band, S. 311; поправку къ этому сообщенію см. тамъ же стр. 632—633.

3) Считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность И. Е. Забѣлину за сообщеніе Музейной рукописи и Н. С. Тихонравову за присылку принадлежащаго ему сборника.

чѣмъ теперь, такъ какъ видно, что многіе листы изъ нея вырваны. Въ составъ сборника, въ нынѣшнемъ его видѣ, входятъ нѣсколько отеческихъ поученій, церковныя службы (между прочимъ Василію Блаженному), апокрифическія статьи (Первоевангеліе Іакова, житіе Өеодора Тирона, сказаніе о древѣ крестномъ), сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и наконецъ отрывокъ изъ издаваемаго памятника. Этотъ послѣдній находится на лл. 132—134 по нынѣшнему счету, а за нимъ на томъ же 134-мъ листѣ начинается сказаніе о градѣ Вавилонѣ; обѣ эти статьи, занимающія вмѣстѣ пять листовъ, вшиты въ рукопись не у мѣста; вслѣдствіе утраты листовъ или тетрадей, предшествовавшихъ нынѣшнему л. 132-му, сохранившійся отрывокъ представляетъ собою лишь окончаніе нашего памятника.

II. Сборникъ, привезенный Ө. М. Истоминымъ, по каталогу Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. № 184, есть рукопись въ 4-ку, писанная не ранѣе половины XVII вѣка скорописью, по 15 строкъ въ страницѣ, вся однимъ почеркомъ, на 167 листахъ; первоначально она была объемистѣе, ибо нынѣ недостаетъ начала первой читаемой статьи и конца послѣдней; кромѣ того, между лл. 80-мъ и 81-мъ, 96-мъ и 97-мъ, 128-мъ и 129-мъ, 136-мъ и 137-мъ по нынѣшнему счету видна утрата нѣсколькихъ листовъ или тетрадей. Составъ этого сборника, въ нынѣшнемъ его видѣ, слѣдующій:

1) Лл. 1—55 об. Хожденіе игумена Даніила въ Святую Землю въ одной изъ позднихъ сокращенныхъ редакцій. Начала недостаетъ; л. 1-й начинается словами: **первыи мнозе ходи^в^ше Иер^ос^лма.** Въ изданіи Даніилова Хожденія, сдѣланномъ Русскимъ Палестинскимъ Обществомъ, эти слова читаются на стр. 3. Въ описываемой рукописи текстъ Хожденія оканчивается разсказомъ объ Антіохіи и о пути до Цареграда (по изданію Русск. Палеcтинск. Общества стр. 91), а затѣмъ слѣдуетъ такое заключеніе: **Цр҃яграда пріидохомъ свіи стыи гра^д^ ко [Б]елуграду в Русию землю блгагистию Бж҃иею хранимии и до града Киева до-**

идохомъ а ѿ Киева до Мсквы града доидохомъ [1]). Подобная же приписка отмѣчена М. А. Веневитиновымъ, въ его изслѣдованіи о Даніиловомъ Хожденіи (С.-Пб. 1877, стр. 130), въ одномъ изъ списковъ этого памятника, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ (Погод. № 1534, л. 47 об.).

2) Лл. 55 об.—70 об. **Кнга ѱалоникъ** (то-есть, Паломникъ) **з Бгомъ починаемъ сказание мѣстъ стыхъ в Црѣграде і о стѣх Соѳѣи Прмрсти Бжіи и о мнтрех иже суть в Црѣграде Антониа архиепкпа Новгорцкихъ.** Текстъ весьма близкій къ изданному Археографическою Коммиссіей въ книгѣ: Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова. С.-Пб. 1872, однако могущій служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ исправленію изданнаго.

3) Лл. 70 об.—71 об. Толкованіе надписей въ келліи Соломоновой въ цареградскомъ храмѣ св. Софіи. Нач.: **Во стѣи Софѣи есть келиа Соломона.** Сходная статья напечатана И. И. Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XL, стр. 96, и И. Я. Порфирьевымъ въ Апокрифическихъ сказаніяхъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, стр. 240—241; но въ изданныхъ текстахъ говорится, что надписи находились не на стѣнахъ келліи, а на потирѣ или чашѣ Соломонова дѣла, и толкованіе ихъ приписывается безыменному философу; философъ этотъ есть Кириллъ Словенскій, и выписка взята изъ его житія, помѣщаемаго въ Минеяхъ подъ 14-мъ февраля. Ср. также Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, А. Востокова, стр. 421 и 538; Описаніе русскихъ и церковно-славянскихъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, ч. I, стр. 167; Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, хранящихся нынѣ въ Казанской духовной академіи, т. I, стр. 556, и

1) Въ рукописи не встрѣчается буквы а, помѣщенной въ выпискахъ, которыя напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ; вмѣсто нея стоитъ простое русское *я*.

Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи, Н. И. Петрова, стр. 563 и 564.

4) Лл. 71 об.— 96 об. Бесѣда между царемъ и епископомъ о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Заглавія и начала статьи недостаетъ, а вслѣдъ за окончаніемъ вышеуказанной третьей статьи на оборотѣ л. 71-го въ той же строкѣ читается: **и стыя Ѳофѣя и чин ея** и т. д. Статья, издаваемая ниже. На л. 78 об. на половинѣ строки 10-ой текстъ Бесѣды прерывается, и читаемъ: **и есть моромор багрянъ** и т. д., то-есть, длинную, некстати и безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ внесенную сюда вставку изъ цареградскаго Паломника архіепископа Антонія; вставка эта, начавшись на оборотѣ л. 78-го, занимаетъ затѣмъ лл. 79—84 до половины строки 13-й и кончается словами: **и глвы ею ту же лежатъ.** Заимствованное изъ Антонія соотвѣтствуетъ приблизительно столбцамъ 79—84 и 127—154 печатнаго изданія его Паломника; но такъ какъ въ описываемой рукописи между лл. 80-мъ и 81-мъ утрачена цѣлая тетрадь, то очевидно, въ этой тетради было написано и то, что̀ читается на столбцахъ 85—126 печатнаго изданія Антонія. Если исключить эту неумѣстную вставку, то текстъ Бесѣды получаетъ послѣдовательный порядокъ изложенія.

5) Л. 96 об. **Послание [в] великіи Новгород пресвщенному архиепкпу влдце Генадию из великого града Рима.** Только заглавіе, занимающее три послѣднія строки на страницѣ; самаго же посланія нѣтъ, такъ какъ листы, слѣдовавшіе въ рукописи за 96-мъ, утрачены.

6) Лл. 97—125 об. Повѣсть о бѣломъ клобукѣ, безъ начала. Текстъ сходный съ пространною редакціей этого сказанія, напечатанною въ Памятникахъ стар. русск. литературы, вып. II, стр. 287—297. Находящіяся на л. 97 первыя слова: **о видѣніи зкая рече** читаются въ этомъ изданіи на стр. 289, столб. 2.

7) Лл. 125 об. — 126 об. Извѣстіе о ереси жидовствующихъ, то самое, которое напечатано А. С. Павловымъ въ Русск. Ист.

Библіотекѣ, т. VI, стт. 787 и 788, въ примѣчаніи, по рукописи XVI в., принадлежащей Чудову монастырю, подъ заглавіемъ: «Сказаніе о ереси наугородстѣ, како случися о ней уразумѣти». Въ описываемой рукописи нѣтъ этого заглавія, а текстъ статьи представляетъ лишь незначительныя отличія отъ изданнаго.

8) Лл. 127—128 об. Поучение смирен^аго Зосимы митрополита всеа Русіи і всего свщеннаго собора всему православному хртиянству и на еретики облучение (то-есть, обличеніе), и[зъ] сана извержение и о стыя бжия цркве олучение. Напечатано А. С. Павловымъ по рукописи XVI вѣка, принадлежащей Чудову монастырю, въ Русск. Ист. Библіотекѣ, т. VI, стт. 785—788, безъ окончанія. Текстъ описываемой рукописи представляетъ нѣкоторыя отличія отъ изданнаго, но также безъ конца вслѣдствіе утраты листовъ, слѣдовавшихъ за л. 128-мъ по нынѣшнему счету; поэтому существующій въ печати текстъ дополняется изъ рукописи лишь слѣдующими словами: во утріи же днь снидошася...

9) Л. 129. Изъ сказанія о созданіи церкви св. Софіи въ Цареградѣ только послѣднія строки (вслѣдствіе утраты предшествовавшихъ листовъ): многимъ же люди стекшихся.... яко цркви венецъ во[з]ложи на я. Сказаніе это напечатано въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. III, отд. 2, стр. 17—28, въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства 1874 г., вып. 1—3, отд. II, стр. 5—9, и въ Памятникахъ древней письменности, LXXVIII: Сказаніе о св. Софіи Цареградской. Сообщилъ (по рукописи XIV—XV вв.) архимандритъ Леонидъ. С.-Пб. 1889.

10) Лл. 129—133. Северияна епкпа Явасилскаго о древѣ спсеннаго крта гдѣ обрѣтеся и како бысть. Напечатано по весьма сходному списку И. Я. Порфирьевымъ въ Апокриф сказаніяхъ о ветхозавѣт. событіяхъ и лицахъ по рукописямъ Солов. библіотеки, стр. 101—103, въ Великихъ Минеяхъ Четіихъ митрополита Макарія, изд. Археогр. Коммиссіи, подъ 14-мъ

сентября, стр. 763—766, и въ Памятникахъ ст. русск. литературы, вып. III, стр. 82—83.

11) Л. 133—133 об. **О дрѣве живонѐ**. Напечатано въ Апокриф. сказаніяхъ И. Я. Порфирьева, стр. 206—207.

12) Лл. 133 об.—136 об. **Григориа Двоесловъца о крстѣ чтнѣ и о двою крту ра̇збоничихъ.** Напечатано въ Апокриф. сказаніяхъ И. Я. Порфирьева, стр. 216—220, и въ Памятникахъ отреч. литературы Н. С. Тихонравова, ч. I, стр. 305—307; но текстъ описываемой рукописи занимаетъ среднее мѣсто между двумя напечатанными, ибо въ цѣломъ онъ ближе къ тексту И. Я. Порфирьева, отдѣлъ же **о третиемъ древѣ** пополненъ сказаніемъ о Сатанаилѣ, которое есть только въ текстѣ Н. С. Тихонравова. Конца статьи недостаетъ вслѣдствіе утраты листовъ, слѣдовавшихъ за 136-мъ; послѣднія слова текста въ описываемой рукописи: **вѣвие древа того** читаются у И. Я. Порфирьева на стр. 218.

13) Л. 137. Мелкія замѣтки:

а) Окончаніе замѣтки о Господскихъ праздникахъ.

б) Выписка изъ Толковой Палеи объ Адамѣ, Каинѣ, Авелѣ и Энохѣ. Напечатано въ Апокриф. сказаніяхъ И. Я. Порфирьева, стр. 104.

14) Л. 137—137 об. **Ѿ Феодора.** Слово о перстосложеніи, приписываемое блаж. Ѳеодориту, въ редакціи сходной съ его древнѣйшими изводами, напечатанными въ брошюрѣ: Такъ называемое Ѳеодоритово слово въ разныхъ его редакціяхъ. Изданіе 2-е. М. 1886.

15) Лл. 137 об.—139 об. Мелкія замѣтки:

а) О познаніи грамоты Сиѳомъ, сыномъ Адама. Напечатано въ Описаніи ц.-слав. и русск. рукоп. сборниковъ Имп Публ. Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, т. I, стр. 495.

б) О писаніяхъ Соломона; выписка изъ Палеи Толковой. Напечатано И. Я. Порфирьевымъ въ Апокриф. сказаніяхъ, р. 261.

в) **Азбука пермьскаа.** Ср. сводъ записей пермскаго алфа-

вита въ сочиненіи П. Д. Шестакова: Св. Стефанъ первосвятитель Пермскій. Казань. 1868, стр. 55—57.

г) **О началѣ грамоты гречеᶜтиѧ рускиѧ.** Выписка, съ небольшими измѣненіями, изъ сказанія черноризца Храбра «О письменехъ» о Паламидѣ, Кадмѣ и др., а потомъ о Кириллѣ Философѣ. Соотвѣтствующее мѣсто читается въ приложеніяхъ къ сочиненію К. Ѳ. Калайдовича: Іоаннъ ексархъ Болгарскій. М. 1824, на стр. 191.

16) Лл. 139 об.—140 об. **Во дни Фалековы бысть раᵌделение ѧзыкомъ.** Перечисленіе народовъ, но безъ раздѣленія на колѣна Ноевыхъ сыновей. Составлено, по видимому, на основаніи Палеи Толковой, но безъ поименованія упомянутыхъ въ ней племенъ, обитавшихъ въ Русской землѣ. Ср. въ сочиненіи В. Успенскаго: Толковая Палея. Казань. 1876, стр. 61—66.

17) Лл. 140 об. —141. Мелкія статьи:

а) **О Непротѣ.** Краткій разсказъ объ основаніи Вавилона Немвродомъ, объ измѣреніи имъ всей земли и о началѣ идолослуженія. Весьма сходная статья читается въ Палеѣ Исторической; см. изданіе Андр. Н. Попова: Книга бытіа небеси и земли. М. 1881, стр. 20.

б) **Подобаѥ вѣдати ѩко двадесѧтемъ потопе коле[с]ницѣ в мори** и пр. Разсказъ о потопленіи Фараонова войска въ Чермномъ морѣ.

18) Лл. 141—147. Хронологическія замѣтки, сперва краткія, а затѣмъ, со времени императора Августа до Константина Великаго, болѣе подробныя. Пособіемъ при ихъ составленіи служилъ главнымъ образомъ «Никифора патріарха Цариграда лѣтописѣцъ вскорѣ», напечатанный въ Полномъ собраніи русск. лѣтописей, т. I, стр. 248—250, и т. IX, стр. XVI—XX; но въ описываемой рукописи перечень гражданскихъ событій пополненъ событіями церковными.

19) Л. 147—147 об. Мелкія замѣтки:

а) О началѣ временъ года и сравненіе ихъ съ жизнью чело-

вѣка; ср. Описаніе ц.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, т. I, стр. 256, 384 и 422.

б) **о во҆расте чл҃вчестимъ.**

20) Лл. 147 об. — 148. **О крщеніи стыˣ апл҃ъ.** Ср. тамъ же, стр. 185, 196 и 366.

21) Л. 148—148 об. **О величествѣ сл҃нца и луны и земла.** Ср. тамъ же, стр. 343.

22) Л. 149. Объ имени пророка Моисея и объ Іосифѣ.

23) Лл. 149—157 об. **О судѣ цр҃а Ѳоломона.** Текстъ вообще сходный съ тѣмъ, который изданъ Н. С. Тихонравовымъ изъ Толковой Палеи въ Памятникахъ отреченной русской литературы, т. I, но изложенный болѣе сжато и съ измѣненіемъ въ порядкѣ судовъ.

24) Лл. 158—167. **В лѣта ѕцче мц҃а октаᵇра в г҃ день слово бл҃женнаго Зоровавѣла.** Разсказъ о возстановленіи Іерусалимскаго храма (ср. 2-ю книгу Ездры гл. III и IV) и о дальнѣйшей судьбѣ Святаго Града. Ср. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, т. II, стр. 555.

25) Лл. 167—167 об. **Притча нѣкаа о составленіи чл҃вческаго теˣ.** О преніи между чревомъ и прочими частями тѣла человѣка; конца недостаетъ.

III. Сборникъ Россійскаго Историческаго Музея, рукопись въ 4-ку на 223 лл., безъ начала и конца; бо́льшая часть ея, до л. 198, писана скорописью XVII в. однимъ почеркомъ; меньшая — двумя другими, принадлежащими, быть можетъ, уже XVIII вѣку; первый почеркъ сходенъ съ почеркомъ писца Библіотечнаго сборника. По составу сборникъ этотъ, въ первой половинѣ своей, представляетъ значительное сходство съ вышеописанною рукописью Имп. Публ. Библіотеки: девять статей сего послѣдняго сборника, отмѣченныя въ представленномъ выше обзорѣ его ъ №№ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ, 9-мъ, 10-мъ и ·мъ, читаются на лл. 1—103 об. сборника Музейнаго, въ той послѣдовательности и въ той же редакціи. Въ дальнѣйъ составѣ Музейнаго сборника могутъ быть указаны еще

двѣ статьи, встрѣчаемыя въ рукописи Библіотечной: Сказаніе о созданіи св. Софіи Цареградской и Суды царя Соломона; но отъ Сказанія уцѣлѣлъ въ Библіотечномъ сборникѣ только конецъ, почему и нельзя судить о степени сходства списковъ; что же касается Соломоновыхъ судовъ, то вмѣсто шести, описанныхъ въ Библіотечной рукописи, въ Музейной описано только три, при чемъ однако редакція этихъ разсказовъ одинакова въ обоихъ спискахъ. Остальныя статьи Музейнаго сборника, составляющія его особенность, суть слѣдующія: слово св. Іоанна Златоуста о св. Софіи церкви Божіей; сказанія свв. Евсевія Памфилійскаго, Василія Великаго и др. о составленіи Псалтыри; отрывки изъ соборныхъ правилъ и изъ отеческихъ толкованій на Священное Писаніе; толкованіе азбуки; статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ; посланіе Авгаря; слово Палладія мниха о второмъ пришествіи. Издаваемый нами текстъ читается на лл. 43 об.—65 об. Музейной рукописи.

Близкое сходство въ составѣ Библіотечнаго и Музейнаго сборниковъ могло бы подать поводъ къ предположенію, что одинъ изъ нихъ списанъ съ другого въ соотвѣтственныхъ частяхъ; но подробное сличеніе сходныхъ статей устраняетъ эту догадку. Музейный сборникъ писанъ болѣе внимательно и отчетливо, чѣмъ Библіотечный: въ семъ послѣднемъ замѣчаются случайные пропуски словъ и выраженій, восполняемые лишь изъ рукописи Музейной. Но обратно, болѣе краткій составъ статьи о Соломоновыхъ судахъ въ Музейной рукописи доказываетъ, что и она не могла служить оригиналомъ для рукописи Библіотечной. Поэтому приходится думать, что обѣ разсматриваемыя рукописи имѣли одинъ общій оригиналъ болѣе ранній и нынѣ неизвѣстный. Замѣчательно, что въ обѣихъ описываемыхъ рукописяхъ Бесѣда о святыняхъ Цареграда является въ одинаковомъ видѣ, то-есть, безъ начала и съ неумѣстною вставкой изъ Антоніева Паломника среди текста: это несомнѣнно доказываетъ, что въ такомъ же неудовлетворительномъ видѣ нахо-

дился этотъ памятникъ и въ той болѣе старой рукописи, изъ которой онъ внесенъ въ обѣ копіи, намъ извѣстныя.

Нельзя также не обратить вниманія на особый подборъ статей въ Библіотечномъ сборникѣ. Въ составѣ его явственно выдѣляется нѣсколько статей русскаго происхожденія, имѣющихъ отношеніе къ Новгороду: таковы по представленному выше описанію №№ 2-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 14-й. Это обстоятельство наводитъ на мысль о новгородскомъ происхожденіи самого сборника и, еще вѣроятнѣе, той болѣе старой рукописи, съ которой онъ списанъ. По времени составленія русскія статьи сборника относятся не позже, какъ къ концу XV вѣка или къ первой половинѣ слѣдующаго: исключеніемъ въ этомъ отношеніи могла бы быть считаема только Повѣсть о бѣломъ клобукѣ, которой пространная редакція усвоивается обыкновенно патріаршему періоду; но едва ли не болѣе правильно признавать эту повѣсть произведеніемъ первой половины XVI вѣка[1]), а въ такомъ случаѣ становится возможнымъ допустить, что и весь сборникъ, послужившій оригиналомъ для Библіотечной рукописи, а частію для Музейной, былъ составленъ не позже 1550 года.

Представляя текстъ Бесѣды, встрѣченной нами въ вышеописанныхъ рукописяхъ, считаю нужнымъ замѣтить, что въ основу настоящаго изданія положенъ списокъ Библіотечный (съ сохраненіемъ его правописанія), а исправленія явно ошибочныхъ чтеній въ немъ, равно какъ и дополненія, взяты изъ списковъ Музейнаго и Тихонравовскаго. Дополненія эти внесены въ текстъ въ прямыхъ скобкахъ, а подвергшіяся исправленію ошибочныя чтенія основнаго списка обозначены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; тамъ же отмѣчены и важнѣйшія отличія побочныхъ списковъ; въ двухъ или трехъ случаяхъ пришлось пред-

1) О времени составленія Повѣсти о бѣломъ клобукѣ см. замѣчанія М. А. ☐аконова въ его сочиненіи: Власть Московскихъ государей. С.-Пб. 1889, стр. и 71, прим.

ложить исправленіе явныхъ ошибокъ, находящихся во всѣхъ спискахъ [1]).

... и святыя Софѣя, и чинъ ея, и окрестная мѣста ихъ».

Онъ же начатъ глаголати: «Господи царю, Костянтину градъ такъ есть. Вкратъце повѣмъ, яже возмогу; а вся преславная града того не мощно поведати. Егда живяхъ тамо в монастырѣ святаго Андрѣя Юродиваго, и въ единъ отъ днеи изыдохъ на торгъ продаяти рукодѣлия моего, зиждаху же тогода стѣну святыя Софѣя, бѣ бо пала ся отъ труса. І видѣхъ стояща юношу всего огнена и крилата суща, зракъ имуще яко солнце; азъ же отъ страха не могохъ зрѣти нань; бѣх бо сторговалъ о рукодѣльи моемъ и отъиде отъ мене, хотя принести цѣну [2]) мою; азъ же ждахъ его. И рече ко мнѣ страшныи юноша, нарѣкъ мя именемъ: «Тебѣ глаголю, юноше, торгъ [3]) дѣющіи; иди и рцы царю Роману, да повелитъ мастеромъ скоро свершити церковъ сию святую Софѣю, да язъ буду стражъ ея и мѣсту сему». И рекохъ к нему: «Господине, страшное видение твое і свѣтъ ризъ твоихъ и осияетъ мя, и како імя твое? Ослаби ми, да дожду торгователи моего». И рече ко мнѣ: «Михаилъ есмь азъ, силы Господня; положь рукодѣль свою, азъ стрегу его». Азъ же идохъ и рекохъ царю Роману вся словеса его; онъ же возрадовася со всѣми сущими с нимъ. И азъ паки возвратихся скоро к нему и обретохъ и стояща на прежнемъ мѣсте, и рукодѣлия [4]) своего не обретохъ, но подастъ ми цену мою; азъ же прияхъ отъ огненую руку его и поклонихся ему, и рече ми: «Іди в монастырь святаго Андрѣя Юродиваго». И се рѣкъ невидимъ бысть; азъ же цѣну мою раз[да]-

---

1) Означеніе рукописей: Имп. Публ. Библіотеки—Б.; Росс. Истор. Музея —М.; Н. С. Тихонравова—Т.

2) Въ Б. слово *цѣну* повторено.

3) Въ Б. *того*.

4) Въ Б. *рукодѣлие*.

вахъ нищимъ, а самъ поидохъ созерцати доброту града и святыи Софѣи.

«Во истину, господи царю, Божіи градъ есть, и стражъ есть ему великіи архистратигъ Михаилъ и до втораго п[р]ишествия Христова.

«И оттоле подвигся, поидохъ, мало всходя, к полате патриаршеи, к притвору святыя Софѣя среднимъ дверемъ западнымъ. У тѣхъ двереи есть дверь Нοева ковчега и чепь желѣзная, юже ношаше Павелъ апостолъ; ту християномъ много іцѣление. А надъ дверьми есть икона святыи Спасъ чюдотворныи; та ікона[1]) многи исцеляетъ. И передъ тѣмъ Спасомъ виситъ паникаділо и ретяжъ желѣзенъ; и к то[и] ретязи привязанъ стекленикъ с масломъ, а подъ стекляникомъ столбецъ в мрамору; на столпцѣ стоитъ чаша отъ древа Ноева жъ ковчега, в нюже каплетъ масло; и урвася стекляникъ и разби чашу и столпецъ надвое каменныи разрази, а стекляникъ не разбися і масло не разлися. І тотъ столбецъ окованъ обручи желѣзными і чаша к нему прикована на видение християномъ и на исцеление больнымъ. Оттоле поити ко олтарю, прямо к Животворящему Кресту; ту есть во олтари Животворящии Крестъ, на коемъ распяша[2]) Жидове Господа нашего Исуса Христа. Ту есть направе в придѣле столбецъ, на коемъ сидѣлъ Христосъ с Самарянынею бесѣдуя. И дале поидя ко олтарю [на тои же руки есть Троица Святая икона, а предь иконою] трапеза Авраамля, на не[и]же Ав[р]аамъ обѣдъ устрои передъ тою Троицею, і приходяще християне приемлютъ исцеление. Дале же поидя внутрь церкви, по правую руку олтаря есть одръ желѣзенъ к стѣне приклоненъ, на немъже святыи Георгіи и святыи Никита мученъ бысть; конецъ же одра того есть ларецъ великъ каменъ; в том ларцѣ мощи лежатъ святыхъ 40 мученикъ и 14000 младенецъ избиенъныхъ; у того а и ларца бываютъ целбы многимъ. А с лѣвую руку лежитъ

1) Въ Б. *такова.*

2) Въ Б. *распяше.*

гробъ, а во гробѣ святыи патриархъ Арсеніи весь целъ в тѣлѣ, подавая больнымъ исцеление. Отъ двереи же Ноева ковчега поидя мало, по лѣвои странѣ есть беседа, на неиже плакалъ Иеремия пророкъ Иеросалима града, и столбецъ, подъ нимъже плакалъ Петръ апостолъ, и ту такоже проща бываетъ. Ту же есть на лѣвои странѣ замурованъ святыи Георьгіи и святыи Богословъ. Дале же пошедъ мало, по лѣвои сторонѣ есть теремецъ чюдно устроенъ; в немъ икона Пречистая Царица Богородица; та икона посылала мастеры на Киевъ ставитъ церковь в Печере [ко свя]тому Антонию и Феодосию; та же икона плакала, коли Фрязи [взя]ли Царьградъ и держали 62 лѣта, но вѣры ради не мучили никогоже, и пришедши предъ икону сию, имаша[1]) слезы ея и запечаташа в рачице златѣ на выделе стенномъ ту же предъ иконою, а самыхъ Фрязъ много крестися; и пришедъ калимохъ изо Аравия, изгна Фрязы, а градъ предася настасу царю; и тые слезы сседошася аки жемъчюгъ и до сего дни; тая же икона многіи целитъ больныхъ. А оттоле поити мало, есть дьска отъ Ноева ковчега: на неи покладаются Страсти Господни в Великіи Четвертокъ и до Суботы Великия; тогда бываетъ сходъ великъ християномъ с сторонъ, и знаменаются Страстми Святыми и много приемлютъ различная исцеления и прощения грѣхомъ. Дале же пошедъ лѣвыя страны церкви, есть вырезанъ на камени дорогомъ Спасъ на аспиду, [і] Іванна Святаго пасохъ к стенѣ прикованъ, и ту бываютъ исцеления и прощения многа. А в олтарѣ святыя Софѣя у великого престола есть гробъ святаго Іванна Златоустаго покровенъ дьскою, утворенною златомъ и камениемъ драгимъ, а самъ лежитъ аки живъ, бѣ бо весь целъ и ничтоже уныло имыи ни отъ ризъ, ни отъ власъ, но благоуханіе велие испущаетъ и доселе; в память же его велико бываетъ схождение, не токмо християне, но и Фрязи и Латыня, и многа исцеления бываютъ і прощения. А входя в церковъ, на правой странѣ есть кладязъ и чаша мраморъна 6 сажень, в неиже па-

1) Въ Б. *имаше.*

триархъ крещаетъ. И иная [1]) многа видесте очи мои, ихъже нѣсть потонку сказати. Оттоле [2]) жъ изыдо́хъ отъ святыя Софѣя церкви.

«Доселе сказание о церкви святыя Софѣя; преидемъ на градцское сказание. Се же о граде сказъ».

Отвещавъ царь и рече ему: «Господи епископе, Богъ да благословитъ тя! Много бо обвесели мя, господине! Но не [3]) облени ми ся исповѣдати о граде томъ, многа бо блага слышу о немъ.

И глагола ему епископъ: «Азъ, господи царю, елико возмогохъ, повѣдахъ ти, и исповѣмъ, елико еще могу; не бо [вся изслѣдовахъ, но желание имѣю тамо ми конецъ улучити; не бо] много пребыхъ тамо, но токмо лѣто едино; не же ходихъ куды, но токмо до Калуянова Городка, і приидохъ семо жъ; ты мя приятъ и сотвори мя емуже не бѣхъ достоинъ; обрете бо мя яко здрава, да дасть ти Господь милость обрести в день судныи».

И отвеща царь и рече: «Отче святыи, Богъ вѣсть всякого человѣка, и азъ желание [убо] имѣю [о]тъ многъ лѣтъ вся та видети глаголемая тобою [4]), да аще [5]) получю, дамъ благодарение Богу всѣхъ; ищу бо времени, да быхъ гоньзнулъ власти сея тлѣнная, да тамошъняя бы славы не лишенъ былъ, но бы сподобилъ мя Господь кончати животъ [6]) мои во страннѣ[че]ствѣ и убожествѣ. Что ми поможетъ тлѣнная сия [7]) багряница противу венца славы Христовы, егоже подастъ угодникомъ своимъ? Ты же повѣдаи ми яже обеща».

Отвеща епископъ, рече: «Богъ дастъ ти вся благая [и] испол-

---

1) Въ Б. *инная.*
2) Въ Б. *оттоголе.*
3) Въ Б. *на неи.*
4) Въ Б. *тои бою.*
5) Въ Б. *дающе.*
6) Въ Б. *живой.*
7) Въ Б. *кля.*

нитъ желание сердца твоего, азъ же ти не ленивъ буду поспешати молитвою, елико могу; а прежная наша рѣчь сица [1]) есть:

«Исходя [2]) изъ церкви святыя Софѣя полуденными [3]) дверми, по правои руки есть столпъ каменъ высокъ; на столпѣ томъ стоитъ Иусти[ни]янъ царь весь мѣдянъ на конѣ, и конь мѣдянъ; держитъ в руцѣ яблоко мѣдяно велие, поднялъ бо бѣ на землю Срачинску, а в правои руцѣ ему крестъ; а предъ нимъ 3 столпы камены, а на столпахъ 3 цари поганіи, всѣ слѣпи мѣдяны аки живы стоятъ, преклониша колѣни свои Іусти[ни]яну царю и предающе грады своя в руцѣ ему.

«Пошедъ же мало оттуду, отъ двереи полуденныхъ в лѣвои руцѣ есть церковъ святыи Спасъ; на стѣне надъ западными дверми есть образъ; того образа присла нечестивыи царь разбити, и полѣзе нѣкто по лѣствицы к нему, хотяи сокрушити; притекши же, святая Фе[о]досия сверже с лѣствицы, и разбився поганыи и умре; и емше же святую Фе[о]досию, начаша мучити и на конецъ заклаша ю козьимъ рогомъ; и царя того начатъ мучити невидимо [4]) аггели; онъ же устрашився, бысть християн[ин]ъ [5]): бо емше святіи аггели принесоша ко святому образу и начатъ бити нечестиваго, доньдеже обещася покаятися; поже пустиша его, [и] пришедъ царь к патриарху, исповѣда ему все и отречеся предъ патриархомъ всея своея вѣры и тако крещенъ бысть отъ патриарха царь. К сему Спасу весь градъ приходитъ на праздникъ, и Фрязове из Галатъ, и недужнымъ бываетъ ісцеление, не бываетъ бо безъ чудеси праздникъ.

«Созади же олтаря святыя Софѣя есть церкви святаго Николы; тая церковъ создана на Дмитреевѣ [6]) дворѣ, гдѣ посидилъ святыи Никола Дмитрея в полаты его, вземъ из моря. В тои же церкви направе есть икона святыи Спасъ; ту икону покололь

1) Въ Б. *рѣчища.*
2) Въ Б. *исходятъ.*
3) Въ Б. *полуденными.*
4) Въ Б. *невидимои.*
5) Въ Б. и М. послѣ *християнинъ* повторено *бысть.*
6) Въ Б. *Дмитреева.*

нѣкто Жидовинъ повыше лѣвои брови, и потече кровъ изъ раны тоя; і видевъ Жидовинъ [1]) чюдо страшное, ужасеся и вземъ икону верже в кладязь, а самъ отъиде; и усрѣте й християнинъ і виде кровавъ ножь въ руку его и рече ему: «гдѣ окровавленъ бысть ножь сіи», бѣ бо ему другъ; Жидовинъ же неутаенно [2]) рече: «пололъ образъ Бога вашего, икону Спаса»; християнинъ же ятъ Жидовина; и стекошася людие і ведоша его к[о] царю; царь же вопроси его: «гдѣ скры образъ святыи?» онъ же рече: «в кладязи есть»; и того часа царь и патриархъ и множество людіи идоша со кресты на кладезь и ізвлекоша икону, і бѣ кровава, и запечаташа кровъ Христову, а икону поставиша во церкви святаго Николы; та жъ икона многи целитъ и чюдеса творитъ [и] до сего дни.

«А оттоле передъ задними дверми святыя Софѣя великаго олтаря приделано мѣсто, гдѣ воду крестятъ; ту есть чаша аспида зеленаго; туто в чаши погружаютъ кресты; надъ чашею киотъ свинцомъ обитъ; ту же и цареи крестятъ; ту ростутъ 4 кипарися и 2 фуника.

«А отъ святыя Софѣя на востокъ доле к морю есть направе монастырь, рекомыи Одегитрия; в томъ монастырѣ выходитъ икона святая Богородица на всякъ вторникъ на монастырь і велика чюдеса творитъ [3]) и много больнымъ цѣліи; утомъляетъ 4 человѣки; ту же святыи Семионъ в тѣле лежитъ; ту же есть и святая вода.

«А отъ монастыря Одегитрие на полунощи [4]) к Мангономъ направе есть монастырь [святаго Лазаря; ту же лежитъ святый Лазарь другъ Божій в правомъ столпѣ запечатанъ; ту же и святый Мелентіи лежитъ, а в лѣвомъ столпѣ Мария Магдалыни замурована. Оттоле же к Мангономъ направе есть монастырь] женскіи

1) Въ Б. *Жидовину.*

2) Въ М. *не утай его и.*

3) Въ этомъ мѣстѣ въ Б. и М. находится вставка изъ Паломника архіепи-. Антонія, о чемъ см. выше стр. 5.

4) Въ Б. *на полинощи.*

святая Богородица; в томъ монастырѣ уделе есть Страстеи Господнихъ; в тои же церкви есть икона святыи Спасъ; та икона ходила посолствомъ к Риму Великому з грамотою по морю и того жъ дни со иною грамотою пришла при Германе патриарси и при Львѣ папе. Ту же есть направе распятие Господне [1]); ту же есть Игнатия Богоносца голень [2]). Ту же есть близъ того монастыри инъ монастырь женскіи святыи Василіи; ту лежитъ глава святаго Василия Кесари[й]скаго на лѣвои сторонѣ, на другои службе.

«Оттоле притъти к Манганомъ с полудни, воити в монастырь; есть предъ церковью чаша мѣдена велика, а надъ чашею киотъ свинцомъ побитъ; между столповъ каменыхъ брусьемъ огорожено, по брусью врѣзаны еvангелисты с вырезы. А [в]нидя в церковъ, предъ олтаремъ напра[ве] есть ларецъ великъ весь окованъ и замки серебряны; [в]верху ларца изваяно распятие Господне сребряно; в томъ ларцѣ Страсти Господни лежатъ; аще кто пріидетъ на поклонъ Страстьмъ Господнимъ до Великого [3]) Четьверга, іли по Четьвергу пришедъ, покланяетъся распятию [4]) Господню и целуетъ в распятие и в ларецъ, і приемлетъ греховъ отпу щение. А во олтарѣ лежитъ святаго Андрея глава. И изшедъ [5]) из церкви направе в притворе есть двѣ иконе, ихъже написалъ Левъ Премудрыи; и на єдінои написани патриарси, [а] на друзеи [6]) же цари; отъ своего же царства писалъ до скончания Царяграда цареи 80, а патриарховъ 100, а послѣдніи царь будетъ сынъ Калуянъ, а потомъ Богъ вѣсть, а послѣдніи патриархъ Іоаннъ [7]).

«Позадѣ же Манганъ [8]) на востокъ надъ моремъ близъ есть церковъ святыи Спасъ, иже самъ ся преобразилъ на стенѣ,

---

1) Въ Б. *распятия Господня.*
2) Въ Б. *голены.*
3) Въ Б. *великоюго.*
4) Въ Б. *распятие.*
5) Въ Б. и М. *исцедъ.*
6) Въ Б. *на дрьзіи.*
7) Въ Б. *Іона.*
8) Въ Б. и М. *многа.*

и многа оть него исцеления бываетъ. В тои же церкви святыи Аверкiи лежитъ в тѣле и святая мученица Аня [1]) в тѣле же, и рука Iванна Предтеча бес пальцы, златомъ окована, i брада его, и [о]то лба его кость, и [отъ] мощiи святаго Николы, и [отъ] мощiи [2]) святаго Георгия, i апостола Иякова глава, и Стефана [3]) Новаго челюсть, и отъ мощiи [14000 младенецъ, и иныхъ много мощiй] в рацѣ лежатъ златомъ оковано, и святыи Григор[и]и попъ лежитъ в телѣ. В тои же церкви святыи Спасъ икона, iже проглаголалъ Маврикѣеви царю молящу бо ся и глаголющу: «Господи, отъими отъ мене времяннуую сию славу, да не лишенъ буду вѣчныя Ти славы!» И отвеща ему икона святыи Спасъ самъ воображеныи: «Здѣ ли хощеши мученъ быти, или на ономъ свѣтѣ [4])?» Царь же удивися великому чюдеси и рече: «Господи, тамо да не мученъ буду, здѣ наложи ми вся злая». [И] глагола ему Спасъ: «И отъиди отсуду [5]), [и] предстани отъ грѣхъ своихъ, вся ти сотворю [6]) хотения твоя». И абие блаженныи царь пострежеся, восприятъ мнишеское житие; тако преставися, ту же и положенъ бысть и лежитъ в тѣле благiи царь Маврикия.

«И отъ Переплета поити х Калуянову Городку, налеве есть монастырь Студиасъ; ту есть два тѣла нетлѣнна [7]): святыи Сава i святая Соломанида лежатъ [8]) внутрь церкви.

«А оттоле пошедъ мало, направе есть церковъ святыи Диомидъ близъ Калуянова Городка; в тои церкви трапеза Христова, на коеи со ученики вечерялъ; ту бываютъ и целбы многи.

А оттоле поити на полунощи есть монастырь святаго Ан-

---

1) Въ М. *Аия.*
2) Въ Б. *момощiи.*
3) Въ Б. *есть фана.*
4) Въ Б. *свьта.*
5) Въ Б. *отнюду.*
6) Въ Б. *сотвори.*
7) Въ Б. *нетлѣны.*
8) Въ Б. *лежитъ.*

дрѣя; ту лежитъ Андрѣи Стратилатъ предъ царьскими дверми и многа исцеления [1]) даетъ приходящимъ.

«Ту же есть на полунощи близь есть другіи монастырь святаго Андрѣя Юродиваго; ту лежитъ святыи Андрѣи Юродивы[й] в тѣле і посохъ его, исцеляетъ многи; ту же святыи мученикъ Патрикѣя лежитъ; ту же и мое окоянство пострижено бысть.

«Близъ же Златыхъ Вратъ есть монастырь женскои: святыи Еудокимъ лежитъ в тѣле, а на другои странѣ монастырь женскіи [2]): святая Еѵфимия в тѣле, юже носятъ во всяку среду і в пятокъ.

«И оттоле по[и]ти ко святому Диомиду на лѣтніи западъ, есть монастырь женъскіи; ту лежитъ двѣ тѣле нетлѣнне: Елисаveѳъ мати Предтечева, а другое—рабы ея.

А оттоле по[и]ти на лѣтніи западъ ко святому Дани[и]лу, есть церкви святыи Дани[и]лъ; ту же самъ лежитъ святыи Дани[и]лъ въ послѣдн[е]и службе в рове на право[й] сторонѣ, а святыи Романъ Певецъ с лѣвои руце, а во олтарѣ святыи Никита, а верху гроба Данилова 2 аггела камены, аки живи, сотворени Лвомъ царемъ Премудрымъ: єдинъ у главы, а другіи у ногу; ту приходятъ странніи, поклоняются святому Данилу і взимаютъ печать на путь християне.

«Оттоле поити к Богатому монастырю, есть монастырь Богомъ богатъ Іоанна Предтечи; ту лежитъ святыи Иоанъ; а вшедъ в монастырь, есть вода ноли отъ Дуная приведена.

«А оттоле идохомъ на полунощи к Лахерне. Есть монастырь Лахерна близъ стены; ту лежитъ риза и поя[съ] святѣи Богородицы в каменомъ ларцѣ, оковано обруки желѣзными, а в другои службе святыи Потапіи [и] святая Анастасия.

«Отъ Лахерне [3]) идох[ом]ъ на встокъ лицемъ [4]), есть монастырь

1) Въ Б. *исцеление.*
2) Въ Б. *женскихъ.*
3) Въ Б. *Лехерне.*
4) Въ Б. *лица.*

святыи Козма и Домъянъ; ту лежитъ святаго Козмы и Домъяна главы златомъ окованы.

«И оттоле поидохомъ на встокъ, есть монастырь святыя Феодосіи; ту лежитъ святая Феодосия дѣвица в тѣле, и поднимаютъ на всякъ понедѣлникъ і в пятокъ, и исцеление [больнымъ] подаваетъ.

«А оттоле поити к Василькомъ на востокъ. Конецъ Васильковъ і Великаго Торгу есть церковъ фряжская; ту тоже есть распятие[1]) Христово изваяно в древе велми чюдно, аки живо суще, і гвозди[е] сребряно в ногу и в руку приковано; ту же и целъбы сицевы бываютъ: у ково зубы болятъ, и онъ имется за ножныя гвоздия, зубу прииметъ здравие.

«А отъ Васильковъ поити мало на встокъ, есть церковъ святаго Николы, и ту есть церкви[2]) святаго Николы на стѣнѣ вапы, устроенъ аки живъ. [И] пришедшу нѣкоему християнину, істопшу в мори и молящуся, и протяжеся к нему рука святаго Николы от образа того, а в руце мешецъ, а в мешцы 100 златыхъ великихъ фряскихъ отъ чистаго злата.

«А подъ Васильки есть пристаны кораблемъ і перевозъ к Галатомъ.

«Оттого мало пошедъ к Поручному Спасу; ту есть образъ Святаго Спаса, иже поручалъ по Федоре купцѣ, егда за[и]мовал у Жидовина у Аврамия сребро и злато и истопе; тогда Жидовинъ иде, поругатися хотя образу Святаго Спаса, і в томъ часѣ изве[р]же море суму злата и грамоту отъ купца і преписание Святаго Спаса писано сицево: «Не поруга[и] ми ся, о Жидовине; не могу в долгу быти, ниже оставляю раба моего стр[а]ждуща толико, но возми свое, лишше ти есть 15 гривенъ злата». Жидовинъ же видѣвъ чюдо крестися, [и] жена его, і весь домъ ...и крести.

«А отъ Васильковъ поити на зимнои западъ к Пантократарю;

1) Въ Б. *распятия.*
2) Въ Б. и М. *церковъ.*

есть монастырь Пантократарь Иусти[ни]яна царя на горѣ учиненъ велми чюдно, озданъ каменемъ, и округъ его вода, и столпове в немъ камены, узорочья многа, в немъже и доска, на неиже Христа ко гробу принесли, да [1]) корчагъ, в немже Христосъ воду в вино претворилъ; да мученикъ Михаило въ тѣле лежитъ бе[зъ] главы, і глава Иякова Перскаго, и слѣзы святѣй Богородицы на дске.

«А оттоле поити к Подмакарис[ту] на [за]падъ. Идя к Подрому, на право есть монастырь; въ томъ монастырѣ глава Игнатия Богоносца и святіи апостоли в тѣле лежатъ [2]) Карпъ і Папилъ и Трофимъ и Филимонъ и Онсифоръ.

«А отъ апостолъ поити на полудни долу, есть [2] [3]) монастыря женскихъ: единъ царицынъ монастырь, а другои царевъ [4]); в перьвомъ монастырѣ святое [5]) двѣ телѣ [не]тлѣнни—Иоанъ Милостивыи, Мария Магдалыни, Феодосия дѣвица, а въ другомъ Стефан Новыи и Ирина святая даютъ християномъ просвещение. Отъ нея же подъ Спасомъ есть святая вода межъ стены городныи и моремъ заключена, и тою водою умываютъце людие і піютъ ея, и исцелѣние отъ нея бываетъ; ту близъ [святыя воды въскрай моря есть песокъ, идѣже больніи погребаютъ ноги и изби]раютъ черви изъ носъ и изо всего телеси и здрави бываютъ.

«А Манганы изшедъ, на западъ к Василькомъ идя, есть церковъ святыи Андрѣи, [и] ту лежитъ святыи Андрѣи Критцкіи и целбы подаетъ людемъ мнозимъ.

«Отъ святыя Софѣя на полудни поити к Цареву двору Ко[нь]стянтинову, есть налевѣ церковъ, есть святая Еуфимия, идѣже соборъ июля въ 16 день бысть святыхъ отецъ 40 и утверженъ бысть вѣры святою Еуфимиею; ту же и святыи Михаило в тѣле лежитъ, и ту бы[ваютъ цель]бы многимъ.

---

1) Въ Б. *до.*
2) Въ Б. *лежитъ.*
3) Въ Б. и М. цифра пропущена.
4) Въ Б. *церковъ.*
5) Въ Б. *в тои.*

«Идохомъ же оттуду на Царевъ дворъ Ко[нь]стянтиновъ; есть Царевъ дворъ на полудни надъ моремъ великимъ, и есть на Царевѣ дворѣ узорочья много. Есть убо столпъ каменъ великъ; на томъ столпѣ 4 столпцы каменыхъ [же], а на столпахъ тѣхъ положенъ каменъ синего аспида, да в томъ же камени рѣзаны лвы крилатіи [и] орли каменіи и бораны камены; у борановъ же рога уже збита, тѣмъ же і столпъ единъ избитъ: то же портили Фряз[ов]ѣ в елико владѣли Царѣмъ градомъ; и инѣхъ убо узорочей много потравили. А подъ стеною вскрай [1]) моря есть медведи камены [и] изубри каменіи же, и иныхъ узорочья велми много и до сего дни. І есть мовница Костянтинова надъ моремъ высоко близъ стены, тамо же Левъ царь і воду возвелъ [2]) и корыто [3]) учини камено велико хитро и мудро, у негожъ корыта нищіи приходящіи мыяхутся, а во угли мовни тоя положъ бочку древяну велику, збиту обручи желѣзними, у неяже 7-мь гвоздь, да какову хто хочетъ воду, такову же и точитъ; а мзды не имаетъ ни у кого же мьющихся; на то же постави стражъ в другомъ угли болванъ аки человѣкъ каменъ, и лукъ [4]) мѣдянъ в руцѣ его и стрела мѣдяна жъ, да аще [кто у кого захочетъ] [5]) взяти мзда, то онъ уст[р]елитъ бочку, и не будетъ воды [6]) отъ нея. А возлѣ бочки [7]) устрои фонарь ograженъ стекломъ латыньскимъ, иже горяше день и нощъ непрестанно. Рекоша ми нѣцыи, яко после Лва царя 300 лѣтъ бысть мовница сіи, мьяхутся [в ней], и не престаяше вода текущи изъ бочки тоя, и фонарь горяше [8]), и егда [9]) Фрязи начаша взимати мзду, тогда тои болванъ [и]спусти стрѣлу и удари в бочку, и бочка разсѣдеся и фонарь погаше;

1) Въ Б. *вскрамъ.*
2) Въ Б. *возвели.*
3) Въ Б. *корытои.*
4) Со словъ *и лукъ* начинается отрывокъ Т.
5) Только въ Т.
6) Въ Б. *воду.*
7) Въ Б. и М. *бочку.*
8) Въ Б. *горящъ.*
9) Въ Б. *едва.*

они же отроша главу болвану тому; тѣмъ же многа Фрязи истеряли узорочья. А подъ Царевымъ дворомъ [і] иные были [1]) полаты, і в тѣхъ полатахъ есть чаша царицына святые Елены; та [жъ] [2]) чаша была воды полна, и приходящіи християне, Фрязи [и] Латына, и Срачина взимаху воду комуждо колико надобѣ [3]); а безъ воды не бывало [4]) николиже, но исцеление даяше[ся] болнымъ; [а] ныне же та чаша праздна стоитъ и до сего дни [5]).

«Но, господи мои царю, и се дивное чюдо забыхъ повѣдати: быхъ бо о благихъ забытливъ. Егда во храмѣ Божіи ходихъ святыя Софѣя і видѣхъ ино чюдо: есть бо [6]) идущу во святую Софѣю отъ великаго оклада отъ первыхъ дверей до вторыхъ 50 лакотъ [7]), сіи рѣчь саженъ, а отъ втораго порога до амбона 70 лакотъ [8]); мало же не дошедъ амбона, есть ту горка мраморна; на неи стоитъ святая чаша потиръ, около же нее огражено каменемъ, а верху ея киотъ мѣдянъ позлащенъ. Егда бо хотяху Фрязи взяти Царьградъ, тогда патриархъ нача хранити сосуды і вземъ чашу ту и [понесе изъ святаго олтаря; егда мимо идя амбонъ, тогда бысть ему гласъ глаголя: «Доселѣ дойдеши и не прейдеши». Онъ же слышавъ ту устрашися и изрути чашу ту и] хотѣ взяти и не возможе, и огради ю каменемъ. А отъ амбона до олтаря 30 лакотъ, а олтарь есть 50 [9]) лакотъ в долготу, а ширина 100. А ширина святыя Софѣя 200 лакотъ, а высота ея 108 [10]). А верхи ея чюдно украшены и утворены; а надъ прежними дверми на высотѣ ея написанъ Соломонъ мусиею аки живъ в кругу лазурне со златомъ; 6 саженъ — кажутъ — мѣра ему, а

1) Въ Б. *бымъ*; въ М. *быти*.
2) Только въ Т.
3) Въ Б. *недобѣ*.
4) Въ Т. *а вода не оубывало*.
5) Послѣ этихъ словъ въ Т. пропускъ.
6) Въ Б. *во*.
7) Въ Б. *латко*.
8) Въ Б. *латко*.
9) Въ М. *80*.
10) Въ М. *150*.

всѣхъ [престолъ во Святѣи Соѳѣи 84, а дверей всѣхъ] 72; а столповъ всѣхъ округъ ея і внутрь ея 300 и 62[1]). Здѣ же хощу составити повести моея конецъ»[2]).

Рече же ему: «Отче святыи, [много] [3]) благодарю тя, но повѣждь ми, како взыде отъ Царска двора».

Отвѣща[въ][4]) же епископъ, рече: «Отъ Царска двора поидохомъ ко игрищу на западъ; есть убо игрище[5]) близъ Царева двора; то было игрище многими чюдесы украшены, тѣм же много и ныне есть. На немъ есть столповъ 30 стоитъ великихъ отъ великаго моря; у всякаго столпа колцы[6]) желѣзны, а верху столповъ брусьемъ каменымъ переходы мощены отъ краинево столпа и до краинево. А отъ тѣхъ столповъ поити по игрищу, есть на лѣвой сторонѣ на воротѣхъ 2 женѣ камени аки живы, и ти жены об[л]ичали женъ, коя жена отъ мужа буди, и не пускали ихъ [7]) во игрище, но отдале себѣ играли.

«Отъ игрища же пошедъ мало налѣво, в тои же сторонѣ есть 3 змеи мѣдяны, и тѣ змеи обращаютьца трижди лѣтомъ, коли солнце в лѣтнюю звѣзду поступитъ, да коли[8]) в зимнюю, да коли на істомъ високостѣ будетъ[9]). А туто же есть налеве[10]) столпъ каменъ великъ, поставленъ на четырехъ лодыгахъ мѣдяныхъ; а лодыги тѣ аки храмины велики слиты, ихже сотвори Левъ царь Премудрыи; на томъ столпѣ 16 мужеи: 8 мѣдяныхъ, а восмъ каменыхъ, держатъ в рукахъ своихъ кождо метлы[11]), — бѣ же древо незнаемо, но бѣ яко воскъ [овощало]; тѣ же мужие[12]) при

1) Въ М. *68*.
2) Послѣ этого слова начинается опять текстъ въ Т.
3) Только въ Т.
4) Только въ Т.
5) Вмѣсто *игрище* въ Т. позднѣйшею рукою приписано *врата*.
6) Въ Б. *па колцу*.
7) Въ Т. *іже кая жена отъ мужа блудитъ и тѣхъ не пускали*.
) Въ Б. и М. *велико*.
.) Въ Т. *да коли начнетъ високосъ быти*.
)) Въ Б. *навели*.
1) Въ Б. *метля*.
!) Въ Б. *ту же можіе*.

Лвѣ царѣ пахали улицы, по граду ходяще нощию, а въ день стояху праздни. И ина бо хитра и мудра того творения: бѣ аки вторыи[1]) Соломонъ. Во дни же царства его была у него полата, в не иже солнце и мѣсяцъ и звѣзды хождаху аки на [не]беси; нынѣ же вся та праздна, яко же рекохъ. А около игрища ины столпове, на нихъже рѣзаны людцы малы. А направе есть кладязь глубокъ велми, а въ немъ вода сладка; а с ыгрища на всѣ стороны ворота.

«И оттуду же идохомъ в лѣвая врата на западъ ко Спасову гвоздию: столпъ убо стоитъ с правую руку Великия улицы[2]) отъ святыя Софѣя к Правосудомъ; верху того столпа запечатано гвоздие Спасово і Ноева секира и кошница отъ двунадесятъ, что Христосъ в пустыни чюдо сотворилъ; а столпъ обитъ 15-ю обручи желѣзными, а верху его крестъ. Отъ столпа же поидохомъ по Великой[3]) улицы к Правосудомъ. Есть направе церковъ мирская, ис тои церкви[4]) выходитъ икона святая Богородица во всякое воскресение да велика чюдеса створяетъ, болнымъ подаетъ исцеление. Пошедъ же подале по Великои улицы, есть направе Правосуды отъ моря Чермнаго[5]), яже сотворилъ Левъ [царь][6]) Премудрыи горазд[н]о и хитро; какие[7]) людие, і порты на нихъ латы[нь]стіи, оба камены красного мрамору; и одинъ право суди[лъ] о поклепе, а друг[і]и о заиму и о торговляхъ і обо иныхъ вѣщехъ,— да [аще][8]) кого кто чѣмъ поклеплетъ, и онъ пришедъ да всыплетъ ему в руку, и колько будетъ правыхъ кунъ, только і приметъ, а лишнего никако же не прииметъ, но летятъ куны мимо; а о торговляхъ такоже[9]): стояти обѣма исцема руки вложивъ в ротъ

1) Въ Т. *премудрый.*

2) Въ Б. *улиты.*

3) Въ Б. *Велику.*

4) Въ Б. *и стоитъ церковъ.*

5) Въ Т. *Черленаго.*

6) Только въ М.

7) Въ Т. *паки.*

8) Только въ Т.

9) Послѣ *также* въ Б. слѣдуютъ слова *не приметъ,* которыхъ нѣтъ в М. и Т.

болвану тому, и кто будетъ виненъ, и онъ ошибетъ руки [емоу][1]) прочь; но и то Фрязи попортили: единъ перебитъ на полы[2]), а другому руки и ноги перебиты и носа сражено.

«Оттоле же исшедъ и ідохомъ х Калуянову Городку цареву; есть у [того][3]) городка царева врата 3: на первыхъ воротѣхъ написано распятие Христово[4]), а другая сторона — Страшный Судъ. Та вра[та] прошедъ, поити влево к Великому морю, к Перивлепзому[5]); есть монастырь Перивлепзонъ[6]) горазъд[н]о велми строенъ, а церковъ в немъ Пресвятая Богородица, і въ ней много святыхъ мощіи. И много в томъ граде святыхъ телесъ лежитъ.

«И оттоле паки возвратихся во свои монастырь к святому Андрѣю, і паки придохомъ [сѣмо. I си вся сказахъ ти, яко же возмогохъ; но что си суть, колико] бо былъ Царьградъ при великомъ Ко[нь]стянтине и [о][7]) Елены матере его, не толико[8]) еще было чюдесъ и узорочья. Но се моея повести конецъ. Ты же аще хощеши, Богу ти[9]) помогающу, самъ да возриши, и азъ бо желаю и молюся Богу и святому архангелу Михаилу, да [сподобитъ мя тамо конецъ житию прияти во святыхъ] тѣхъ мѣстехъ, да бы ми хотя мало ослаба была множеству грѣхъ[10])».

Отвѣща царь: «Благодарю Бога і тебѣ, отче честныи, яко колико ми добра изглагола». И одари епископа многими честными дарми і отпусти его, и тако разыдостася[11]). По мале же дни[и], Божиимъ изволениемъ ідущимъ страннымъ во Иерусалимъ, царь же иземъ злата многа и утаився всѣхъ, иде с нима во Иерусалимъ і пребысть тамо два лѣта и по всѣмъ Святымъ Мѣстомъ

1) Только въ Т.
2) Вмѣсто *на полы* въ Б. *руки*.
3) Только въ Т.
4) Въ Т. *Господне*.
5) Въ М. и Т. *к Перивлептому*.
6) Въ М. *Перилѣптонъ*; въ Т. *Перевлентовъ*.
7) Только въ Т.
8) Въ Т. *не столко*.
9) Въ М. *тебѣ*.
10) Въ Т. *грехомъ моимъ*.
11) На этомъ кончается отрывокъ Т.

походи и оттуду иде в Синаискую гору і бысть тамо 1 мѣсяцъ, и по сихъ иде во Александрию лѣто едино. Тогда сниде епископъ Венединскій[1]) в Ко[нь]стянтинградъ и не обрете своего[2]) царя; но по лѣте единомъ при[и]де царь отъ Александрия со странники и обрете своего епископа в монастырѣ святаго Андрѣя, и целоваста.

Объясненіе издаваемаго нами памятника, и въ особенности опредѣленіе времени его написанія и его состава, сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями.

Съ одной стороны, если судить о немъ по его внѣшней формѣ, то слѣдуетъ отнести его къ довольно позднему времени нашей письменности: по крайней мѣрѣ, въ ранніе вѣка ея не встрѣчается оригинальныхъ русскихъ произведеній, изложенныхъ въ формѣ собесѣдованія; едва ли не первые случаи ея употребленія находимъ мы уже въ XVI столѣтіи — въ сочиненіяхъ Вассіана Патрикѣева («На Іосифа игумена Волоцкаго собраніе отъ святыхъ книгъ») и Зиновія Отенскаго («Истины показаніе»), и здѣсь діалогическая форма объясняется чисто полемическою задачею этихъ произведеній. Напротивъ того, въ нашемъ памятникѣ діалогическая форма не оправдывается цѣлью, которую преслѣдуетъ авторъ: между собесѣдниками не происходитъ никакого спора; вопросы царя и отвѣты епископа не представляютъ собою діалектическаго развитія основной идеи — о душеспасительной пользѣ паломничества; доказательства автора заключаются не въ опроверженіи возможныхъ возраженій, а только въ приведеніи примѣра: въ уста епископа вложенъ разсказъ, и притомъ не только объ его паломническомъ хожденіи, но и о томъ чудесномъ видѣніи, которымъ былъ освященъ его благочестивый подвигъ.

---

1) Въ М. *Ренедійскіи.*
2) Въ Б. *своего* дважды.

Такимъ образомъ, не смотря на діалогическую форму, нашъ памятникъ сохраняетъ характеръ поучительнаго повѣствованія, то-есть, относится къ тому типу литературныхъ произведеній, который преобладалъ въ нашей письменности еще съ раннихъ ея временъ.

Съ другой стороны, издаваемая нами Бесѣда, вся посвященная Константинополю, не содержитъ въ себѣ никакого намека на то, что столица благовѣрныхъ царей находится во власти басурманъ. Взятіе Константинополя турками въ 1453 году произвело на Руси очень сильное впечатлѣніе, и съ тѣхъ поръ почти всякое упоминаніе о столицѣ православнаго востока въ нашихъ памятникахъ сопровождалось выраженіемъ скорбнаго чувства о порабощеніи ея подъ иго невѣрныхъ, или по крайней мѣрѣ, выраженіемъ негодованія на грековъ, своими грѣхами заслужившихъ такое порабощеніе. Нельзя представить себѣ, чтобы не высказался въ томъ или другомъ смыслѣ составитель нашей Бесѣды, еслибъ ему извѣстно было о водвореніи турокъ въ Константинополѣ. Только до половины XV вѣка было возможно поклоненіе цареградской святынѣ; напротивъ того, первый по взятіи Константинополя русскій путешественникъ на востокъ, описавшій свое странствованіе, гость Василій (1465—1466 гг.) ни словомъ не обмолвился о Цареградѣ, хотя едва ли могъ миновать его на своемъ пути, — не обмолвился, конечно, потому, что не зналъ, какъ ему описать поруганіе и погромъ тамошнихъ многочисленныхъ храмовъ и монастырей. Въ виду этихъ соображеній надобно полагать, что издаваемая нами Бесѣда написана не позже половины XV вѣка. А если прибавить къ тому, что еще до взятія Константинополя турками сдѣлана была, въ 1439 году, во Флоренціи попытка уніи между Восточною и Западною церквами, и что вѣсть о томъ, по принесеніи ея въ Москву, вперъ возбудила здѣсь сомнѣнія на счетъ чистоты православвѣры у грековъ, то прійдется еще нѣсколько отодвинуть ня составленія Бесѣды, и именно признать, что памятникъ ъ, столь благоговѣйно повѣствующій о православной кон-

стантинопольской святынѣ, могъ быть составленъ только до 1440 года.

Но это заключеніе опредѣляетъ лишь одну сторону хронологическаго вопроса. Чтобы выяснить другую, то-есть, ранѣе какого времени Бесѣда не могла быть написана, необходимо войдти въ болѣе подробное разсмотрѣніе ея состава.

Поучительныя повѣствованія Бесѣды заключаютъ въ себѣ два элемента — легендарный и историческій. Легендарный мотивъ положенъ въ самую основу нашего памятника: царь проситъ епископа разсказать объ его паломничествѣ и, выслушавъ его повѣствованіе, рѣшается самъ послѣдовать примѣру святаго отца. Какой страны это царь—не сказано; епископъ же названъ Венединскимъ или, по другому списку, Ренедійскимъ, и царь называетъ его своимъ [1]). Уже это отсутствіе точности въ указаніи именъ переноситъ описываемыя происшествія въ туманную область легенды; авторъ какъ бы намѣренно удерживаетъ читателя внѣ предѣловъ исторической дѣйствительности.

Вполнѣ легендарнымъ характеромъ отличается и начальная рѣчь епископа, его разсказъ о томъ чудесномъ видѣніи, котораго онъ сподобился въ юности, когда впервые пришелъ поклониться цареградской святынѣ. Ему явился тогда архангелъ Михаилъ и послалъ его къ императору Роману съ повелѣніемъ поспѣшить возстановленіемъ стѣны Софійскаго храма, разрушенной землетрясеніемъ, а самъ обѣщалъ быть стражемъ этого храма.

Преданіе о томъ, что архангелъ Михаилъ пожелалъ взять Юстиніанову церковь подъ свою охрану, тѣсно связано съ исто-

---

1) Г. Рузскій (Archiv für Slavische Philologie, 11-ter Band, S. 311) признаетъ болѣе правильнымъ чтеніе Ренедійскій, производя это названіе отъ македонскаго города Rendina — Rondino—Renthina — Rentine —Ῥυγχίνος. Въ пользу чтенія Венединскій можно припомнить названіе венеціанцев Венедици въ Сказаніи о перенесеніи мощей св. Николая въ Баръ-градъ, XI в и въ Словѣ о полку Игоревѣ; у Игнатія Смольянина (1389—1465 гг.) они называются Венедики.

ріей ея сооруженія. Оно записано въ анонимномъ греческомъ сказаніи о созданіи этого храма, относимомъ къ началу XII вѣка[1], и затѣмъ повторено въ русской передѣлкѣ этого сказанія, конца того же столѣтія[2], а также въ «Паломникѣ» архіепископа Антонія[3]. По мнѣнію профессора Кондакова, поводъ къ возникновенію этого преданія подало колоссальное изображеніе архангела въ абсидѣ Софійскаго храма, остающееся нынѣ почти единственнымъ по стилю изображеніемъ Юстиніанова времени[4]. У греческаго анонима и въ его русской передѣлкѣ сообщается по этому поводу цѣлая легенда. Однажды, во время сооруженія храма, мастера, его строившіе, пошли обѣдать, оставивъ нѣкотораго благочестиваго отрока стеречь зиждительные сосуды. Въ эту-то пору на воздвигаемой стѣнѣ явился ему кажникъ въ бѣлыхъ ризахъ, объявилъ, что онъ будетъ стражемъ храма, а отрока послалъ къ императору Юстиніану съ повелѣніемъ не медлить постройкой. Распросивъ посланнаго, императоръ догадался, что кажникъ есть архангелъ Михаилъ.

Въ разсказѣ епископа нашей Бесѣды повторяются существенныя черты этой легенды, но съ нѣкоторымъ подновленіемъ сообразно обстоятельствамъ времени: храмъ уже не строится, а только исправляется послѣ землетрясенія,—поэтому архангелъ является не на воздвигаемой стѣнѣ, а на торгу; имя императора не Юстиніанъ, а Романъ. Не смотря на эти отличія, сходство между двумя варіантами легенды столь близко, что весьма возможно предположеніе: разсказъ епископа не есть ли только позднѣйшая книжная передѣлка прежняго сказанія, принадлежащая составителю нашей Бесѣды. Въ пользу такого предположенія говоритъ то,

---

1) Ant. Banduri. Imperium Orientale. T. I. Parisiis. MDCCXL. Anonymus Sophia, pp. 71—72.

2) Памятники древней письменности. LXXVIII. Сказаніе о Софіи Цареградской. Сообщилъ архим. Леонидъ. С.-Пб. 1889, стр. 11—13.

3) Путешествіе архіепископа Антонія, ст. 70.

4) Византійскія церкви и памятники Константинополя. Одесса. 1886, 116.

что легенда въ варіантѣ, сообщаемомъ Бесѣдой, нигдѣ болѣе — сколько мы знаемъ — не встрѣчается. Замѣтимъ притомъ, что имя императора Романа могло быть названо тутъ не случайно: при одномъ изъ Византійскихъ государей, носившихъ это имя, при Романѣ III Аргирѣ (1028—1034 гг.), дѣйствительно было землетрясеніе въ Константинополѣ (13-го августа 1032 г.)[1]) и производились исправленія въ храмѣ св. Софіи; только извѣстія о нихъ намъ не встрѣтилось въ русскихъ памятникахъ, а сообщается оно у Кедрина[2]). Какъ бы то ни было, смыслъ легенды въ обоихъ варіантахъ одинъ и тотъ же: она указываетъ на исключительное, первенствующее значеніе константинопольскаго храма св. Софіи Премудрости Божіей, обусловленное тѣмъ, что надъ нимъ непосредственно блюдутъ небесныя силы. Наша Бесѣда расширяетъ даже это высшее блюденіе, ибо въ ней епископъ заключаетъ разсказъ о своемъ видѣніи слѣдующими словами: «Во истину, господи царю, Божіи градъ есть, и стражъ есть ему великіи архистратигъ Михаилъ и до втораго пришествия Христова».

На тѣ же легенды намекаетъ и Нестеръ Искендеръ въ своей повѣсти о взятіи Константинополя турками, когда упоминаетъ о пламени, исшедшемъ во время послѣдней осады города изъ оконъ Софійскаго храма и окружившемъ «всю шею церковную», а потомъ собравшемся въ одно мѣсто и отошедшемъ на небо. Патріархъ, по словамъ Нестера, объяснилъ это явленіе царю слѣдующимъ образомъ: «Вѣси, о царю, вся прежереченная о градѣ семъ, и се нынѣ пакы ино знаменіе страшно бысть: свѣтъ убо онъ неизреченный, иже бѣ съдѣйствуя въ велицѣй церкви Божія Премудрости съ прежними свѣтильникы и архіереи вселенскими, такоже и ангелъ Божій, егоже укрѣпи Богъ при Устиніанѣ цесари, на съхраненіе святыа великіа церкви и граду сему, въ сію бо нощь

---

1) Muralt. Essai de chronographie byzantine. St.-P. 1855, p. 608.

2) Ducange. Historia byzantina duplici commentario illustrata. Lutetiae Parisiorum. MDCCLXXXII. Constantinopolis christiana, p. 13; cf. p. 27.

отъидоша на небо: и се знаменуеть, яко милость Божіа и щедроты его отъидоша отъ насъ, и хощетъ Богъ предати градъ нашъ врагомъ нашимъ»[1]).

По мысли составителя нашей Бесѣды, явленіе небеснаго стража св. Софіи епископу должно знаменовать собою высокое благочестивое настроеніе, охватившее паломника, когда онъ приступилъ къ обозрѣнію цареградской святыни. Настроеніе это должно сообщится и читателю: впечатлѣніе, ожидающее послѣдняго, намѣчено авторомъ Бесѣды въ словахъ царя, который слушаетъ епископа и приходитъ въ умиленіе отъ его повѣствованій. Едва епископъ описалъ св. Софію, какъ царь выражаетъ желаніе послѣдовать примѣру своего собесѣдника, а изъ заключительныхъ строкъ произведенія оказывается, что онъ дѣйствительно привелъ свое намѣреніе въ исполненіе. Такимъ образомъ, указаніе на паломничество, какъ на долгъ всякаго истинно благочестиваго человѣка, и есть та поучительная мысль, которую авторъ Бесѣды если не высказываетъ прямо, то даетъ понять всѣмъ своимъ произведеніемъ.

Въ старинной русской письменности типическою формой для поучительныхъ повѣствованій служили житія святыхъ. По мѣрѣ ихъ размноженія выработывались для нихъ извѣстные пріемы изложенія — нѣкоторая витіеватость рѣчи, щедрое употребленіе церковно-славянскихъ словъ, болѣе сложное въ синтактическомъ отношеніи построеніе фразы. Тѣми же пріемами изложенія отличается и наша Бесѣда, но не вся, а только въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя имѣютъ легендарный характеръ, а также въ рѣчахъ царя[2]). Напротивъ того, въ той части разсказовъ епи-

1) Памятники древней письменности. Повѣсть о Царьградѣ Нестера-Искендера XV вѣка. Сообщилъ архим. Леонидъ. С.-Пб. 1886, стр. 24. Ср. статью Г. С. Дестуниса объ этомъ изданіи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1887 г., февраль, стр. 381.

2) Эти части Бесѣды любопытно сличить въ стилистическомъ отношеніи, между прочимъ, съ житіемъ Андрея Юродиваго, читаемымъ въ Макаріевскихъ Минеяхъ подъ 2-мъ октября; составитель Бесѣды, безъ сомнѣнія, зналъ его и заимствовалъ изъ него нѣкоторые обороты рѣчи.

скопа, гдѣ содержится собственно описаніе константинопольскихъ святынь, изложеніе сохраняетъ оттѣнокъ дѣловой сухости, свойственный какому-нибудь дорожнику или путеводителю. Уже одно это обстоятельство наводитъ на мысль, что разсказы эти извлечены составителемъ Бесѣды изъ какого-нибудь чужого сочиненія. Ближайшее разсмотрѣніе означеннаго отдѣла Бесѣды, отдѣла собственно историческаго, подтверждаетъ такое предположеніе.

Прежде всего, нельзя не замѣтить, что разсказы епископа о томъ, что̀ онъ видѣлъ въ Константинополѣ, хотя и прерываются вопросами и замѣчаніями царя, представляютъ собою нѣчто цѣлое. Далѣе, несомнѣнно, что они имѣютъ явные признаки исторической достовѣрности, какъ свидѣтельства человѣка, который самъ былъ въ столицѣ императоровъ: сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія отличаются отчетливостью и наглядностью, а порядокъ ихъ изложенія соотвѣтствуетъ той послѣдовательности, въ которой цареградскія святыни могли быть осматриваемы подъ руководствомъ мѣстныхъ проводниковъ. Проф. Н. П. Кондаковъ мѣтко указалъ эту особенность изложенія въ «Паломникѣ» архіепископа Антонія[1]); какъ въ этомъ произведеніи, такъ и въ разсказахъ епископа нашей Бесѣды представляется нѣсколько путей хожденія по великому городу: прежде всего описывается первый холмъ, съ храмомъ св. Софіи, съ церквами и монастырями, расположенными по берегу Босфора; затѣмъ во второй путь обозрѣвается юго-западная часть столицы, съ монастырями Перивлептомъ и Студійскимъ, съ Золотыми Воротами и Калуяновымъ Городкомъ; третій путь ведетъ въ сѣверную часть города, къ монастырю св. Іоанна Предтечи (Продромъ) и къ Влахернскому храму; на четвертомъ пути описываются внутренніе холмы — четвертый и пятый, съ монастырями Пантократора и Паммакаристы; пятый путь возвращаетъ повѣствующаго ко дворцу Константина, и притомъ снова дѣлаются общія замѣчанія о храмѣ св. Софіи, а далѣе обозрѣваются сосредоточенные около помянутаго дворца

1) Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 89.

гражданскіе памятники; заканчивается разсказъ еще нѣсколькими свѣдѣніями о западной части Цареграда, такъ какъ въ этой сторонѣ находился монастырь св. Андрея Юродиваго, гдѣ повѣствующій имѣлъ, по видимому, свое пристанище.

Что мы имѣемъ предъ собою свидѣтельства очевидца—всего яснѣе обличается его многочисленными показаніями о слѣдахъ разоренія, оставшихся въ Константинополѣ послѣ господства въ немъ латинянъ въ XIII вѣкѣ. Правда, что періодъ ихъ владычества въ Цареградѣ (1204—1261 гг.) опредѣленъ невѣрно—въ шестьдесятъ-два года, а о возстановленіи власти Восточныхъ императоровъ упоминается въ выраженіяхъ болѣе изысканныхъ, чѣмъ точныхъ [1]), — тѣмъ не менѣе о бѣдствіяхъ латинскаго нашествія говорится съ живостью и ясностью свѣжаго впечатлѣнія, подобныя которымъ можно найдти только въ Сказаніи о погибели царства Греческаго, вставленномъ въ нѣкоторыя русскія лѣтописи подъ 1204 годомъ.

Наконецъ, можно считать несомнѣннымъ и то, что внесенные въ Бесѣду разсказы о Цареградѣ принадлежатъ русскому автору. На это въ особенности указываютъ слѣдующія слова нашего текста объ одной изъ иконъ Божіей Матери въ Софійскомъ храмѣ: «та икона посылала мастеры на Киевъ ставитъ церковъ въ Печере ко святому Антонию и Феодосию». Преданіе это могло быть интересно только русскому человѣку, и какъ извѣстно, оно встрѣчается въ Печерскомъ Патерикѣ, въ сказаніи о созданіи Печерскаго храма [2]), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что, по Патерику, икона эта находилась во Влахернскомъ храмѣ, а не въ Софійскомъ, какъ утверждаетъ нашъ памятникъ.

---

1) «И пришедъ калимохъ изо Аравия, изгна Фрязи, и градъ предася настасу царю». Выражаясь такимъ образомъ, то-есть, называя Михаила Палеолога настасомъ (анастасомъ), а его полководца Алексѣя Стратигопуло калимомъ (калимахомъ), авторъ прибѣгаетъ къ довольно распространенному въ нашей старинной письменности обычаю украшать рѣчь греческими словами. Въ старинныхъ Алфавитахъ калимахъ переводится «доброборецъ», а Анастасій чѣе точно—«воскресеніе».

2) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Вл. Яковвымъ. С.-Пб. 1872, стр. CXVII.

Установивъ такимъ образомъ фактъ, что разсказы епископа нашей Бесѣды о Цареградѣ содержатъ въ себѣ показанія очевидца, и притомъ русскаго, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ право сравнить эти разсказы съ другими описаніями Константинополя, оставшимися въ нашей старинной письменности отъ паломниковъ, посѣщавшихъ его до времени турецкаго завоеванія.

Такихъ описаній сохранилось пять: одно — Новгородскаго архіепископа Антонія — изъ самаго конца XII вѣка, три — Стефана Новгородца, Игнатія Смольянина и дьяка Александра — изъ XIV вѣка, изъ его средины и конца, и одно — іеродіакона Зосимы — изъ первой четверти XV вѣка. Всѣ эти описанія отличаются полною наивностью воззрѣнія и безыскусственностью изложенія, и тотъ же характеръ носятъ на себѣ разсказы о Цареградѣ въ нашей Бесѣдѣ. Но, кромѣ этихъ общихъ литературныхъ признаковъ, объясняемыхъ, съ одной стороны, однородностью содержанія, а съ другой — одинаковостью культурнаго развитія ихъ авторовъ, не можетъ быть указано другихъ чертъ сходства между разсказами нашей Бесѣды о цареградскихъ святыняхъ и записками о нихъ русскихъ паломниковъ XII и XIV вѣковъ. Каждое изъ этихъ произведеній, одно короче, другое пространнѣе, возникло самостоятельно: всѣ они говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, но каждое описываетъ ихъ въ особомъ порядкѣ, и притомъ либо выражается по-своему, либо употребляетъ выраженія общепринятыя въ подобныхъ случаяхъ, по образцамъ, даннымъ еще въ Хожденіи игумена Даніила въ Святую Землю[1]). Въ чисто фактическомъ отношеніи можно еще замѣтить нѣсколько разнорѣчій между свидѣтельствами архіепископа Антонія (1200 г.) и разсказами нашей

1) Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «и ту мы грѣшніи поклонихомся и цѣловахомъ», «на исцѣленіе больнымъ», «и много исцѣленія и прощенія бываютъ», «въ тѣлѣ лежитъ», «самъ лежитъ аки живъ», и т. п. обычны въ рѣчи нашихъ паломниковъ, начиная съ Даніила. Не забудемъ также, что многіе обороты рѣчи, какъ у Даніила, такъ и у другихъ паломниковъ, ведутъ свое начало изъ Библіи и житій древне-христіанскихъ святыхъ.

Бесѣды[1]); съ паломниками же XIV вѣка эти разсказы не представляютъ даже и такихъ разнорѣчій; разница лишь въ томъ что въ Бесѣдѣ сообщается больше фактическихъ данныхъ, что они изложены подробнѣе, и что больше вниманія обращено на связанныя со святынями легенды, а также на гражданскіе памятники Константинополя.

Въ иномъ свѣтѣ представляется литературное отношеніе между разсказами нашей Бесѣды и свѣдѣніями о Цареградѣ, сообщаемыми въ путевыхъ запискахъ іеродіакона Зосимы (1420 г.). Между тѣми и другими оказывается связь, которую нельзя уже объяснять только однородностью предметовъ описанія или употребленіемъ вошедшихъ въ обычай выраженій; приходится предположить прямое заимствованіе. Нижеслѣдующее сопоставленіе сходныхъ мѣстъ въ запискахъ Зосимы и въ разсказахъ Бесѣды подтвердитъ наши слова.

Зосима (Правосл. Палест. Сборникъ, в. 24, стр. 4).	Бесѣда.
Близь же святые Соѳѣи Христосъ Милостивыи, монастырь женьскии; вода есть святая въ немъ подъ церьковью: въ песокъ ноги копающе прокаженнии и болящи исцеленье приемлютъ безчисленно.	Подъ Спасомъ есть святая вода... и тою водою умываютъце людие і пиютъ ея, и исцелѣние отъ нея бываетъ; ту близъ святыя воды въскрай моря есть песокъ, идѣже больнiи погребаютъ ноги и избираютъ черви изъ носъ и изъ всего телеси и здрави бываютъ.
(стр. 5).	
Предъ дверми жъ святые Соѳѣи столпъ стоитъ, на немъ же царь Устиянъ стоитъ на кони; конь мѣдянь и самъ мѣденъ вылитъ; правую жъ руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, хвалится на сороцинские цари, и сороцинские цари противъ	Исходя изъ церкви святыя Софѣя полуденными дверми, по правои руки есть столпъ каменъ высокъ; на столпѣ томъ стоитъ Иустинианъ царь весь мѣдянъ на конѣ, и конь мѣдянъ; держитъ в руцѣ яблоко мѣдяно велие, поднялъ бо бѣ на землю

1) Такъ, Антоній видѣлъ икону «въ нюже уразилъ жидовинъ Христа въ ›тань», а также мощи св. Аверкія, въ храмѣ св. Софіи (Путешествіе Новго-(скаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія, ст. и 81); въ Бесѣдѣ же говорится, что первая находилась въ церкви св. Ниłая на Димитріевомъ дворѣ, а вторыя хранились въ церкви св. Спаса близъ .иганскаго монастыря.

ему стоятъ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань и глаголютъ ему: Не хвалися на насъ, господине, мы ся тебѣ ради противити начнемъ. Въ друзѣи жъ руцѣ держитъ якъ яблокъ златъ, а на яблоцѣ крестъ.

Срачинску, а в правои руцѣ ему крестъ; а передъ нимъ 3 столпы камены, се на столпахъ 3 цари поганіи, всѣ слѣпи мѣдяны аки живы стоятъ, преклоньша колѣни свои Іустиніяну царю и предающе грады своя в руцѣ ему.

(стр. 5 и 7).

А оттуду есть, яко стреловище, мѣсто, зовесь Подорожье, урыстанье конское, и тутъ столпъ на снѣ; сопъ есть — человѣки съ 3 высота его. На снѣ томъ лодыги 4 марморены, а на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ, высота его 60 саженъ, а ширина его 3 сажени: единъ камень, безъ става....

Предъ враты монастыря того (Аполикаптии) лежитъ жаба каменна. Сия жаба при цари при Львѣ Премудромъ, по улицамъ ходя, сметие жерла, а метлы мели, и востанутъ людия по ряду, а улици чистыи.

А туто же есть налеве столпъ каменъ великъ, поставленъ на четырехъ лодыгахъ мѣдяныхъ; а лодыги тѣ аки храмины велики слиты, ихже сотвори Левъ царь Премудрыи; на томъ столпѣ 16 мужеи: 8 мѣдяныхъ, а восмъ каменыхъ, держатъ в рукахъ своихъ кождо метлы,— бѣ же древо незнаемо, но бѣ яко воскъ овощало; тѣже мужие при Львѣ царѣ пахали улицы, по граду ходяще нощию, а въ день стояху праздни.

(стр. 7).

Ту жъ, того монастыря близь (Перепта, то-есть, Перивлепта), доспѣты 2 болвана каменны велики: се жъ при Львѣ царѣ Премудромъ Правосудьи.

Пошедъ же подале по Великои улицы, есть направе Правосуды отъ моря Чермнаго, яже сотворилъ Левъ царь Премудрыи гораздно и хитро...

Сравнивая приведенныя цитаты двухъ текстовъ, легко замѣтить, что слова іеродіакона Зосимы представляютъ путаницу иногда почти безсмысленную, тогда какъ текстъ Бесѣды даетъ ясный, полный и опредѣленный смыслъ. Изъ этого можно заключить, что не паломникъ, разсказы котораго читаются въ Бесѣдѣ, пользовался записками Зосимы, а напротивъ того, Зосима, писатель XV вѣка, имѣлъ предъ собою тѣ повѣствованія о Цареградѣ, которыя включены въ Бесѣду, и кое-что заимствовалъ изъ нихъ притомъ плохо ихъ понимая. Давно уже замѣчена несамостоятельность многихъ извѣстій въ запискахъ Зосимы: указано было, что въ той ихъ части, которая содержитъ въ себѣ описаніе Па

лестины, есть заимствованія изъ Хожденія игумена Даніила; случаи эти собраны Х. М. Лопаревымъ въ предисловіи къ новѣйшему изданію Зосимова «Ксеноса» [1]) и несомнѣнно доказываютъ, что этотъ путешественникъ былъ знакомъ съ Даніиловымъ Хожденіемъ и пользовался имъ какъ источникомъ. И. Я. Порфирьевъ догадывался, что есть заимствованія и въ той части «Ксеноса», гдѣ разсказывается о Цареградѣ; почтенный казанскій профессоръ полагалъ, что въ этомъ случаѣ Зосима дополнялъ свои свѣдѣнія изъ «Странника» Стефана Новгородца [2]). Но сдѣланныя нами выше сличенія убѣждаютъ въ томъ, что

1) Правосл. Палест. Сборникъ, вып. 24, стр. VII—IX.

2) Исторія русской словесности. Т. I. Изданіе 2-е, стр. 474. Ставя разсказы Зосимы въ зависимость отъ «Странника» Стефана Новгородца, г. Порфирьевъ указывалъ въ особенности на сходство въ сдѣланныхъ ими описаніяхъ Юстиніанова памятника. Такое сходство дѣйствительно существуетъ, но описанія Стефана и Зосимы сходны, сверхъ того, съ описаніемъ того же монумента у нашего анонима. Основываясь на этомъ, мы могли бы предположить, что нашъ анонимъ былъ извѣстенъ не только Зосимѣ, но и Стефану, и такое заключеніе, разумѣется, было бы выгодно для того вывода, къ которому мы приходимъ ниже, о времени составленія разбираемаго нами разсказа о Цареградѣ. Мы однако предпочитаемъ воздержаться отъ предположенія, что Стефанъ пользовался нашимъ анонимомъ: дѣло въ томъ, что и у нѣкоторыхъ западныхъ путешественниковъ Юстиніановъ памятникъ описывается въ выраженіяхъ очень сходныхъ, напримѣръ, у путешественника 1322 г. сира Джона Маундвилля (см. Early travels in Palestine. Edited, with notes, by Th. Wright. London. MDCCCXLVIII, p. 130) и у путешественника 1403 г. Рюи Гонзалеса де Клавихо (см. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Переводъ И. Срезневскаго, въ Сборникѣ Отд. р. яз. и слов., т. XXVIII, стр. 66 и 67). Сходство этихъ описаній, какъ между собою, такъ и съ тремя русскими описаніями Юстиніанова памятника, очень просто объясняется тѣмъ, что и англійскій, и испанскій путешественники, и русскіе паломники, толкуя значеніе этого монумента, лишь передавали тѣ разсказы, какіе слышали отъ мѣстныхъ цареградскихъ проводниковъ: Маундвилль и Клавихо прямо ссылаются на нихъ.

Замѣтимъ кстати, что въ русской письменности XV вѣка есть еще одно упоминаніе о Юстиніановомъ памятникѣ: оно находится въ посланіи Епифанія Премудраго къ Кириллу Бѣлозерскому, писанномъ въ 1414—1415 гг., прежде ѣмъ Епифаній самъ побывалъ въ Цареградѣ. Ссылаясь на гречина изографа ·офана, Епифаній говоритъ: «Написа ми нарицаемаго Іустиніана на конѣ дяща и въ руцѣ своей десницы мѣдяно држаща яблоко, емуже рекоша ·личество и мѣра полтретья ведра воды вливаются» (Правосл. Палест. Сборчкъ, вып. 15-й, стр. 5). Очевидно, Юстиніановъ памятникъ считался и на ·си одною изъ главныхъ достопримѣчательностей Цареграда.

авторъ «Ксеноса» пользовался тутъ не Стефаномъ, а тѣмъ анонимнымъ описаніемъ Цареграда, которое вошло въ составъ нашей Бесѣды. Дѣлая заимствованія, но не всегда ясно понимая слова своего источника, Зосима пріурочивалъ его показанія не къ тѣмъ цареградскимъ мѣстностямъ, къ которымъ они отнесены первоначальнымъ авторомъ. Эта наклонность Зосимы къ топографическимъ ошибкамъ также давно указана о. архимандритомъ Леонидомъ, который замѣтилъ, что Зосима злоупотребляетъ выраженіями «ту» или «ту близъ», вставляя ихъ только для связи рѣчи [1]).

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго обнаруживается, что читаемые въ нашей Бесѣдѣ разсказы о Цареградѣ были записаны ранѣе Зосимы, то-есть, ранѣе 1420 года. Но есть возможность идти дальше этого заключенія, которое само по себѣ все-таки недостаточно опредѣленно. Если, съ одной стороны, разсказы эти не могли быть записаны прежде исхода XIII вѣка—ибо ихъ составитель знаетъ объ освобожденіи Константинополя отъ латинскаго господства,—то, съ другой стороны, его частыя упоминанія о видѣнныхъ имъ слѣдахъ латинскаго грабежа несомнѣнно удостовѣряютъ, что авторъ этого описанія посѣтилъ Цареградъ вскорѣ по изгнаніи оттуда франковъ и, можетъ быть, еще засталъ живыми прямыхъ свидѣтелей ихъ владычества. Напротивъ того, Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Константинополѣ въ 1347—1350 годахъ, уже не занесъ въ свои путевыя записки никакихъ извѣстій и воспоминаній о разграбленіи, совершенномъ западными завоевателями въ императорской столицѣ, хотя, безъ сомнѣнія, и въ его время еще были видны слѣды погрома. На основаніи этихъ соображеній слѣдуетъ признать, что разсказы о Цареградѣ, читаемые въ Бесѣдѣ, записаны русскимъ паломникомъ, который посѣтилъ Константинополь не позже конца XIII или самаго начала XIV вѣка [2]).

1) Обозрѣніе Цареградскихъ памятниковъ и святынь XIV и XV вѣковъ по русскимъ паломникамъ. М. 1870, стр. 2.

2) Въ возраженіе противъ такого заключенія намъ могутъ, пожалуй, указать на то мѣсто въ анонимѣ, гдѣ онъ разсказываетъ, что въ притворѣ

Сношенія Руси съ Константинополемъ не прерывались даже въ первыя десятилѣтія монгольскаго ига, а въ исходѣ XIII вѣка были уже значительно оживленныя. Такъ, около 1276 года Сарайскій епископъ Ѳеогностъ отправлялся въ Цареградъ для участія въ церковномъ соборѣ; въ 1301 году съ такою же цѣлью ѣздилъ туда митрополитъ Максимъ, грекъ родомъ, въ 1283 году избранный и рукоположенный въ Константинополѣ; въ 1308 году ходилъ туда же игуменъ Ратскій Петръ, волынскій уроженецъ, для поставленія его на митрополичью каѳедру, которая стала праздною по кончинѣ Максима [1]). Эти путешествія въ Цареградъ предпринимались ради нуждъ церковнаго управленія. А въ то же время не прекращались и странствованія простыхъ паломниковъ, желавшихъ только поклониться святынямъ Константинополя и помолиться у Гроба Господня. Лѣтописи конца XIII вѣка сохранили любопытное упоминаніе о тогдашнихъ паломникахъ: въ Курской области, чрезъ которую еще въ XI вѣкѣ, какъ видно изъ житія св. Ѳеодосія Печерскаго [2]), лежалъ путь богомольцевъ, ходившихъ на поклоненіе святынямъ востока, произошла въ 1283 году схватка у русскихъ съ татарами и мѣстнымъ баскакомъ; татары взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ бояръ и убили ихъ: «бѣ же ту переимани и переходници, иже ходятъ по землямъ, милостыни просяще, и тѣхъ (татары) тогда отпустиша, а подаваша имъ порты избитыхъ бояръ, и рекоша имъ: ходяще по землямъ тако глаголете:

церкви Манганскаго монастыря онъ видѣлъ «двѣ иконе, ихже писалъ Левъ Премудрыи: на единой написани патриарси, на друзіи же цари; отъ своего же царства писалъ до окончания Царяграда цареи 80, а патріарховъ 100, а послѣдніи царь будетъ сынъ Калуянъ, а потомъ Богъ вѣсть, а послѣдніи патріархъ Іоаннъ». Но здѣсь не можетъ быть рѣчи о Іоаннѣ III Палеологѣ или Калоіоаннѣ (1425—1448 гг.), ибо при немъ не было патріарха Іоанна; анонимъ говоритъ объ императорѣ Іоаннѣ II Комнинѣ, также который назывался Калоіоанномъ (1118—1143 гг.), и при которомъ дѣйствительно занималъ патріаршій столъ Іоаннъ II (1111—1134 гг.). Такимъ образомъ, вышеприведенныя слова пего анонима не могутъ служить къ опредѣленію времени его паломничества.

1) Русск. Ист. Библіотека, т. VI, ст. 129 и слѣд.; митроп. Макарій. торія Русск. церкви, т. IV, стр. 13, 14 и 17.

2) Уч. Записки втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. II, вып. 2, р. 133.

кто иметъ споръ дръжати со своимъ баскакомъ, сице же ему будетъ»[1]). Такъ по Воскресенской лѣтописи; а въ Лаврентьевской эти переходники, питающіеся отъ мірского подаянія, прямо названы паломниками; слѣдовательно, это были странники, либо шедшіе въ Святую Землю, либо возвращавшіеся оттуда. Въ числѣ такихъ паломниковъ конца XIII или начала XIV вѣка былъ и новгородскій священникъ Григорій, ставшій впослѣдствіи Новгородскимъ же архіепископомъ подъ именемъ Василія; въ своемъ извѣстномъ Посланіи о земномъ раѣ онъ самъ свидѣтельствуетъ о своемъ путешествіи въ Святую Землю, а ходилъ онъ туда, разумѣется, не минуя Константинополя. При Ѳеогностѣ и другихъ іерархахъ должна была находиться какая-нибудь свита; Григорій ходилъ, конечно, въ составѣ какой-либо каличьей дружины (онъ и прозванъ былъ калѣкой); въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ одномъ изъ этихъ странствованій, могъ быть и авторъ того описанія Цареграда, которое включено въ составъ нашей Бесѣды.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ описаніе это, конечно, составляло отдѣльную статью, «повѣсть», какъ она и названа въ нашемъ текстѣ, на подобіе тѣхъ паломническихъ сказаній, какія оставлены намъ архіепископомъ Антоніемъ, Стефаномъ Новгородцемъ и другими. Въ этомъ видѣ «повѣсть» анонима-паломника была извѣстна, въ первой четверти XV столѣтія, троице-сергіевскому іеродіакону Зосимѣ, который внесъ нѣкоторыя изъ нея извлеченія въ свое Хожденіе, и тою же повѣстью обильно воспользовался составитель нашей Бесѣды.

Не представляется однако возможнымъ предполагать, чтобъ и вся издаваемая нами Бесѣда была сочинена около 1300 года, то-есть, тѣмъ самымъ паломникомъ, который написалъ вышеразобранную повѣсть. Вопервыхъ, какъ уже замѣчено выше, между слогомъ этого описанія Цареграда и слогомъ остальныхъ

1) П. собраніе р. лѣтописей, т. VII, стр. 177; ср. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. С.-Пб. 1872, стр. 457.

частей Бесѣды есть замѣтная разница. Вовторыхъ, и самъ составитель этого произведенія не сумѣлъ скрыть свое заимствованіе: онъ внесъ въ Бесѣду трудъ стариннаго паломника едва ли не цѣликомъ, только разбилъ его «повѣсть» на части краткими вставными рѣчами царя, но удержалъ изъ своего источника даже такія фразы, каковы: «Доселѣ сказание о церкви святыя Софѣя, преидемъ на градцкое сказаніе. Се же о граде сказъ», или: «здѣ же хощу составити повести моея конецъ», или еще: «но се моея повести конецъ», — фразы, не совсѣмъ умѣстныя въ діалогѣ, но вполнѣ возможныя въ описаніи путешествія. Наконецъ, втретьихъ, въ Бесѣдѣ, взятой въ цѣломъ, есть рѣзкій анахронизмъ: въ началѣ ея епископъ, ходившій на поклоненіе цареградской святынѣ, изображается современникомъ царя Романа, и какъ уже объяснено выше, тутъ слѣдуетъ разумѣть Романа III Аргира, царствовавшаго въ первой половинѣ XI вѣка; а въ дальнѣйшемъ изложеніи Бесѣды въ уста того же епископа влагаются разсказы о событіяхъ XIII вѣка; такимъ образомъ, Бесѣда пріурочиваетъ къ одному лицу обстоятельства двухъ разныхъ эпохъ, раздѣленныхъ между собою на двѣсти-пятьдесятъ и болѣе лѣтъ. Понятно, что такой грубой хронологической ошибки не могъ сдѣлать человѣкъ, который самъ былъ въ Константинополѣ около 1300 года и, разумѣется, зналъ, какой императоръ царствовалъ въ то время[1]).

Итакъ, несомнѣнно, что составителемъ Бесѣды было другое лицо, жившее позже автора «повѣсти». Но кто былъ этотъ книжникъ, рѣшившійся, при ея пособіи, написать поучительное сочиненіе о душеспасительной пользѣ паломничества,—мы не знаемъ и можемъ судить о немъ только по его литературнымъ пріемамъ, обнаруживающимся въ тѣхъ частяхъ Бесѣды,

---

1) Предполагать, для соглашенія указаннаго противорѣчія, что въ Бесѣдѣ ιорится не о Романѣ III, а о другомъ которомъ-нибудь императорѣ того же ени, также не возможно: Романъ I Лакапинъ царствовалъ съ 920 по 944 г., манъ II—съ 959 по 963, а Романъ IV Діогенъ—съ 1068 по 1071.

которыя не заимствованы изъ «повѣсти». Пріемы эти не чужды искуственности и обличаютъ въ употреблявшемъ ихъ извѣстное литературное умѣнье. Самостоятельныя части Бесѣды (то, что̀ не заимствовано изъ «повѣсти») слогомъ своимъ и способомъ своего изложенія напоминаютъ агіографическія произведенія митрополита Кипріана, Епифанія Премудраго и Пахомія Серба и похвальныя слова Григорія Цамвлака. Какъ у этихъ писателей, такъ и въ указанныхъ частяхъ Бесѣды, обиліе славянизмовъ придаетъ слогу особенный, нѣсколько высокопарный оттѣнокъ. Какъ у Кипріана и Епифанія, у Пахомія и Григорія замѣчается наклонность подкрашивать простую историческую истину риторическими распространеніями, такъ и въ анахронизмѣ, допущенномъ составителемъ Бесѣды, можно видѣть его стремленіе дать своему произведенію вящій поучительный смыслъ, даже въ ущербъ исторической точности. Судя по этимъ особенностямъ изложенія, составленіе Бесѣды, въ которую внесена «повѣсть», слѣдуетъ отнести къ началу XV вѣка.

Такое заключеніе можетъ быть еще болѣе подтверждено соображеніемъ нѣкоторыхъ бытовыхъ и культурныхъ условій того времени.

Обычай ходить на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ привился на Руси съ перваго же вѣка по введеніи въ ней христіанства. Паломничество считалось тогда однимъ изъ высшихъ подвиговъ христіанской жизни, и въ числѣ такихъ подвижниковъ мы видимъ въ XI и XII вѣкахъ нѣсколькихъ замѣчательнѣйшихъ представителей христіанскаго сознанія среди народа, еще недавно принявшаго крещеніе. Но, вмѣстѣ съ религіознымъ увлеченіемъ, очень рано явились и злоупотребленія благочестивымъ обычаемъ: чрезмѣрное развитіе странничества отвлекало часть населенія отъ семейной жизни и земледѣльческаго труда. А такъ какъ церковь признавала паломниковъ за людей, подлежащихъ ея вѣдѣнію[1]), то

1) Уставъ в. кн. Владиміра Святаго о церковномъ судѣ по списку XV в. Уч. записки 2-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, кн. V, отд. III, стр. 54.

еще въ первой половинѣ XII вѣка среди духовныхъ лицъ возникло сомнѣніе: слѣдуетъ ли поощрять подобныя странствованія, о совершеніи которыхъ давались обѣты; на вопросъ о томъ священника Иліи Новгородскій епископъ Нифонтъ (1130—1156 гг.) положилъ такое рѣшеніе: «Повелѣ ми ѡпитемью дати: та бо, рече, рота гоубить землю»[1]). Вопросъ Иліи и отвѣтъ Нифонта повторяются въ каноническихъ сборникахъ болѣе поздняго времени, осложняясь притомъ любопытными бытовыми чертами. Приводимъ выписку изъ одного сборника XVI вѣка, содержащаго въ себѣ такъ-называемое Кириково вопрошаніе въ редакціи, которая можетъ быть отнесена къ XIII—XIV вѣкамъ: «Вопросъ 40: Кто во Іерусалимъ идетъ къ святымъ творяся, да инымъ азъ браню велми, и здѣ въ правдѣ пожити ци грѣхъ будетъ. Отвѣтъ. Ве́лми се добро будетъ, рече, аже бранишн; идетъ бо и да ему не дѣлати, туне ѣсти, въ празности обходити чюжая домы, яды и пія чюжая, не трудяся; и то не еще одино, прилыгая начнетъ повѣдати: тако на онои земли. Возбраняи велми, да не шли бы, велика бы за се мзда отъ Бога; чюжь бо есть вѣры порознъ ходя, яды и пия туне: лютъ судъ будетъ»[2]). Въ той же рукописи, изъ которой приведена эта выписка, находится еще слѣдующее любопытное свидѣтельство о темной сторонѣ паломничества: «Слово святаго отца Данила о мятущихся. Слышимъ оубо отъ нашихъ нѣкія блазнящихся о законѣ женитвы, недостойна творяща спасенія живущая в мире семъ; друзіи же отъ женъ отходяща не по закону острижаются и отходятъ во Іерусалимъ и въ прочая грады и тамо помятшеся возвращаются в домы своя, кающеся безумнаго труда своего»[3]). Такимъ образомъ, злоупотребленія рано побудили духовныя власти принимать мѣры къ ограниченію обычая, въ сущности

1) Русск. Ист. Библіотека, т. VI, ст. 61, 62.
2) Сборникъ Имп. П. Б-ки, Q. XVII, № 178, лл. 147 об.—148. Ср. Свѣдѣнія и заки о неизвѣстн. и малоизвѣстн. памятникахъ, Срезневскаго. LVII, стр. 311.
3) См. въ томъ же сборникѣ Имп. П. Б-ки л. 257 об. Ср. у Срезневскаго, ъ же, стр. 318.

вполнѣ благочестиваго. Когда же, съ теченіемъ времени, увеличилось на Руси число монастырей и въ нихъ сосредоточилась своя русская святыня, странствованія на поклоненіе святынямъ востока стали сами собою утрачивать свое исключительное значеніе; на нихъ уже переставали смотрѣть какъ на своего рода школу, живую и наглядную, христіанскаго просвѣщенія. Въ литературѣ XV вѣка находимъ нѣсколько указаній въ этомъ смыслѣ. Такъ, Пахомій Сербъ въ составленномъ имъ около 1440 года житіи Сергія Радонежскаго, разсуждая о томъ, какой великій подвижникъ былъ преподобный, въ особенности настаиваетъ на томъ, что онъ «возсіялъ не отъ Іерусалима или Сіона», а въ «великой Русской землѣ» воспиталъ свое благочестіе[1]). Еще раньше Пахомія, Епифаній Премудрый, въ похвальномъ словѣ тому же святому, написанномъ до 1420 года, выразилъ ту же мысль и притомъ привелъ ее въ прямую связь со своимъ воззрѣніемъ на паломничество. Епифаній слагаетъ Сергію между прочимъ такую похвалу: «Не взыска царьствующаго града, ни Святыя Горы, или Іерусалима, яко же азъ окаянныи и лишеныи разоума; оувы лютѣ мнѣ! ползаа сѣмо и овамо, и преплаваа судоу и овоудоу, и отъ мѣста на мѣсто преходя; но не хождааше тако преподобныи, но в млъчаніи добрѣ сѣдяше и себѣ внимаше; ни по многымъ мѣстомь, ни по далнимъ странамъ хождааше, но во единомъ мѣсте живяше и Бога въспѣвааше: не искаше бо соуетныхъ и стропотныхъ вещіи, иже не требѣ емоу бысть, но паче всего взыска единаго истиннаго Бога, иже чимъ есть доуша спасти» [2]). Впрочемъ, не смотря на выражающееся въ этихъ словахъ измѣненіе во взглядѣ на паломничество, странствованія русскихъ людей къ Святымъ Мѣстамъ не прекращались и въ XV вѣкѣ, какъ то

---

1) Великія Минеи Четіи. Изданіе Археографической Коммиссіи. Сентябрь, дни 25—30. С.-Пб. 1883, ст. 1409.

2) Памятники древней письменности. Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чудотворца и похвальное ему слово, написанныя ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV вѣкѣ. Сообщилъ архимандритъ Леонидъ. С.-Пб. 1885, стр. 159.

видно, между прочимъ, изъ примѣра іеродіакона Зосимы; но этотъ родъ подвижничества уже переставалъ въ то время считаться лучшимъ украшеніемъ христіанина, ибо онъ ставилъ человѣка въ слишкомъ близкое соприкосновеніе съ соблазнами мірской жизни. Къ этой-то порѣ упадка или ослабленія той восторженности, которая увлекала нѣкогда цѣлыя толпы богомольцевъ на поклоненіе святынямъ востока, и слѣдуетъ пріурочить, согласно внутреннему смыслу, составленіе издаваемой нами Бесѣды.

Авторъ Бесѣды, очевидно, желалъ вновь возбудить энтузіазмъ къ паломничеству, остывавшій въ его современникахъ. На подвигъ странника онъ смотритъ исключительно съ идеальной точки зрѣнія, и въ этомъ случаѣ его воззрѣнія вполнѣ сходятся съ тѣми, какія мы встрѣчаемъ въ раннихъ памятникахъ нашей литературы. Преп. Ѳеодосій, по словамъ его житія, написаннаго Несторомъ, хотѣлъ начать подвигъ своей жизни посѣщеніемъ Святыхъ Мѣстъ; еще будучи юношей, онъ тайно ушелъ изъ родительскаго дома и присоединился къ проходившимъ мимо странникамъ, но, настигнутый погоней, долженъ былъ возвратиться на родину[1]. Въ житіи преп. Евфросиніи Полоцкой (уцѣлѣвшемъ только въ обработкѣ XVI вѣка, но сохранившемъ явные слѣды древняго состава) разсказывается, что она съ дѣтства питала влеченіе къ праведной жизни; когда отецъ предположилъ выдать ее замужъ, то, по словамъ житія, ее посѣтили такія мысли: «Како се будетъ, еже отецъ мой мыслитъ причтати ми браку мужеви; но аще таково будетъ, то печали міра сего гоньзнути лзѣ... А сія (земная) слава есть прахъ и пепелъ, и яко дымъ расходится». Княжна постриглась въ монашество и уже на старости отправилась поклониться Гробу Господню; тамъ она молила Спасителя: «Пріими духъ мой отъ мене во святѣмъ градѣ Твоемъ Іерусалимѣ, пресели мя въ ...ній градъ Твой Іерусалимъ. Покои мя на лонѣ патріарха

[1]) Ученыя Записки 2-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, кн. II, вып. 2, ... 133, 134.

Авраама со всѣми угождшими Ти» [1]). Въ Патерикѣ Печерскомъ разсказывается о томъ, что преп. Антоній міряниномъ странствовалъ на Аѳонъ, принялъ тамъ монашество и принесъ оттуда Печерской обители благословеніе Святой Горы, славнѣйшихъ обителей Греческой земли [2]). Всѣ эти черты, которыми въ древнихъ памятникахъ нашей письменности характеризуется значеніе паломническаго подвига, воспроизводятся и въ нашей Бесѣдѣ. Одинъ изъ участниковъ ея, царь, выслушавъ разсказъ епископа о Софійскомъ храмѣ, съ умиленіемъ говоритъ, подобно Евфросиніи: «И азъ желание убо имѣю отъ многъ лѣтъ вся та видети глаголемая тобою, да аще получю, дамъ благодарение Богу всѣхъ; ищу бо времени, да быхъ гоньзнулъ власти сея тлѣнная, да тамошъняя бы славы не лишенъ былъ, но бы сподобилъ мя Господь кончати животъ мои во страннѣчествѣ и убожествѣ. Что ми поможетъ тлѣнная сия багряница противу венца славы Христовы, егоже подастъ угодникомъ своимъ?» Подобно Ѳеодосію, царь тайно удаляется изъ своей земли и въ дружинѣ странниковъ обходитъ Святыя Мѣста, а затѣмъ, какъ Антоній, выноситъ изъ своего странствія убѣжденіе въ высокой святости иноческаго житія въ тѣхъ странахъ, гдѣ взошла заря христіанскаго ученія. Другой собесѣдникъ, епископъ, еще міряниномъ посѣщаетъ Цареградъ и здѣсь постригается въ монашество; въ разговорѣ съ царемъ онъ дважды высказываетъ то самое желаніе, какое выражала Евфросинія, — кончить жизнь у Гроба Господня.

Такимъ образомъ, подъ перомъ писателя XV вѣка, апологія паломничества ограничивается лишь повтореніемъ того, что̀ еще задолго до него говорилось у насъ объ очистительномъ и душеспасительномъ значеніи этого подвига. Это безсиліе автора Бе-

---

1) Житіе преподобныя Евфросиніи княжны Полотскія. Изданіе А. Сапунова. Витебскъ. 1888, стр. 3, 4 и 18.

2) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Вл. Яковлевымъ. С.-Пб. 1872, стр. LXXIII.

сѣды найдти новые доводы въ пользу старой мысли заслуживаетъ вниманія, особенно если сопоставить его съ тѣмъ оттѣнкомъ разочарованія, который слышится въ словахъ паломника XV вѣка, Епифанія Премудраго, объ его хожденіи къ Святымъ Мѣстамъ востока; безсиліе это является новымъ доказательствомъ тому, что въ это время пора восторженныхъ паломничествъ уже миновала. Поэтому призывъ составителя Бесѣды остался безъ отвѣта, и можно сказать, что взятіе Константинополя турками въ 1453 году и водвореніе мусульманской власти на всемъ пространствѣ бывшей Византійской имперіи послужили только внѣшними причинами для прекращенія паломническихъ хожденій съ Руси. Они возобновились у насъ впослѣдствіи при другихъ уже условіяхъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ становится понятнымъ, почему издаваемая нами Бесѣда была мало распространена въ нашей письменности. По видимому, мало разошлась въ спискахъ и та «повѣсть» о Цареградѣ, которая легла въ основу исторической части Бесѣды, а потому можно быть благодарнымъ составителю послѣдней за то, что онъ сохранилъ намъ эту «повѣсть» хотя бы въ своемъ извлеченіи. Даже и въ неполномъ своемъ видѣ сказаніе это, восходящее по времени сочиненія приблизительно къ 1300 году, должно занять видное мѣсто въ нашей паломнической литературѣ—на сто лѣтъ позже «Паломника» архіепископа Антонія и на пятьдесятъ лѣтъ раньше «Странника» Стефана Новгородца; «повѣсть» эта въ особенности цѣнна тѣмъ, что предлагаетъ большой запасъ самостоятельныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Константинополя въ послѣдній періодъ существованія Византійской имперіи. Ближайшая оцѣнка этихъ извѣстій въ археологическомъ отношеніи должна быть предоставлена, разумѣется, византинистамъ; но мы, съ своей стороны, считаемъ возможнымъ замѣтить, что свидѣтельства «повѣсти», включенной въ составъ издаваемой Бесѣды, хотя и подтверждаютъ показанія другихъ источниковъ о великомъ разграбленіи Цареграда латинами, однако не рисуютъ

4

картины такого совершеннаго опустошенія, какое, по соображеніямъ новѣйшихъ изслѣдователей, засталъ Михаилъ Палеологъ при своемъ вступленіи въ столицу. По одной этой причинѣ важный историческій интересъ «повѣсти» паломника, который посѣтилъ Константинополь вскорѣ по оставленіи его латинами, долженъ быть признанъ внѣ сомнѣнія. Нельзя не пожелать, чтобъ она была найдена въ отдѣльномъ полномъ спискѣ.

МАТЕРІАЛЫ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. МАЙКОВА.

II. СКАЗАНІЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА. — III. ПОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

МАТЕРІАЛЫ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

по

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. МАЙКОВА.

II. СКАЗАНІЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА.—III. ПОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

II.

СКАЗАНІЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА.

Въ числѣ произведеній русскаго народнаго эпоса, записи которыхъ сохранились изъ XVIII столѣтія, есть нѣсколько сказаній собственно о подвигахъ Ильи Муромца. До сихъ поръ извѣстны слѣдующіе рукописные тексты ихъ:

1) «Повѣсть о Іле Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева, писанномъ въ первой четверти XVIII вѣка; текстъ этотъ напечатанъ буква въ букву Н. С. Тихонравовымъ въ брошюрѣ: Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка. М. 1891 (отдѣльный оттискъ изъ VIII-й книги «Этнографическаго Обозрѣнія»), стр. 29 — 31.

2) «Сказание о Ілие Муромце и о Соловие Разбойнике» — въ сборникѣ Н. С. Тихонравова, № 222, писанномъ во второй четверти XVIII вѣка; текстъ этотъ воспроизведенъ буквально въ той же брошюрѣ, стр. 32 и 33.

По свидѣтельству издателя, оба вышеуказанные текста носятъ на себѣ слѣды копированія съ болѣе старыхъ подлинниковъ, относившихся, по всей вѣроятности, къ XVII столѣтію. Въ брошюрѣ г. Тихонравова описанъ и составъ тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ извлечены напечатанные имъ тексты.

3) «Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Императорской

Публичной Библіотеки (Q. XVII. 194), поступившемъ въ нее въ 1890 году и писанномъ во второй половинѣ XVIII вѣка; текстъ этотъ издается нами буквально въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Составъ этой рукописи, писанной въ 4-ку на 12-ти листахъ, слѣдующій: 1) Лл. 1—3 об. Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ. 2) Лл. 4—7. Выписки изъ путешествія Трифона Коробейникова въ Святую Землю: о Святомъ Градѣ, о темницѣ Іоанна Предтечи, о преніи патріарха съ жидовиномъ, о трехъ церквахъ. 3) Лл. 7—10 об. Слово о видѣніи царя Мамера (во второй, позднѣйшей редакціи). 4) Л. 10 об. 14-я притча Езопа. 5) Лл. 11—12. Повѣсть о царѣ Михаилѣ. На оборотѣ послѣдняго 12-го листа нѣсколько разъ выставленъ 1783 годъ и помѣщена слѣдующая запись: «Сия книга Кранахолмскаго уезда Устюжского заказу села дымцова діаконъ Ісидоръ Семеновъ 1783 году генваря дня 22 запис... в жулнехъ спавить» (?), и далѣе: «пера обедать каковы чернила 1783». Такъ какъ эти слова и даты приписаны не тѣмъ почеркомъ, какимъ писана самая тетрадка, то составленіе сей послѣдней должно пріурочить ранѣе 1783 года. Хотя всѣ статьи сборника писаны одною рукой, однако значительно различаются между собою по правописанію: въ двухъ послѣднихъ статьяхъ вовсе не употреблены титла, во второй и третьей они употребляются, и притомъ правильно,—въ первой же статьѣ господствуетъ безграмотность: во многихъ словахъ совсѣмъ пропущены буквы, которыя слѣдовало взять на верхъ, а означеніе титлъ и соотвѣтствующихъ имъ сокращеній неправильно, какъ напримѣръ: гда или гдарь (государь), взгово (взговоритъ) и т. п. Это доказываетъ, что составитель сборника вписывалъ въ него подобранныя имъ статьи буквально съ тѣхъ оригиналовъ, какіе были у него подъ руками, а слѣдовательно, и для «Повѣсти» объ Ильѣ имѣлъ подлинникъ болѣе старый; подлинникъ этотъ несомнѣнно былъ съ титлами и вынесенными на верхъ буквами—быть можетъ, XVII вѣка, но писецъ плохо разбиралъ его, а потому копировалъ

иногда безсмысленно, какъ напримѣръ: *подылься* вмѣсто: под Ыльею, *скимъ* вмѣсто: с Киева, *вокоше чнаку* вмѣсто: в окончину. Въ текстѣ «Повѣсти», который, какъ и всѣ прочія статьи Библіотечнаго сборника, писанъ блѣдными чернилами, какой-то позднѣйшій, но тоже старинный читатель сдѣлалъ нѣсколько подправокъ чернилами болѣе темными.

4) «Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ рукописи И. Е. Забѣлина № 71, писанной во второй половинѣ XVIII вѣка и составляющей особую не переплетенную тетрадку въ 6-ть листовъ; этотъ текстъ изданъ довольно исправно, но съ подновленіемъ правописанія, въ «Русскихъ народныхъ сказкахъ» А. Н. Аѳанасьева, кн. III (М. 1873), стр. 125—128; для удобства справокъ мы сочли полезнымъ воспроизвести и этотъ текстъ буквально по рукописи въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

5) «Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике» — въ сборникѣ Московскаго Публичнаго музея изъ коллекціи Ундольскаго № 663, писанномъ нѣсколькими почерками XVIII вѣка; но это лишь небольшой отрывокъ даннаго памятника, занимающій въ рукописи всего одну страницу (оборотъ л. 64-го) и содержащій въ себѣ только первыя и послѣднія строки «Повѣсти»; онѣ изданы въ вышеупомянутой брошюрѣ г. Тихонравова, стр. 8 и 9, гдѣ обозначенъ отчасти и составъ сборника.

6) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ (безъ заглавія и начала) — въ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, № 82, и писанной въ серединѣ XVIII вѣка. Это небольшая тетрадка въ 4-ку безъ переплета, состоящая изъ 22-хъ листовъ, счетъ которыхъ начинается нынѣ съ 9-го; слѣдовательно, утрачены первые 8 листовъ рукописи. Текстъ этотъ доселѣ не былъ напечатанъ и издается нами въ приложеніи[1]).

1) Краткія свѣдѣнія о содержаніи этого текста сообщены въ трудѣ Д. А. Ровинскаго: Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 4.—Считаемъ дол-

7) «История о славномъ и о храбромъ богатыре Илье Муромцѣ и о Соловье Разбойникѣ»—въ рукописи Е. В. Барсова[1]), писанной разными почерками XVIII вѣка. Свѣдѣнія наши о ней ограничиваются тѣмъ, что сообщено въ печати самимъ владѣльцемъ и профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ. Г. Барсовъ указываетъ въ ней слѣды «малороссійскаго говора и письма»; по словамъ г. Кирпичникова, «въ началѣ идетъ былина о первой поѣздкѣ Ильи, въ концѣ—объ Идолищѣ»; самъ же владѣлецъ свидѣтельствуетъ, что «здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ Кіевскимъ княземъ», и что во всемъ произведеніи «имени Владиміра нѣтъ и помину».

И составъ помянутыхъ сборниковъ, и малограмотность текстовъ, и наконецъ, внѣшній видъ тетрадокъ показываютъ, что это—рукописи, вышедшія изъ-подъ пера очень мало образованныхъ писцовъ и предназначенныя для читателей очень невзыскательныхъ въ литературномъ отношеніи. Такія рукописи изготовлялись на продажу, и еще съ XVII вѣка торговля ими, какъ и лубочными картинками, производилась въ Москвѣ, преимущественно на Спасскомъ мосту. Въ литературѣ XVIII столѣтія встрѣчается нѣсколько упоминаній о продававшихся тамъ рукописяхъ повѣствовательнаго содержанія; такъ, въ примѣчаніяхъ къ одному изъ стихотвореній Кантемира (1743 года) говорится о «двухъ весьма презрительныхъ рукописныхъ повѣстяхъ о Бовѣ королевичѣ и Ершѣ рыбѣ, которыя на Спасскомъ мосту съ другими столь же плохими сочиненіями обыкновенно продаются»; а сатирическій журналъ Чулкова «И то и сіо» (1769 года) свидѣтельствуетъ, что тамъ можно было видѣть въ продажѣ рукописныя повѣсти даже съ раскрашенными картинками, и что пере-

---

гомъ выразить многоуважаемому Ивану Егоровичу Забѣлину нашу глубокую признательность за дозволеніе воспользоваться его двумя рукописями.

1) Е. В. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси, т. I, стр. 415 и 416; А. И. Кирпичниковъ. Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы Ломбардскаго цикла, стр. 158, примѣчаніе.

пиской подобныхъ тетрадей занимались между прочимъ отставные приказные[1]).

Особнякомъ отъ текстовъ такого происхожденія слѣдуетъ поставить тѣ сказанія объ Ильѣ Муромцѣ, которыя помѣщены въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ», то-есть, въ такъ-называемомъ сборникѣ Кирши Данилова. Они также извлечены изъ рукописи XVIII вѣка, но между ними и вышеисчисленными текстами есть существенное различіе во внѣшней формѣ. Отличительную особенность сихъ послѣднихъ составляетъ то, что въ нихъ былины воспроизведены безъ соблюденія размѣра стиховъ, какъ прозаическіе разсказы, почему и писаны сплошными строками; мало того: писавшіе принуждены были подправлять свое изложеніе оборотами рѣчи и спайками въ книжномъ стилѣ; особенно яркіе примѣры въ этомъ отношеніи можно подобрать въ «Гисторіи» по рукописи И. Е. Забѣлина № 71, гдѣ встрѣчается довольно много словъ книжнаго языка, и гдѣ всѣ отдѣльныя части разсказа связываются между собою вставочными выраженіями: *и тако*, *и потомъ*, *и тутъ*, и т. д. Иначе поступалъ составитель сборника Кирши Данилова: онъ также писалъ «безъ раздѣленія стиховъ», однако записывалъ свои тексты—выражаясь словами П. А. Демидова—«отъ сибирскихъ людей, которые прошедшую исторію поютъ на голосу»[2]), то-есть, имѣлъ въ виду пѣсенный складъ былинъ и вмѣстѣ со словами отмѣчалъ напѣвъ: оттого и удалось ему сохранить размѣръ былевого стиха и вообще удержать весь типическій обликъ народной былины. Для объясненія этого различія припомнимъ нѣкоторыя замѣчанія А. Ѳ. Гильфердинга въ его разсказѣ объ олонецкихъ сказителяхъ. По его словамъ, они затрудняются передавать былины «пословесно», безъ напѣва;

---

1) Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира, т. I, стр. 326; А. Н. Пыпинъ. Очеркъ исторіи повѣстей и сказокъ, стр. 289 и 290. Болѣе раннія свѣдѣнія о книжной торговлѣ на Спасскомъ мосту см. въ Актахъ Историческихъ, т. V, стр. 117, въ Полн. Собраніи Законовъ, т. VI, № 3755, и въ Исторіи Моск. славяно-греко-латинской академіи С. Смирнова, стр. 129.

2) Москвитянинъ 1854 г., № 1 и 2, Историческіе матеріалы, стр. 9.

именно «напѣвъ поддерживаетъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ». Даже столь искусному собирателю, какъ Гильфердингъ, не удавалось записывать былину при пѣніи ея сказителями: «Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеніе исчезало» [1]). Въ такомъ именно видѣ разрушенныхъ былинъ и представляются вышеисчисленные тексты: полуграмотные записыватели ихъ, слѣдя только за ихъ содержаніемъ, а не за напѣвомъ и не за размѣромъ, не умѣли уловить всѣ тонкости послѣдняго, и понятно, ихъ записи сами собою облеклись въ прозаическую форму. Сборникъ Кирши Данилова обличаетъ руку болѣе искуснаго собирателя; кто онъ былъ — не извѣстно, но трудъ его свидѣтельствуетъ, что онъ обладалъ нѣкоторымъ музыкальнымъ чутьемъ; не только содержаніе, но и напѣвъ и размѣръ былевого стиха не ускользнули отъ его вниманія, и вообще, записывая прямо съ народныхъ устъ, онъ сумѣлъ приблизиться къ тѣмъ пріемамъ, которые употребляются современными собирателями. Такое достоинство его труда не позволяетъ ставить его записи на одну доску съ текстами, сохранившимися въ народныхъ тетрадкахъ.

Есть у Гильфердинга еще одно замѣчаніе, важное съ точки зрѣнія записыванія былинъ. Онъ говоритъ, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: одна — мѣста типическія, «по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ», и другая — мѣста переходныя, «въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія». Типическія мѣста сказитель знаетъ твердо и поетъ всегда въ одинаковомъ изложеніи; напротивъ того, переходныя мѣста, служащія

---

1) Онежскія былины, введеніе, стр. XXXII и XXXIII.

звеньями между типическими, сказитель постоянно варьируетъ, «то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія» [1]). Понятно, что при записываніи эти переходныя мѣста представляютъ наибольшую трудность; это подтверждаютъ и наши старинные рукописные тексты: упомянутыя выше вставки книжныхъ выраженій въ Забѣлинской рукописи № 71 оказываются какъ разъ въ такихъ мѣстахъ, которыя могутъ быть названы переходными; въ особенности расходятся наши тексты въ двухъ мѣстахъ — тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отъѣздѣ Ильи изъ-подъ града Себежа, и тамъ, гдѣ разсказывается о пріѣздѣ его въ Кіевъ. Очевидно, для этихъ мѣстъ не существовало вполнѣ выработаннаго изложенія; записывателямъ приходилось выбирать редакцію по своему усмотрѣнію и передавать ее по мѣрѣ своего умѣнья: тутъ уже не могло быть и помышленія о томъ, чтобы сохранить стихотворный размѣръ.

Кромѣ сказаннаго, при оцѣнкѣ старинныхъ рукописныхъ текстовъ необходимо имѣть въ виду еще слѣдующее. Тексты эти дошли до насъ не въ подлинныхъ записяхъ съ устъ, которыя, вѣроятно, были сдѣланы еще въ XVII вѣкѣ, а въ копіяхъ, снятыхъ на цѣлые десятки лѣтъ позже; почти несомнѣнно, что при послѣдовательномъ списываніи тексты эти еще болѣе потерпѣли: съ одной стороны, приняли въ себя новыя измѣненія не въ стилѣ древняго эпоса, а съ другой—пострадали отъ пропусковъ намѣренныхъ и случайныхъ; такъ, при сличеніи даже очень сходныхъ между собою текстовъ Буслаевскаго и Библіотечнаго замѣчаются въ томъ и другомъ поочередно пропуски, и полный смыслъ памятника можетъ быть возстановленъ только чрезъ взаимное пополненіе этихъ двухъ текстовъ. Наконецъ, можно допустить и то, что писцы нашихъ рукописей хоть и копировали съ болѣе старыхъ оригиналовъ, однако могли, независимо отъ того, знать и держать въ памяти нить всего сказанія и потому относились къ воспроизведенію своихъ подлинниковъ нѣсколько вольно.

1) Онежскія былины, стр. XXVII.

Сличеніе нашихъ текстовъ по содержанію или, лучше сказать, по ихъ плану и составнымъ частямъ приводитъ также къ нѣкоторымъ любопытнымъ заключеніямъ. Текстъ Забѣлинской рукописи № 82, означенный въ нашемъ перечнѣ шестымъ, представляетъ схему болѣе широкую, чѣмъ схема первыхъ четырехъ текстовъ. По этимъ послѣднимъ, содержаніе сказанія опредѣляется слѣдующими главными моментами:

1) Илья выѣзжаетъ изъ Мурома и при отъѣздѣ кладетъ на себя заповѣдь великую—не вынимать оружія во время пути.

2) Илья освобождаетъ Себежъ отъ нападенія трехъ царевичей, но отказывается остаться въ этомъ городѣ.

3) Илья наѣзжаетъ Соловья Разбойника, побѣждаетъ его и посѣщаетъ села Кутузовы.

4) Илья является въ Кіевъ съ плѣннымъ Соловьемъ, который своимъ свистомъ пугаетъ князя Владиміра; Илья пріобрѣтаетъ милость князя.

Забѣлинскій текстъ № 82 не только излагаетъ весь рядъ этихъ происшествій, сопровождая ихъ многими особенными подробностями, но и дополняетъ разсказъ еще однимъ эпизодомъ — о томъ, какъ въ отсутствіе Ильи на Кіевъ напалъ Идолище, и какъ внезапно вернувшійся Илья спасъ отъ него стольный городъ. Судя по тому, что́ извѣстно въ печати о содержаніи Барсовскаго текста, онъ подходитъ къ Забѣлинскому № 82. Напротивъ того, короткій отрывокъ въ рукописи Московскаго музея примыкаетъ къ первымъ четыремъ текстамъ[1]). Такую разницу слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что разсматриваемые рукописные тексты ведутъ свое происхожденіе отъ двухъ различныхъ устныхъ пересказовъ. И дѣйствительно, въ сборникахъ произведеній народной словесности можно указать нѣсколько пересказовъ, близкихъ по своей схемѣ къ первымъ четыремъ письменнымъ текстамъ; такова, напримѣръ, былина, записанная въ селѣ Павловѣ, Ниже-

1) Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ уже не придется касаться ни Барсовской рукописи, какъ не изданной, ни Музейной — по ея отрывочности.

городской губерніи[1]). Устнаго пересказа, который по своему составу соотвѣтствовалъ бы вполнѣ Забѣлинскому тексту № 82, не извѣстно, и послѣдній эпизодъ его — о борьбѣ Ильи Муромца съ Идолищемъ, который поселился въ Кіевѣ, составляетъ обыкновенно предметъ особой устной былины; но это не исключаетъ возможности, чтобы существовалъ и такой сводный пересказъ: эпизодъ объ Идолищѣ присоединенъ въ рукописи № 82 къ остальнымъ частямъ сказанія не только механически; напротивъ того, по общему смыслу этого текста, лишь послѣ побѣды надъ Идолищемъ Илья окончательно пріобрѣтаетъ милость князя Владиміра, тогда какъ по другимъ рукописнымъ текстамъ онъ заслуживаетъ эту милость укрощеніемъ Соловья Разбойника. Какъ бы то ни было, текстъ рукописи г. Забѣлина № 82 стоитъ одиноко, безъ сходныхъ съ нимъ списковъ. Къ тому же онъ изобилуетъ чисто книжными выраженіями и даже вставками, которыя напоминаютъ обработку русскихъ сказокъ въ извѣстномъ старинномъ сборникѣ М. Д. Чулкова[2]). Поэтому мы ограничиваемся лишь изданіемъ этого текста въ возможной точности, но не сопоставляемъ его съ прочими.

Напротивъ того, что касается тѣхъ четырехъ рукописныхъ текстовъ, которые стоятъ въ началѣ нашего перечня, то они оказываются близко сходными между собою не только по своей схемѣ, но и по подробностямъ разсказа и по изложенію; притомъ же, эпическій стиль выдержанъ въ нихъ почти въ равной степени, и только Забѣлинская рукопись № 71 представляетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторое уклоненіе отъ прочихъ трехъ. Все это даетъ право разсматривать эти четыре текста въ одной связи, какъ четыре списка одной редакціи одного памят-

1) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. I, стр. 34—39.

2) Текстъ этотъ находится въ связи и съ лубочными сказками объ Ильѣ Муромцѣ: тѣ изъ нихъ, которыя перепечатаны въ I-мъ выпускѣ «Пѣсенъ» Кирѣевскаго подъ № 3 и въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» Д. А. Ровинскаго, т. I, стр. 2—7, могутъ быть разсматриваемы какъ сильно сокращенное и попорченное воспроизведеніе Забѣлинскаго текста изъ рукописи № 82.

ника, и позволяетъ на ихъ основаніи установить его правильное чтеніе.

Изъ этихъ четырехъ списковъ самымъ полнымъ и исправнымъ въ изложеніи оказывается Библіотечный. Изъ прочихъ ближе всѣхъ къ нему стоитъ Буслаевскій. Остальные два списка — Тихонравовскій и Забѣлинскій № 71 — отличаются отъ двухъ первыхъ большею сжатостью изложенія; притомъ, Тихонравовскій безъ конца, а въ Забѣлинскомъ довольно много книжныхъ оборотовъ рѣчи. Сообразно такимъ отличіямъ списковъ, въ основу нашего чтенія положенъ списокъ Библіотечный, а прочіе, особенно Буслаевскій, употреблены для поправокъ и дополненій. Собственно поправокъ къ основному списку приходилось дѣлать немного, а если дополненія внесены въ значительномъ количествѣ, то это объясняется пропускомъ въ Библіотечномъ спискѣ нѣкоторыхъ, такъ-сказать, повторительныхъ выраженій и эпитетовъ, свойственныхъ эпическому стилю. О возстановленіи стихотворнаго склада, разумѣется, нечего было и думать, но размѣренность рѣчи чувствуется еще въ нѣкоторыхъ частяхъ памятника, напримѣръ, въ самомъ началѣ его, а потому и вставки изъ побочныхъ списковъ дѣлались иногда въ виду этого соображенія. Кромѣ того, нѣкоторыя выраженія оказались въ основномъ спискѣ написанными дважды по винѣ писца: ихъ естественно было исключить.

Независимо отъ сличенія списковъ, употребленъ былъ еще другой пріемъ для установленія правильнаго чтенія текста: встрѣчающіяся въ памятникѣ эпическія выраженія сравнивались со сходнымъ употребленіемъ ихъ въ другихъ произведеніяхъ нашей древней и старинной письменности. Этимъ путемъ удалось оправдать и подтвердить нѣкоторыя черты изложенія, находящіяся только въ основномъ спискѣ.

Послѣ этихъ общихъ предварительныхъ замѣчаній изложимъ въ частности тѣ соображенія, которыми мы руководствовались, устанавливая чтеніе разныхъ мѣстъ въ нашемъ памятникѣ.

Въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ нашъ памятникъ названъ «Повѣстью», въ Тихонравовскомъ — «Сказаніемъ», а въ Забѣлинскомъ—«Гисторіей». Г. Тихонравовъ справедливо замѣтилъ, что этотъ послѣдній терминъ относится ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда имъ обозначались переводные романы и повѣсти[1]); но такъ какъ, по всей вѣроятности, нашъ памятникъ положенъ на бумагу еще въ XVII столѣтіи, то слѣдуетъ удержать названіе «Повѣсти», весьма распространенное въ то время и находящееся въ двухъ главныхъ спискахъ издаваемаго произведенія.

То же заглавіе даетъ поводъ къ другому замѣчанію. Писецъ Библіотечнаго списка постоянно называетъ героя «Повѣсти» *Муравлецъ*, а родину его — *Муровъ*, *Моровъ*, и только болѣе поздній читатель рукописи переправилъ первую изъ этихъ формъ въ заглавіи и кое-гдѣ въ текстѣ на общеупотребительную—Муромецъ. Очевидно, въ оригиналѣ, съ котораго «Повѣсть» списана въ Библіотечный сборникъ, всюду стояло *Муравлецъ:* форма, доселѣ не встрѣчавшаяся ни въ одномъ устномъ пересказѣ былинъ, но извѣстная по нѣсколькимъ отрывочнымъ упоминаніямъ въ литературѣ, преимущественно иностранной[2]). Не касаясь вопроса о томъ, какая изъ этихъ формъ древнѣе, замѣтимъ, что формы *Моровъ*, *Муровъ*; *Муровлецъ*, *Муравлецъ* и имъ подобныя могли возникнуть изъ смѣшенія названія города Мурома съ названіемъ городка *Моравійска*, существовавшаго въ Черниговской землѣ еще въ XII вѣкѣ[3]). Мы однако не рѣшились удержать формы *Муровъ*, *Муровлецъ* или *Муравлецъ* въ текстѣ и замѣнили ихъ общеупотребительными.

Первыя строки Библіотечнаго списка не вполнѣ удовлетворительны: въ нихъ встрѣчается выраженіе: «*въ умѣ* держалъ»,

1) Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 9 и 10.

2) Они собраны въ двухъ замѣткахъ А. Н. Веселовскаго въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія 1883 г., апрѣль, и 1890 г., мартъ.

3) Н. П. Барсовъ. Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, стр. 127.

очевидно неумѣстное и во всякомъ случаѣ не дающее яснаго смысла. Вмѣсто того въ спискахъ гг. Буслаева и Забѣлина читается исправнѣе: «*походъ* держалъ». Но вслѣдъ затѣмъ обнаруживается преимущество Библіотечной рукописи: условіе завѣта, положеннаго Ильей, высказано въ ней совершенно точно и ясно, тогда какъ у г. Буслаева ему данъ вполнѣ превратный смыслъ. Списокъ г. Забѣлина согласенъ въ данномъ случаѣ съ Библіотечнымъ, — въ Тихонравовскомъ же эта подробность совсѣмъ опущена.

Слѣдующій затѣмъ разсказъ объ освобожденіи града Себежа, при общемъ сходствѣ во всѣхъ спискахъ, представляетъ въ Библіотечномъ нѣсколько дополнительныхъ эпическихъ чертъ. Такъ, по текстамъ гг. Буслаева и Забѣлина, Илья, когда подъѣзжаетъ къ Себежу, видитъ осаждающее его войско. По Библіотечному списку, богатырь, еще не видя войска, «услышалъ *крикъ* і *стукъ* і *конское ржаніе*» — признаки какой-то обложившей городъ вражеской силы. Замѣчательные тексты сказокъ изъ такъ-называемаго Истоминскаго сборника въ Московскомъ публичномъ музеѣ (коллекціи Ундольскаго) знаютъ тѣ же выраженія; такъ, въ Сказаніи объ Урусланѣ Залазаревичѣ приближеніе вѣщаго коня Араша знаменуется тѣмъ, что «в поле учинился *великой стукъ* необычайной» [1]), а въ Словѣ о Бовѣ королевичѣ герой, «послышавъ за градомъ *зукъ* и *топот конской*», спрашиваетъ о причинѣ и узнаетъ о происходящей битвѣ [2]). Въ другой редакціи той же сказки, также XVII вѣка, этотъ вопросъ Бовы изложенъ такими словами: «Что за городомъ *шумъ* великъ и *конское ржание?*» [3]) Припомнимъ еще тавтологическое выраженіе въ Задонщинѣ: «Уже бо *стукъ стучитъ* и *громъ гремитъ* рано предъ зорею? То ти не *стукъ стучитъ*, ни *громъ гремитъ*: князь Володимеръ Ондрѣ-

---

1) Лѣтописи р. литературы и древности, т. II, стр. 104.

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, приложеніе, стр. 246.

3) Памятники древней письменности 1879 г., вып. I, стр. 56.

евичь полки перебираетъ и ведеть вои свои» [1]), — имѣющее свой прототипъ въ Словѣ о полку Игоревѣ [2]), и наконецъ, слова лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1240 годомъ: «Приде Батый Кыеву… и не бѣ слышати отъ гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и *рьжания* отъ гласа стадъ *конь* его».

Замѣтивъ, что три царевича хотятъ Себежъ градъ «за щитомъ взять» [3]), Илья, по Библіотечному списку, «напущаетъ на ихъ силу вѣликую, *какъ на галъчье стадо*». Въ спискахъ гг. Забѣлина и Тихонравова тутъ вовсе нѣтъ сравненія, а въ текстѣ г. Буслаева оно читается такъ: «побилъ силу великую, *бутто заичье стадо*»; но «заичье» вмѣсто «галечье» сказано, конечно, по ошибкѣ, ибо примѣры другихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ въ пользу Библіотечнаго списка. Такъ, въ «Гистории о киевскомъ богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенатцати летъ», по рукописи XVIII вѣка, читается: «и сталъ напущать онъ на полки татарские, *что ясенъ соколъ на стада на галечья*» [4]). То же сравненіе, въ обычной нашему народному языку отрицательной формѣ, находится и въ Сказаніи о Еруcланѣ: «*не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди*, напущаетъ Иванъ руской богатырь на рать Өеодула царя змія» [5]). Въ лѣтописи по Лаврентіевскому списку подъ 1097 годомъ также есть выраженіе равно близкое какъ къ этимъ примѣрамъ, такъ и къ словамъ Библіотечнаго списка:

---

1) Задонщина в. князя Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича. Чтеніе И. И. Срезневскаго, стр. 22.

2) «Что ми *шумить*, что ми *звенить* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаеть».

3) Это выраженіе, находящееся въ Буслаевскомъ, Забѣлинскомъ и Библіотечномъ спискахъ, встрѣчается и въ Сказаніи о Еруcланѣ, XVII в. (Памятники стар. р. литературы, вып. II, стр. 329), а въ лѣтописяхъ ему соотвѣтствуетъ «взяти на щитъ».

4) Эта «Гистория», извѣстная въ рукописи Московскаго публичнаго музея, № 774, издана по сообщенной мною копіи въ «Южно-русск. былинахъ» А. Н. Веселовскаго, стр. 20—27.

5) Памятники ст. р. литературы, вып. II, стр. 329.

Половцы «сбиша Угры акы в мячь, *яко се соколъ сбиваетъ галицъ»* [1]).

По Забѣлинскому списку, побѣда Ильи Муромца надъ царевичами происходитъ «у морской пристани»; но другіе списки «Повѣсти» не знаютъ этой черты, и она, конечно, не принадлежитъ коренному сказанію, а составляетъ примѣръ нарощенія подробностей, вообще свойственный народному эпосу: побѣда одержана у моря потому, что выше сами царевичи названы заморскими.

По освобожденіи Себежа происходитъ разговоръ между царемъ этого города и Ильей Муромцемъ. Только въ спискѣ г. Забѣлина царь названъ *Себежскимъ*, тогда какъ въ трехъ другихъ онъ именуется *Сибирскимъ* или *Сибѣскимъ*. Эта послѣдняя форма, встрѣчающаяся въ рукописи г. Тихонравова, даетъ ключъ къ объясненію происшедшаго искаженія: въ первоначальной записи слово *Себежской* могло быть написано съ вынесеннымъ на верхъ *ж* и потому было прочтено какъ Себерской или Сибирской. Ошибка была тѣмъ возможнѣе, что въ старину названіе зауральскихъ странъ нерѣдко писалось: *Сибѣрь*, также съ вынесеннымъ наверхъ окончаніемъ. Правильное чтеніе Забѣлинскаго списка дало возможность внести соотвѣтствующую поправку во всѣ тѣ мѣста, гдѣ упоминается царь освобожденнаго Ильей города [2]).

Общій смыслъ разговора между этимъ царемъ и Муромцемъ одинаковъ во всѣхъ спискахъ, но только ихъ взаимное сопоставленіе можетъ дать настоящее правильное чтеніе этого мѣста «Повѣсти» и выяснить ходъ разговора. Послѣдняя въ немъ рѣчь Себежскаго царя, почти тожественная во всѣхъ спискахъ, заклю-

---

1) А. Н. Веселовскій (Южно-русск. былины, стр. 23—29) сближаетъ съ вышеприведенными словами «Гисторіи» о Михаилѣ нѣкоторыя выраженія Слова о полку Игоревѣ.

2) Въ Забѣлинской рукописи № 82, а также въ лубочной сказкѣ (Ровинскій, Р. нар. картинки, т. I, стр. 3), Себежскій царь названъ Киберскимъ: это дальнѣйшее искаженіе того же слова. Названіе Себежа не совсѣмъ забыто и народными пересказами: въ одной онежской былинѣ (Пѣсни Рыбникова, т. III, стр. 17) освобожденный Муромцемъ городъ названъ Бѣжеговымъ.

чаетъ въ себѣ изложенное въ яркомъ эпическомъ стилѣ описаніе заставы, которая устроена Соловьемъ Разбойникомъ на пути въ Кіевъ. Нѣсколько далѣе это описаніе дополняется тѣмъ, что самъ Соловей сидитъ «на дубахъ», на двѣнадцати — по списку г. Буслаева, а по остальнымъ — на девяти.

Богатырскія заставы, описываемыя въ нашихъ былинахъ, уже давно были сближаемы съ тѣми сторожевыми заставами, которыми издревле ограждалась Русь отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ. Въ недавнее время А. А. Потебня повторилъ это сближеніе и дополнилъ его новыми данными[1]). Драгоцѣнныя свѣдѣнія о бытѣ русскихъ станичниковъ сохранилъ уставъ о сторожевой и станичной службѣ, составленный въ 1571 году на основаніи опыта многихъ прежнихъ лѣтъ. Уставомъ этимъ предписывалось между прочимъ: «сторожамъ на сторо̀жахъ стояти въ тѣхъ мѣстѣхъ, которые бъ мѣста были усторожливыя, гдѣ бъ имъ воинскихъ людей мочно усмотрѣти; а стояти сторожемъ на сторо̀жахъ съ коней не съсѣдая; ... а воеводамъ и головамъ надъ сторожами смотрити накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добры, и ѣздили бъ на сторо̀жи, на которыхъ стеречи, о дву конь, на которыхъ бы лошадехъ мочно видѣвъ людей уѣхати, а на худыхъ бы лошадехъ однолично на сторожи не отпущати»[2]). Такимъ коннымъ сторожемъ изображенъ, въ Сказаніи о Ерусланѣ, Ивашка Бѣлая Епанча, и его сторо̀жа описана почти въ тѣхъ же эпическихъ выраженіяхъ, что̀ застава Соловья Разбойника въ нашей «Повѣсти»: Ивашка «стережетъ въ чистѣ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство (Индѣйское) *мимо его никаковъ богатырь не проѣжживалъ, не звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала*». Въ томъ же Сказаніи находимъ описаніе и разъѣздовъ коннаго сторожа: «и ходилъ Еруслонъ Лазаревичь мѣсяцъ, и другой, и третій, ажно нашелъ сокму: въ ширину та

1) Живая старина, вып. III, стр. 124—126, и тамъ же, стр. 243 и 244, дополнительная замѣтка В. И. Ламанскаго.

2) О сторожевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства, статья И. Д. Бѣляева въ Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей 1846 г., № 3, стр. 16 и 18.

сокма пробита какъ доброму стрѣлцу стрѣлить, а въ глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокмѣ, Еруслонъ удивился и говоритъ таково слово: «Кто де по сей сокмѣ ѣздитъ?» Ажно по той сокмѣ ѣздитъ богатырь, старъ человѣкъ, — конь подъ нимъ сивъ, — Алокти-Гирей»[1]).

А. А. Потебня указываетъ, что у станичниковъ XVI — XVII вѣковъ, стерегшихъ татарскія сакмы, бывали на взлѣсьѣ помосты, «кровати» на дубахъ: «а сторожа въ острогѣ (то-есть, не внутри его, а при немъ) — караульная кровать на дубу, на сакму видѣть», говорится въ одномъ документѣ 1632 года. Съ такою кроватью г. Потебня очень удачно сравниваетъ помѣщенное на дубу гнѣздо Соловья Разбойника, прибавляя притомъ, что «сидѣнье Соловья не на одномъ «широкомъ» дубу, скрывающемъ караульщика, а на трехъ, затѣмъ девяти, двѣнадцати, тридевяти дубахъ, можетъ быть понято, какъ гипербола, вызванная тѣмъ, что онъ не простой, а изъ ряду вонъ разбойникъ». Такой же гиперболическій оттѣнокъ присущъ и всему эпическому описанію Соловьевой заставы. Данное г. Потебней объясненіе устраняетъ необходимость видѣть въ Соловьѣ сверхъестественное существо, получеловѣка-полуптицу. Дѣйствительно, въ нашей «Повѣсти» онъ является въ простомъ человѣческомъ образѣ — лѣсного разбойника. Самое имя его — одно изъ обычныхъ «мірскихъ» именъ или прозвищъ въ старинной Руси.

Паденіе раненаго Ильей Соловья съ дубовъ сравнивается въ «Повѣсти» съ паденіемъ *овсянаго снопа*. Уже одно присутствіе этого сравненія во всѣхъ четырехъ спискахъ даетъ поводъ отнести эту подробность къ числу коренныхъ въ сказаніи; а что на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на одну изъ особенностей эпическаго стиля, это видно изъ того, что она встрѣчается и въ Словѣ о Бовѣ въ Истоминскомъ сборникѣ: дворянъ короля Маркобруна Бова «мечет с коней *что снопов*»[2]).

---

1) Памятники ст. р. литературы, вып. II, стр. 329 и 326.

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, приложеніе, стр. 245.

Названіе рѣки, что течетъ близъ Соловьевыхъ дубовъ, является въ Библіотечномъ спискѣ въ своеобразной формѣ *Смородыня*; мы не сочли возможнымъ удержать его въ нашемъ чтеніи, такъ какъ въ рукописяхъ гг. Буслаева и Тихонравова тоже названіе встрѣчается въ другой формѣ—*Смородина*, *Смородинка*, болѣе знакомой устному народному творчеству и не совсѣмъ чуждой книжнымъ литературнымъ памятникамъ[1]).

Въ одномъ изъ списковъ «Повѣсти», въ Тихонравовскомъ, Соловей Разбойникъ названъ Будимеровымъ или Будимеровичемъ. Появленіе этого прозвища, подъ которымъ извѣстенъ одинъ изъ героевъ Кіевскаго цикла, при имени противника Ильи Муромца даетъ поводъ къ нѣкоторымъ интереснымъ соображеніямъ.

Извѣстно мнѣніе И. В. Ягича, который считаетъ возможнымъ вывести обоихъ Соловьевъ нашего эпоса, то-есть, и Разбойника, и Будимировича, изъ образа сказочнаго Соломона и даже отожествить ихъ въ одномъ лицѣ[2]). «Соловей Разбойникъ Будимеровичъ» Тихонравовскаго списка могъ бы служить къ подтвержденію такой догадки. Но прежде всего нельзя не принять во вниманіе, что такое соединеніе этихъ двухъ прозвищъ при имени Соловья составляетъ фактъ совершенно единичный, не повторяющійся ни въ одномъ устномъ пересказѣ, ни даже въ другихъ спискахъ нашей «Повѣсти». Затѣмъ никакой внутренней связи между похожденіями Соловья Будимировича и Соловья Разбойника по былинамъ не видно; вопреки мнѣнію г. Ягича, строительство Будимировича вовсе не имѣетъ отношенія къ гнѣзду на дубахъ, въ которомъ Разбойникъ сторожитъ проѣзжихъ; если въ одной изъ Рыбниковскихъ былинъ (ч. I, стр. 54), на которую ссылается г. Ягичъ, Соловья Разбойника посылаютъ въ монастырь «строителемъ», это значитъ, что онъ долженъ не

---

1) Ѳ. И. Буслаевъ. Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія—въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, т. VI, стр. 15—18; Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, т. II, прим. 301.

2) Г. Ягичъ высказалъ это мнѣніе въ своей статьѣ: «Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik», въ I-мъ томѣ своего «Архива» (1876 г.).

сооружать обитель, а лишь управлять ею: «строителями» назывались настоятели малыхъ, приписныхъ монастырей, и эта должность, какъ и ея названіе, появились у насъ съ XV—XVI вѣковъ[1]); притомъ же, по былинѣ, бывшій разбойникъ не сумѣлъ быть «строителемъ», а оказался «разрушителемъ». Далѣе, въ характерѣ Будимировича, какъ онъ очерченъ былинами, вовсе нѣтъ воинственности, отличительной черты богатырей-стоятелей за Русскую землю, между тѣмъ какъ Соловей Разбойникъ — дикій воитель, и самъ г. Ягичъ склоненъ породнить его съ суровымъ поколѣніемъ «старшихъ» богатырей, на смѣну котораго явились въ эпосѣ Илья Муромецъ и его товарищи. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что основной мотивъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ составляетъ брачная поѣздка этого заѣзжаго молодца[2]), и что вся его эпическая характеристика исчерпывается его роскошною обстановкой, которою онъ прельщаетъ свою невѣсту. Въ виду такихъ соображеній мы рѣшительно не видимъ ни возможности, ни надобности отожествлять въ одно лицо двухъ Соловьевъ нашего эпоса, и потому придачу отчества Будимировича къ имени Соловья Разбойника въ Тихонравовской рукописи считаемъ если не ошибкой переписчика, то случайною погрѣшностью того лица, кто первый вздумалъ положить на бумагу народную былину объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Не невозможно впрочемъ, что въ старину существовало и нѣсколько списковъ нашей «Повѣсти» съ такою ошибкой, и быть можетъ, одинъ изъ нихъ подалъ поводъ къ тому, повидимому, чисто случайному сопоставленію именъ Соловья Будимировича и Ильи *Муровленина*, которое указано въ одномъ западнорусскомъ документѣ 1574 года[3]). Что въ южной и западной Руси обращались въ старину рукописныя повѣсти объ Ильѣ Муромцѣ, объ этомъ можно догадываться по вышеупомянутой те-

---

1) Митроп. Макарій. Исторія Русской церкви, т. VII, стр. 90.

2) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 77; А. А. Потебня. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, т. II, стр. 482, 663.

3) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 64.

традкѣ Е. В. Барсова съ признаками «малороссійскаго письма и говора».

Возвращаемся къ обозрѣнію нашей «Повѣсти».

Отъ свиста Соловья споткнулся конь Ильи. Въ словахъ, съ которыми Муромецъ обращается къ нему, списки представляютъ нѣкоторое различіе. «Что ты, *волче*, спотыкаешся? Нетъ веть меня во всей Руской землѣ сильнея», говоритъ Илья въ рукописи г. Буслаева. Въ Тихонравовскомъ спискѣ богатырь называетъ своего коня «волчья шерсть», а въ Библіотечномъ—«волчья сыть». Это послѣднее выраженіе, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе по своему эпическому характеру. Въ любопытномъ по своему стилю «Сказаніи объ Азовскомъ осадномъ сидѣньи», сочиненномъ въ XVII вѣкѣ, аналогическій смыслъ имѣютъ слѣдующія слова казаковъ Туркамъ: «А какъ мы, казаки, взяли Азовъ городъ, тогда мы накормили вашимъ поганымъ трупамъ волковъ сѣрыхъ» [1]). То же представленіе о волкѣ, какъ о звѣрѣ особенно жадномъ, можно найти въ поговоркахъ и притчахъ, занесенныхъ въ наши древніе памятники, какъ напримѣръ, въ Словѣ Данила Заточника: «не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня», или въ посланіи Симона къ Поликарпу: «овча пребывая въ стадѣ невређено будеть, а отлучившися въскорѣ погибнеть и волкомъ изъѣдено будеть» [2]).

Въ той же рѣчи, обращенной къ коню, Илья Муромецъ называетъ свое отечество «Святорусскою землей». Это выраженіе, столь обычное въ устныхъ пересказахъ народнаго эпоса, имѣетъ свою исторію и въ памятникахъ старинной письменности. Происхожденіе его, безъ сомнѣнія, связывается съ тѣмъ воззрѣніемъ, которое сложилось у русскихъ людей въ исходѣ XV вѣка, когда, по взятіи Константинополя Турками, Русь осталась единственнымъ православнымъ государствомъ, свободнымъ отъ мусульманскаго ига. Еще въ шестидесятыхъ годахъ XV столѣтія

1) Пѣсни Рыбникова, ч. IV, стр. 163.

2) Калайдовичъ. Памятники росс. словесности XII вѣка, стр. 230 и 253.

русскій публицистъ-монахъ, авторъ «Слова еже на латыню», говорилъ слѣдующее: «Нынѣ убо во временахъ, благопросвѣщенная земля Руская, святымъ правленіемъ Божія церкви тобѣ подобаетъ въ вселеннѣй и подъ солнечьнымъ сіаніемъ съ народомъ истиннаго къ вѣрѣ православья радоватися, одѣявся свѣтомъ благочестіа... дръжавою... великого князя Василія Васильевича»[1]). Явившись сперва среди духовныхъ лицъ, мысль о святости Руси, какъ единственной хранительницы православія, становится въ XVI вѣкѣ достояніемъ и образованныхъ мірянъ, особенно послѣ взятія Казани, послѣ громкой побѣды надъ мусульманскимъ царствомъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ Казанскаго похода, просвѣщенный князь А. М. Курбскій, предлагаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій подробное разсужденіе о томъ, что только на Руси уцѣлѣли въ чистотѣ истинная вѣра и благочестіе, погибшія уже въ другихъ странахъ востока и запада[2]). Въ другомъ сочиненіи того же писателя, въ «Исторіи» Ивана Грознаго, встрѣчается еще болѣе интересное для насъ мѣсто; въ III-й главѣ, разсказывая о бесѣдѣ царя съ Досиѳеемъ Топорковымъ, Курбскій обращается къ послѣднему съ такими укорами: «Про что человѣческаго естества.....жилы пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ неяже во всей *Святорусской земль* таковъ пожаръ лютъ возгорѣлся?»[3]) Это — если не ошибаемся — самое раннее прямое употребленіе такого названія въ нашей старинной книжной литературѣ. Оно является тутъ еще въ торжественной обстановкѣ реторической фразы. Но въ XVII вѣкѣ оно повторяется неоднократно, и притомъ въ такихъ произведеніяхъ, которыя стоятъ въ большей или меньшей связи съ народною поэзіей. Такъ, въ пѣснѣ, сложенной по случаю возвращенія патріарха Филарета изъ польскаго плѣна въ Москву

---

1) А. Н. Поповъ. Историко-литературный обзоръ др.-р. полемич. сочиненій противъ латинянъ, стр. 394—395.

2) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г., ч. II, стр. 560—563.

3) Сказанія князя Курбскаго. Изданіе 2-е, стр. 46.

14-го іюня 1619 года и тогда же записанной англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ, говорится:

Зрадовалось царство Московское и вся земля *Святоруская*... [1]).

Въ упомянутомъ выше «Сказаніи объ Азовскомъ осадномъ сидѣньѣ» донскіе казаки уподобляются «*святорусскимъ* богатырямъ», а въ «Повѣсти града Иерусалима» по списку XVIII вѣка описывается, какъ «с тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, освѣтила всю *землю Свѣторускую*» [2]). Ѳ. И. Буслаевъ обратилъ вниманіе на глубоко національный духъ этого произведенія, наивно выразившійся въ пріуроченіи всѣхъ святынь христіанскаго міра къ Русской землѣ. Тотъ же національный духъ сказался и въ «Повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ, когда она влагаетъ въ уста этого главнаго героя народнаго эпоса похвальбу о его неодолимой силѣ.

Въ описаніи боя Ильи съ Соловьемъ въ Библіотечномъ спискѣ есть небольшой пропускъ: Муромецъ «Соловья Разбоиника в правой гласъ»... Въ спискѣ г. Буслаева здѣсь читается: «во Соловья Разбойника попалъ»; въ спискѣ г. Тихонравова: «убил ево въ правое око», въ спискѣ г. Забѣлина: «попалъ Соловья в правой гласъ». Мы однако не остановились ни на одномъ изъ этихъ варіантовъ и препочли имъ слово «билъ», такъ какъ оно встрѣчается въ Библіотечномъ спискѣ далѣе, въ разсказѣ Ильи объ его боѣ съ Разбойникомъ.

Въ описаніи прибытія Ильи со своимъ плѣнникомъ къ селамъ Кутузовымъ Библіотечный списокъ опять оказывается не вполнѣ исправнымъ. Когда Илью увидѣли двѣнадцать сыновей Соловья, то, по этой рукописи, всѣ они «зговорятъ таково слово», и затѣмъ имъ отвѣчаетъ большой сынъ. Тихонравовскій списокъ прерывается нѣсколько раньше описанія этой сцены; Забѣлин-

1) Памятники великорусскаго нарѣчія. Изданіе II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, стр. 3.

2) Пѣсни Рыбникова, ч. VI, стр. 164; Лѣтописи р. литературы и древности, т. II, стр. 41.

скій передаетъ ее вкратцѣ, но Буслаевскій повѣствуетъ очень складно: въ немъ первое слово при видѣ Ильи принадлежитъ одному большому сыну, а отвѣтъ держитъ одинъ меньшой. Такое противоположеніе между старшимъ и младшимъ, при чемъ правота на сторонѣ послѣдняго, совершенно въ духѣ народнаго эпоса. Въ наше чтеніе внесенъ варіантъ Буслаевскаго списка.

Увидѣвъ отца въ бѣдѣ, Соловьята собираются «поле дать» его побѣдителю. Такъ сказано въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ, между тѣмъ какъ Забѣлинскій замѣняетъ эти слова болѣе понятнымъ «битися». Однако, выраженіе двухъ первыхъ списковъ должно быть предпочтено не только по своей архаичности, но и по своему смыслу. Сыновья вступаются за отца, и борьба съ Ильей представляется имъ не простою молодецкою потѣхой, а судомъ Божіимъ — въ томъ смыслѣ, какъ названа война въ лѣтописи: «Се уже мы идемъ на судъ Божий», говоритъ Изяславъ Мстиславичъ, ополчаясь на Юрія Долгорукаго, занявшаго Кіевъ [1]). Такъ и Соловьята хотятъ рѣшить дѣло полемъ, судебнымъ поединкомъ, хотятъ «битися на поли», какъ выражается Судебникъ Ивана III, и только вмѣшательство самого плѣннаго Разбойника устраняетъ это заступничество.

Послѣдній эпизодъ «Повѣсти» переданъ въ Библіотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ очень сходно, а въ Забѣлинскомъ наиболѣе пострадалъ отъ подправокъ въ книжномъ вкусѣ, какъ напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ: «у полаты своды потреслиса». Поэтому въ послѣдней части «Повѣсти» наше чтеніе слѣдуетъ почти исключительно основному списку, при чемъ удерживаетъ и его особенности. На двѣ изъ нихъ обратимъ здѣсь вниманіе. Въ разсказѣ Ильи объ его приключеніяхъ дважды встрѣчается любопытное слово *притчина*; такъ оно и написано въ Забѣлинской рукописи, между тѣмъ какъ въ спискѣ г. Буслаева: *причина*,— въ Библіотечномъ же находимъ оба написанія. Не подлежитъ

---

1) Лѣтопись по Ипатскому списку, подъ 6659 г., стр. 300.

однако сомнѣнію, что форма *притчина*, какъ удлиненная изъ *притча*, *притка*, должна быть предпочтена. Еще много лѣтъ тому назадъ г. Буслаевъ указалъ, что слово *притъча*, *притъка* значило въ старинномъ языкѣ случай, бѣда, а прилагательное *приточный* — опасный[1]). И до сихъ поръ слово *притча* сохраняетъ то же значеніе въ архангельскомъ говорѣ. Далѣе, грубо испорченное въ Библіотечномъ спискѣ написаніе *«вокоше чнаку* хрусталную» прочтено нами: *«въ окончину* хрусталную», ибо слово *окончина* употреблялось въ XVII вѣкѣ въ томъ же смыслѣ, что *окно*: въ описи государева двора въ селѣ Коломенскомъ, составленной въ 1677 году, неоднократно упоминаются «окончины слюденые ветхіе»[2]).

Привѣтствіе, съ которымъ князь Владиміръ обращается къ Ильѣ въ концѣ «Повѣсти» есть обычная эпическая формула, встрѣчающаяся въ разныхъ памятникахъ. Такъ, царь Картаусъ говоритъ Еруслану: «и нынѣ ты живи у меня въ царствѣ и емли городы съ пригородками и съ красными селами; *казна тебѣ у меня не затворена*, и мѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третье гдѣ тебѣ любо»[3]). Еще ближе къ нашему тексту рѣчь князя Владиміра къ молодому богатырю Михаилу Даниловичу въ «Гисторіи» о немъ: «Михаиле, сыне Даниловичю! буди ты от меня пожалованъ, *злата казна про тебя не запечатана*, драгоценное платье про тебя не изношено, *добрыя кони стоятъ не объезжаны»*[4]).

Отличіе Библіотечнаго списка отъ прочихъ составляетъ заключительная припѣвка, заканчивающая «Повѣсть» объ Ильѣ

1) Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. В. Калачова, кн. 2, ч. II, стр. 46, 47; Домострой, по изд. Д. П. Голохвастова, стр. 55: «по грѣхомъ какова *притча* станетца»; Памятники дипломат. сношеній, т. I, стр. 71: «пусть далекъ и *приточенъ;* А. Подвысоцкій. Словарь обл. архангельскаго нарѣчія.

2) И. Е. Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей, т. I, приложеніе, стр. 17 и слѣд.

3) Памятники стар. р. литературы, в. II, стр. 330 и 337.

4) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 27.

Муромцѣ[1]). Только нѣкоторое подобіе ей можно найдти въ другихъ памятникахъ. Такъ, одно изъ сказаній о Еруслан҃ѣ заканчивается слѣдующими словами: «Еруслану слава не минуетца отнынѣ и до вѣка. Аминь»[2]). Въ «Сказаніи о седми рускихъ богатыряхъ», помѣщенномъ въ томъ же сборникѣ г. Буслаева, изъ котораго г. Тихонравовъ заимствовалъ одинъ изъ изданныхъ имъ текстовъ нашего памятника, похожденія богатырей также заканчиваются небольшою припѣвкою: «И ихъ храбрости слава не минуетца». Эти примѣры доказываютъ, что конечныя строки Библіотечнаго списка вполнѣ умѣстны какъ заключеніе «Повѣсти».

Сравненіе рукописныхъ текстовъ «Повѣсти объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ» съ пересказами былинъ соотвѣтствующаго содержанія, записанными прямо изъ народныхъ устъ, безъ сомнѣнія, представило бы не менѣе важныя данныя для оцѣнки эпическаго стиля нашего памятника; но мы намѣренно воздержались отъ такого сравненія, имѣя въ виду, что эти записи позднѣе рукописныхъ текстовъ, а цѣль нашего опыта заключается въ томъ, чтобы по возможности возстановить «Повѣсть» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII вѣкѣ.

При печатаніи, поправки къ основному тексту набраны курсивомъ, а вставки изъ побочныхъ текстовъ заключены въ прямыя скобки. Въ правописаніи мы не слѣдовали рукописямъ буквально, но старались вообще примѣняться къ обычаямъ старинной орѳографіи и удерживали преимущественно тѣ особенности рукописей, которыя имѣютъ значеніе въ фонетическомъ отношеніи.

---

1) Въ отрывкѣ Московскаго публичнаго музея есть также подобная припѣвка (Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 8).

2) Памятники стар. р. литературы, вып. II, стр. 339.

Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ.

(Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ).

Во славномъ было градѣ Муромѣ слушалъ [богатырь] Илья Муромецъ заутреню воскресную и *походъ* держалъ [къ столному граду Кіеву] къ силному ко князю Владимеру Кіевскому Всеславичу, а завѣтъ держалъ во всю востру саблю и на крѣпкой лукъ: чтобъ отнюдь во всю дорогу широкую востры сабли изъ ножней не вынимать и на крѣпкой лукъ титивы не кладывать.

И какъ ѣдучи будетъ подъ Себежемъ градомъ, и услышалъ крикъ и стукъ и конское ржаніе, и наѣхалъ тутъ силный Илья Муромецъ, ажно подъ Себежемъ градомъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себежъ градъ за щитомъ взять, а самого царя *Себежского* въ полонъ взять. Тутъ Илья Муромецъ отвязываетъ свою востру саблю отъ сѣдла черкаскаго и напущаетъ на ихъ силу великую, какъ на галечье стадо. И побилъ всю рать силу великую и трехъ царевичевъ въ полонъ взялъ и подарилъ *Себежскому* царю въ подарки.

[И] *Себежской* царь взговоритъ: «Ой еси ты, доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству, и котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома». И *Себежской* царь взговоритъ [таково слово]: «Откуды твоя дорога излучилась?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Ѣду, государь, къ столному граду Кіеву ко князю Владимеру Кіевскому Всеславичу». И *Себежской* царь взговоритъ Ильѣ Муромцу: [«Ой еси, доброй молодецъ Илья Муромецъ! Не ѣзди къ столному граду Кіеву, ко великому князю Владимеру Кіевскому Всеславичу, живи ты у меня], служи [ты мнѣ вѣрою и правдою]; я отдамъ тебѣ полцарства [Себежскаго]». Илья Муромецъ [говоритъ: «Много мнѣ твоего жалованья!» И] спрашиваетъ у него прямой дороги къ [столному] граду Кіеву [ко князю Владимеру

Кіевскому Всеславичу]. И *Себежской* царь взговоритъ [таково слово]: «Прямая у насъ дорога ко граду Кіеву на лѣса на Брынскіе, на грязи топучіе, на мостъ калиновъ, на рѣку *Смородину*; только *та* дорога залегла ровно тридцать лѣтъ: ни единой годъ по той дорогѣ никаковъ человѣкъ конской не проѣзживалъ, ни человѣкъ *не* прохаживалъ, ни птица не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Соловья Разбойника». И тутъ богатырское сердце разгорѣлось, и поѣхалъ прямой дорогою.

И *какъ* [ѣдучи] Илья Муромецъ будетъ на мосту калиновомъ, на рѣкѣ *Смородинѣ*, и спустилъ къ нему Соловей Разбойникъ, засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ, ажно подъ Ильею [его доброй] конь впотыкнулся. И тутъ Илья Муромецъ взговоритъ [таково слово]: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною впотыкнулся? Нѣту вѣть силнѣе меня на всей Святорускои землѣ!» И вынимаетъ свой крѣпкой лукъ и калену стрѣлу накладываетъ, Соловья Разбойника въ правой глазъ *билъ*. И Соловей Разбойникъ упалъ съ девяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Илья Муромецъ сѣлъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретивое. И змолился Соловей Разбойникъ: «Ой еси ты, сильный могучій богатырь Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ! Оставь душу хотя на покаяніе!» Что взговоритъ Илья Муромецъ Соловью Разбойнику: «Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежитъ?» И Соловей Разбойникъ взговоритъ таково слово: «Моя, государь, золота казна лежитъ [въ] моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцу гонять ровно два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ привязываетъ Соловья Разбойника къ своему стремени булатному [и скачетъ съ горы на гору, а у рѣки перевозу не спрашиваетъ].

И какъ ѣдучи будутъ подъ селами Кутузовыми, и увидѣли Соловья Разбойника ево 12 сыновей. [Болшой] *взговоритъ* таково слово: «Вонъ ѣдетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана». А *меншой* сынъ взговоритъ [таково слово]: «То де ѣдетъ Илья Муромецъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана». И метались въ золоту казну и надѣвали на себя

ружье богатырское, и хотятъ они съ нимъ поле дать. И Соловей Разбойникъ взговоритъ [таково слово]: «*Свѣты* вы, мое [малыя] дѣтушки, не дразните вы добраго молодца, зовите вы ево къ себѣ хлѣба кушать и сажайте ево за столы дубовы, а за ѣствы сахарныи». А Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ къ [столному] граду Кіеву, ко князю Владимеру [Кіевскому Всеславичу].

И какъ ѣдучи будетъ ко граду Кіеву, и скачетъ чрезъ ограду каменную и ѣдетъ на княженецкой дворъ, не обсылаючи и шапки не снимаючи, а Соловья привязываетъ къ своему доброму коню богатырскому, а самъ входитъ въ полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимеру поклоняется [и кнеинѣ], а послѣ на всѣ четыре стороны. И князь Владимеръ спрашиваетъ: Ой еси ты, доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству, и котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома». Князь Владимеръ взговоритъ: «Давно ли ты, Илья Муромецъ, изъ града Мурома поѣхалъ?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Поѣхалъ я, государь, изъ Мурома, отслушавъ заутреню воскресную». И князь Владимеръ усмѣхаетца: «Что ты, Илья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняютъ по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ съ Кіева въ Муромъ градъ». Илья Муромецъ взговоритъ [таково слово]: «Да еще на меня, государь, [были] двѣ притчины великіе и бѣды несносныи. Какъ поѣхалъ изъ Мурома [града], отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положилъ на всю востру саблю и на крѣпкой лукъ, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли изъ ножней не вынимать и на крѣпкой лукъ титивы не кладывать; а какъ ѣдучи будетъ подъ Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себежъ градъ за щитомъ взять, а самого царя *Себежскаго* въ полонъ взять, — и я ево выручилъ побилъ всю силу ихъ [ратную] и трехъ царевичевъ въ полонъ взялъ и подарилъ *Себежскому* царю въ подарки. И другая, госу-

дарь, на меня притчина была: какъ ѣдучи [на лѣсы Брынскія], на мосту калиновомъ, на рѣкѣ *Смородинѣ*, и наѣхалъ и напустилъ на меня Соловей Разбойникъ, закричалъ громкимъ гласомъ и засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся,—и билъ Соловья Разбойника въ правой глазъ и привезъ его съ собою въ Кіевъ градъ, и топерь онъ стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремени».

И выглядываетъ князь Владимеръ въ *окончину* хрусталную и самъ взговоритъ: «Ой еси ты, Соловей Разбойникъ! Засвищи ты своимъ разбойническимъ посвистомъ». И Соловей Разбойникъ отвѣтъ держитъ: «Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего господина Илью Муромца». Велѣлъ [засвистать] Илья Муромецъ Соловью Разбойнику: засвисталъ [Соловей] разбойничьимъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скамейки подломилиcь. И князь Владимеръ бысть велми радошенъ и зговоритъ [таково слово]: «Тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, и добрыи кони не изъѣждены, [и погребы не замкнуты] за твою службу вѣрную и богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою и правдою».

Тѣ жь люди миновалися, а слава ихъ до скончанія вѣка! Аминь. Конецъ и Богу слава! Аминь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье Разбойнике.

(По Библіотечному списку).

Во славномъ было градѣ Моровѣ [1]) слуша[лъ] Ілья Муровѣцъ заутреню воскресную и в умѣ держалъ к силному ко кънязю Владимеру Киевскому Всеславичу, а завѣтъ держалъ во всю востру саблю і на крепкой лукъ, чтобъ во всю дорогу титивы не кладывать, что[бъ] о[т]нють во всю дорогу широкую вострыя сабли із ножней не вынимать и на крепкой лукъ титивы не кладывать. І какъ едучи будѣтъ по[д]ъ Себѣжемъ градомъ, и услышалъ крикъ і стукъ і конское ржаніе, и наехалъ тутъ силны Ілья Муравѣцъ, ажно подъ Себѣжемъ градомъ стоятъ три царевича заморские, а силы с німъ было у всякова царевича по сту и по тысѣче, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя Сибирскаго в полонъ взять. Тутъ Илья Моровѣцъ отвязываетъ свою востру саблю отъ седла черкаскаго і напущаетъ на ихъ силу вѣликую, *какъ* на галѣчье стадо, і побилъ всю рать силу вѣликую і трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю в подарки. Сибирской царь взговоритъ: «О еси ты доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имѣни и по отечеству, і котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муровѣцъ: «Зовутъ мѣня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урождѣнецъ града Морова». I Сибирской царь взговоритъ: «Откуды твоя дорога ізлучилась?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муровѣцъ: «Еду, государь, к столному граду

---

1) Въ ркпс. надъ этимъ словомъ надписано еще разъ: *градѣ Мурове.* — Далѣе слова, приписанныя надъ строкой, набраны въ текстѣ курсивомъ.

Киеву, ко князю Владимѣру Киевскому Всеславичу». I Сибирской *царь* взговоритъ Илье Муровцу: «Служи ты у мѣня; всѣ отдамъ тебѣ полцарства». Илья Муровѣцъ спрашиваетъ у него прямой дороги ко граду Киеву. I Сибирской *царь* взговоритъ: «Прямая у насъ дорога ка граду Киеву на леса на Брын[с]кие, на грази топучие, на мостъ калиновъ, на реку Смородыню,— толко тутъ тебѣ дорога залѣгла ровно тридцать летъ: ни единой годъ по той дороге никаковъ человѣкъ конской не проеживалъ, ни человѣкъ и прохаживалъ, ни птица не пролѣтывала, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Солов[ь]я Разбойника». I тутъ богатырское серце разгорелось, и поехалъ прямой дорогою. I такъ Илья Муравѣцъ будетъ на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, — і спустилъ къ нѣму Соловѣй Разбойникъ, засвисталъ своимъ разбойничискимъ посвистомъ, ажно под Ыльею [1]) конь впотыкнулся. I тутъ Илья Муравѣцъ взговоритъ: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною вподтыкнулся»? Нету вѣть силнѣе меня на всей Святоруской земле!» I вынімаетъ свой крепкой лукъ і калену стрелу накладываетъ, Соловья Разбойника в правой гласъ. . . I Соловѣй Разбойникъ упалъ з дѣвяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Ілья Муравѣцъ селъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретовое. И змолился Соловѣй Разбойникъ: «Ой еси ты [2]) силны могучий богатырь Илья Муравѣцъ сынъ Івановичъ! Оставь душу хотя на покаяние!» Что взговоритъ Илья Муравѣцъ Солов[ь]ю Разбойнику: «Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежитъ?» И Соловѣй Разбойникъ взговоритъ таково слово: «Моя, государь, золота казна лежитъ [3]) [въ] моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцу гонять ровно по два месеца, а скоро на скоро во единъ месецъ». Илья Муравѣцъ привязываетъ Соловья Разбойника к [с]воему с[т]ремени булатному. И какъ едучи будутъ по[дъ] селами Кутузовыми, і увидѣли Соловья Разбойника ево 12 сыновѣй, и зговорятъ таково слово: «Вонъ едетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана». А болшой сынъ взговоритъ: «То дѣ едѣтъ Ілья Муравѣцъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана». I метались в золоту казну, і надѣвали на себя ружье богатырское, і хотятъ они с нимъ поле дать. I Соловей Разбойникъ взговоритъ: «О еси вы, мое детушки, не дразните вы добраго молотца, зовите вы ево к себѣ

1) Въ ркпс. *подылься.*

2) Послѣ *ты* въ ркпс. надъ строкой приписано *доб* — добрый?

3) Въ ркпс. это слово зачеркнуто, но другимъ не замѣнено.

хлѣба кушать і сажайте ево за столы дубовы, а за ествы сахарныи». А Илья Муравѣцъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ ко граду Киеву ко князю Владимеру. І какъ едучи будетъ ко граду Киеву, і скачетъ чрезъ ограду каменную, і едѣтъ какъ на княженецкой дворъ, не обсылаючи і шапки не снимаючи, а Соловья при[вя]зываетъ к своему доброму коню богатырскому, а самъ входитъ в полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимеру поклоняется, а после на все четыре стороны. И князь Владимеръ спрашиваетъ: «О еси ты доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени і по [о]течеству, і котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муравѣцъ: «Зовутъ мѣня, государь, Илюшкою, а по [о]течеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурова». Князь Владимеръ взговоритъ: «Давно ли ты, Илья Муравѣцъ, из града Мурова поехалъ?» Отвѣтъ держалъ Іл̃ья Муравѣцъ: «Поехалъ я, государь, із Мурова, отслушавъ заутреню воскресную». И князь Владимеръ усмехаетца: «Что ты, Іл̃ья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняютъ по два месеца, а скоро на скоро во единъ месецъ с Киева [1]) в Муръ градъ». Илья Муравѣцъ взговоритъ: «Да еще на мѣня, государь, двѣ причины великие і беды несносныи: Какъ поехалъ изъ Мурова, отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положилъ на всю востру саблю і на крепкой лукъ, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли из ножней не вынимать і на крепкой лукъ [ти]тивы не кладывать; а какъ едучи будѣтъ по[дъ] Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича заморские, а силы с нимъ было у всякова царевича по сту и по тысече, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя Сибирскаго в полонъ взять, і я ево выручилъ і побилъ всю силу ихъ і трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю в подарки. І другая, государь, на меня притчина была: какъ едучи на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, і наехалъ і напустилъ на меня Соловѣй Разбойникъ, закричалъ громкимъ гласомъ і сасвисталъ своимъ разбойничискимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся, — і билъ Соловья Разбойника в правой глазъ и привѣзъ его [с] собою в Киевъ градъ, и топерь онъ стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремѣни привязана». І выглядываетъ князь Владимеръ в окончину [2]) хрусталную і самъ взговоритъ: «О еси ты, Соловѣй Разбойникъ! Засвищи

1) Въ ркпс. *скимъ.*

2) Въ ркпс. *вокоше чнаку.*

ты своимъ разбойничискимъ посвистомъ«. І Соловѣй Разбойникъ отвѣтъ дѣржитъ: «Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего господина Ілью Муравца»[1]). Велелъ Соловью Разбойнику *Илья Муромецъ*: засвисталъ разбойничемъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скаме[и]ки подломились. І князь Владимѣръ бысть вѣлми радошенъ і зговоритъ: «Тебѣ у меня, Ілья Муравѣцъ, будѣтъ золота казна не запечатана и добрыи кони не изеждены за твою службу вѣрную і богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою і правдою». Те жъ люди миновалиса, а слава ихъ до скончания века! Аминь. Конѣцъ и Богу слава!

Аминь.

2.

Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике.

(По рукописи И. Е. Забѣлина № 71).

Во славномъ граде Муроме слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, похотъ держалъ ко граду Киеву ко славному князю Владимеру Сеславьевичу, а заветъ положилъ, чтопъ отнюють во всю широкою дорогу острой сабли из ноженъ не вынимать, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать.

И тако поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ под градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели оне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя Себежского в полонъ взять.

И тако поехалъ Илья Муромецъ в сугонь за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ, и возвратилса во гратъ Себежъ. И увидели ево гражданя и возвести о немъ царю Себежскому.

И потомъ Себежской царь приказалъ отворить врата градъския и принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: «Гой еси ты, доброй молодецъ, какъ твое имя, и коего ты граду?»

---

1) Надъ буквою *в* въ словѣ *Муравца* надписано *м*.

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома».

Потомъ рече Себежской царь: «Откуда твоя дорога лучилась?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Еду я на мосты колиновы».

А Илья Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Киеву.

И рече ему Себежской царь: «Прямая у насъ дорога лежитъ на мосты колиновы, только та у насъ дорога залегла равно тритцать лѣтъ от Соловья: никакой человекъ не прохаживалъ, и птица никакая не пролетала».

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ на мосту колиновомъ, и тамъ увиделъ ево Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ. В то время подъ Ильею Муромцомъ доброй ево конь спотыкнулся, и вынулъ Илья Муромецъ свой крепкой лукъ и наложилъ колену стрелу и попалъ Соловья в правой гласъ. В то время упалъ Соловей з девети дубовъ что овсяной снопъ, а Илья Муромецъ слесъ с своего добраго коня и хочетъ ретиво серцо вынуть.

И возмолитца ему Соловей: «Гой еси ты, доброй молодецъ, оставь душу мою хотя на покояние».

И говоритъ ему Илья Муромецъ: «Где твоя лежитъ злата казна?»

Отвещаетъ Соловей: «Лежитъ моя злата казна в моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гонятъ по два мѣсяца, а скоро на скоро мѣсяцъ».

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ пот селомъ Кутузовымъ, и увидели Соловья ево двенадцеть сыновъ и надеваютъ на себя збрую богатырскую и хотятъ с Ыльею Муромцомъ битися. И говоритъ Соловей: «Светы мои дети малые, зовите вы его за столы дубовые, а подносите ему меду слаткого».

Потомъ вшелъ Илья Муромецъ в ту полату каменную ко князю Владимеру, и молитца онъ чуднымъ образомъ и князю Владимеру поклоняетца, а после на все четыре стороны.

И в то время у князя Владимера было пированье великое.

Потомъ князь Владимеръ принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: «Гой еси ты, доброй молодецъ, какъ твое имя и коего ты граду?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, урожденецъ града Мурома».

Потомъ рече князь Владимеръ: «Когда ты, Илья Муромецъ, выехалъ из Мурома?»

Отвещаетъ Илья Муромецъ: «Поехалъ я из града Мурома, слушевши заутреню воскресъную. Какъ я будучи подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели оне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя Себежского в полонъ взять. Вторая притчина: какъ я будучи на мосту колиновомъ, и тамъ увиделъ Соловея, и засвисталъ своимъ посвистомъ; в то время подо мною конь спотыкнулса, и я ево из лука попалъ в правой гласъ, и привесъ ево с собою, и теперь онъ стоитъ у моего добраго коня».

И выглянулъ Илья Муромецъ в оконце и велелъ Соловью засвистать.

И Соловей сталъ свистать. В то время у князя Владимера кресла подломилисъ, и у полаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсемъ повалилисъ. И князь Владимеръ сталъ веселъ и говоритъ ему: «Послужи ты мне, Илья Муромецъ, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую».

И всему тому конецъ.

3.

Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ.

(По рукописи И. Е. Забѣлина № 82).

— —

взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговской подъ левую. Ілья Муромецъ говоритъ таковы речи: «Государи князь Киберской и воевода Черниговской, не подлежитъ вамъ меня, нижаишева раба, брать под руки и весть в полаты бѣлокаменныя». И взялъ ихъ обеихъ под руки і велъ ихъ в полаты, и сажал ихъ за столы за дубовыя, за скатерти браные, за ествы сахарные. И какъ сталъ пиръ навесѣле, и стали князь Киберской и воевода Черниговской спрашивать: «Пожалуй скажи, удалъ доброй молодецъ, какъ тебя зоутъ по имени и по отечеству, и уроженецъ которые земли, и роду христианскова ль?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: « Я, государи, роду христианского, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова; отецъ мой — крестьянинъ Іванъ Тимоѳѣевичъ, а меня, государи, зоутъ Илюш-

кою, а по отечеству Ивановъ сынъ; а еду я, государи, ко славному граду Киеву Богу молитца, а князю Владимеру объявитца». И сталъ князь Киберской спрашивать: «Скажи пожалуй, Илья Муромецъ, давно ль ты поехалъ из дому отца своего, и давно ль билса съ етаю силаю босурманскою?» О[т]ветъ держитъ Илья Муромецъ: «Я, государь, поехалъ вчерась пообедавши и к вамъ приехалъ вчерашняго числа, какъ вы сами видели». И какъ столъ отошелъ, Илья Муромецъ выходитъ изъ за стола дубоваго и молитца Богу по писанному и благодаритъ князя Киберского и воеводу Черниговского за хлебъ и за соль; и сталъ Богу молитца, и с ними прощаетца и спрашиваетъ ихъ: «Скажите пожалуйте, князь Киберской и воевода Черниговской, какъ мне ближе ѣхать ко славному граду Киеву—которою дорогою?» И стали ему сказывать: «Государь нашъ Илья Муромецъ сынъ Івановичъ! Мы тебѣ скажемъ прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебѣ, государь, премея ехать

на те леса на Брянския,
на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину [1]);

только нетъ, государь, тамъ пропуску; ровно тритцать летъ залегла эта дорога отъ силнаго богатыря Соловья Разбойника: не пропущаетъ онъ ни пешева, ни коннова, всехъ грабитъ и убиваетъ и храбрость показываетъ всемъ силнымъ и могучимъ богатырямъ, а воюетъ онъ без оружия, толко убиваетъ своимъ разбойническимъ свистомъ».

И слыша то, у Ильи Муромца богатырское сердце разгорелоса: Богу молитца и съ княземъ прощаетца. И они ево стали просить: «Государь Илья Муромецъ, пожалуй у насъ начуй, и отслушаешъ заутреню воскресную и туды во славной градъ Киевъ поспѣешъ к обедни». Илья Муромецъ не могъ отставить прошения ихъ, у нихъ начевалъ и отслушелъ заутреню воскресную—а все эта делалосъ в Великую Суботу,—и с ними, с княземъ Киберскимъ и воеводай Черниговскимъ, похристосывалса; и они ему дали по яичку и на нихъ подписали подписъ, в которой день поспелъ из Мурома в Черниговъ градъ, и сколко надъ Черниговымъ побилъ силы босурманския.

1) Въ рукописи эти три строки написаны въ видѣ стиховъ. Такъ и далѣе нѣсколько разъ.

Илья Муромецъ, принявъ отъ князя[1]) Киберскаго и воеводы Черниговского отпускъ, садился на своего доброго коня и спрашиваетъ у князя Киберского: «Какъ, государь, мне узнать дорогу прямую на те леса на Брянския?» И они ему сказали: «Какъ выедешъ, государь, із нашева града в чистое поле, и увидишъ в правой стороне попрыски богатырския».

Илья Муромецъ поехалъ и выехалъ в чистыя поля и увиделъ попрыски богатырския и по нимъ поехалъ и приехалъ

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.

И Соловей Разбойникъ послышелъ силнаго могучева богатыря и узналъ себѣ кончину и безчастие великое, и не допуская Илью Муромца за тритцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ таково крепко, что подъ Ильею Муромцомъ конь спотыкнулса. Илья Муромецъ билъ своево коня по крутымъ бедрамъ и самъ говоритъ таковы слова: «Что ты, волчья мяса, травной мешекъ! Али ты в темныхъ лесахъ не гуливалъ и соловьинаго свисту не слыхивалъ?» А самъ поехалъ путемъ своимъ. И Соловей Разбойникъ, не допустя Илью Муромца за пятнатцать верстъ, засвисталъ громче тово, и с того свисту подъ Ильею Муромцомъ конь пуще тово спотыкнулса, и онъ опять билъ коня по крутымъ бедрамъ и говоритъ такия речи: «Что ты, волчья мяса, травеной мешокъ! Или ты в темныхъ лесахъ не гуливала, соловьинаго свисту не слыхивала?» А самъ опять поехалъ дорогою и приехалъ подъ Соловьиное гнездо: свито на двенатцати дубахъ самыхъ толстыхъ, которые обоймовъ по пяти. И на техъ дубахъ на гнезде сидючи, Соловей Разбойникъ увиделъ светорускова силнова могучева богатыря і засвисталъ во весь свой свистъ разбойничей, хотелъ, чтабъ такова силнова богатыря убить до смерти, а самому бы быть в великой чести і славе во всей вселенней, и такъ громко засвисталъ, что под Ыльею Муромцомъ конь богатырской спотыкнулся на карачки со всехъ четырехъ ногъ.

---

1) За словомъ *князя* было написано: *Владимера*, но потомъ оно, какъ ошибочное, взято въ скобки.

Илья Муромецъ снимаетъ с себя тугой лукъ и накладываетъ колену стрелу и пустилъ на то гнездо Соловьиное и попалъ в правой глазъ і в левое крыло і вышебъ левой глазъ. И Соловей Разбойникъ свалилса з гнезда, что овсяной снопъ. Илья Муромецъ беретъ Соловья Разбойника и привязалъ ево крепко к стремену булатному и сталъ скакать во всю прыть конскую, и выскакалъ те леса Брянския, те грязи топучия, те мосты калиновы, и перескакалъ реку Смородину и выскочилъ в чистыя поля. Стоятъ три терема златоверховатыя. Илья Муромецъ спрашиваетъ Соловья Разбойника: «Скажи, Соловей Разбойникъ, не тотъ ли славной Киевъ градъ?»

Ответъ держитъ Соловей Разбойникъ: «Государь, удалой доброй молодецъ, силной могучей богатырь Илья Муромецъ! Это не славной Киевъ градъ, это мои Соловьиныя палаты, а живутъ в нихъ три мои дочери». И какъ поровнялса Илья Муромецъ противъ полатъ разбойничьихъ, и у техъ полатъ были окны настешъ растворены, и в техъ окнахъ сидели дочери Соловья Разбойника, смотрели в чистыя поля з добычею отца своего и думали сами между собою, что «едитъ нашъ батюшка з добычею». И увидела меншая дочь и закричала сестрамъ своимъ: «Вонъ нашъ батюшка едитъ з добычею и везетъ к намъ мужика привязана у стременя булатнова!» А болшая дочь посмотрела і заплакала горко і закричала громкимъ голосомъ богатырскимъ: «Эта не батюшка нашъ едитъ, эта едитъ мужикъ незнаемой і везетъ нашева батюшка привязана у стремени булатнова». І закричала мужьямъ своимъ: «Мужья наши милыя, поезжайте къ мужику на встречю и отбейте у нево нашева батюшку, государя Соловья Разбойника, не кладите на нашъ родъ такова позору и безчестия». И мужья ихъ, силныя богатыри, металисъ на конюшенной дворъ, брали своихъ добрыхъ коней и без седелъ выехали противъ светоруского богатыря Ильи Муромца, и хотятъ отбить тестя своего; кони подъ ними добрыя, и копья у нихъ вострыя, и хотятъ Илью на копья посадить.

И увиделъ ихъ Соловей Разбойникъ и говоритъ имъ: «Зятья мои милыя, удалыя добрыя молодцы! Не позортесъ вы и не дразните такого силнаго светоруского богатыря: ежели разъдразните, всемъ вамъ принять от нево чашу смертную; лутче вамъ слесть с своихъ добрыхъ коней и просить доброва молотца для такова торжественного празника выпить по чаре зелена вина». И они ево, тестя своего, послушали, слезли с своихъ добрыхъ коней и пали в ноги удалому доброму молотцу и стали просить ево в домъ свой:

«Удалъ доброй молодецъ, силной могучей богатырь, милости у тебя просимъ в домъ отца нашева для такова торжественного празника выкушать по чарѣ зелена вина».

Илья Муромецъ, видя ихъ такую покорность, и не ведалъ ихъ такой злобы, заварачиваетъ своимъ добрымъ конемъ и поехалъ в домъ Соловья Разбойника.

И увидела болшая дочь, что ѐдитъ Илья Муромецъ в домъ ихъ, и вскочила на верею и подхватила подворотню железную на цепяхъ и хотела Илью Муромца чтобъ пришибить тою подворотнею на воротахъ, а отца своего освободить із неволи.

И какъ Илья Муромецъ в вороты едитъ, и она тое подворотню пустила и не захватила, и опять тотъ часъ подхватила, а она была силная богатырка. И усмотрелъ Илья Муромецъ, что она сидитъ на верѣе и подхватываетъ подворотню; оборотясъ ударилъ ея шелепугою подорожною такъ силно, что отъ тое вереи отлетела на двенадцать саженъ, а самъ заворотилъ свой доброй конь и паехалъ з двора и говоритъ Соловью Разбойнику: «Спасиба, Соловей Разбойникъ, на твоей перепутной чаре; вина я у тебя не пивалъ, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезетя своихъ Соловьиныхъ пожитковъ в славной Киевъ градъ, и я к вамъ приеду, то всемъ вамъ, старому и малому, смерти не миновать, все умрете злою смертию от моего острого меча». И поехалъ ко славному граду Киеву.

И какъ приехалъ в Киевъ градъ, проезжаетъ прямо на княженетской дворъ, и пустилъ своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказываетъ [1]) и къ яслемъ не привязываетъ; и тому все слуги кнеженетския дивуютца: «Что за мужикъ приехалъ на нашъ дворъ и ни кому коня не приказываетъ и не привязываетъ?»

Илья Муромецъ пошелъ в церковь соборную; молится онъ Богу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклонъ отдаетъ князю Владимеру и княгине Апраксине Королевишне; и сталъ молитца по писанному.

И увиделъ князь Владимеръ такова приезжева человѣка и послалъ спросить: откуда приехалъ и какъ ево имя. И стояли съ княземъ два министра — могучия богатыри Алеша Попович да Добрыня Никитичь; и кинулса Алеша Попович и сталъ спрашивать

1) Послѣ *приказываетъ* было написано: *и х коновязи*, но, какъ лишнее, взято въ скобки.

неочестливо, и очень онъ пересмешливъ былъ: «Какъ тебя зоутъ, и чей ты, и что ты за мужикъ, и откуда ты приехалъ?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Алеша Поповичъ, бабья блядь, пересмешница, пришли полутче себя и повежливея».

И Алеша Поповичь пошелъ прочь отъ него со стыдомъ и пришелъ х князю Владимеру, ответу никакова не даетъ.

И князь Владимеръ спросилъ: «Алеша, ходилъ ли ты спрашивать приезжева человека, и што онъ тебѣ сказалъ: кто онъ таковъ?»

Ответъ держитъ Алеша: «Приехалъ, государь, какой-та мужиченка, и я ево спрашивалъ, и онъ мне ответу не далъ; толко, государь, меня предъ народомъ обезчестилъ».

И какъ Владимеръ догадалса, что онъ спрашивалъ не честию, и послалъ другова министра, Добрыню Никитича, і велелъ спросить вежливо.

И Добрыня Никитичь пришелъ к Ылье Муромцу и сталъ спрашивать очесливо: «Прислалъ до васъ князь Владимеръ, приказалъ васъ спросить: откуда ваша милость приехалъ, и которова городу уроженецъ, и какъ тебя звать по имени и по отечеству?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Государь Добрыня Никитичь, донеси великому князю Владимеру: зоутъ меня Илюшкою, а по отечеству Івановъ сынъ, уроженецъ я города Мурома, села Карачарова; а приехалъ я нарочно в славной Киевъ градъ Богу молитца, а князю Владимеру объявитца».

И Добрыня Никитичь пришелъ и объявилъ князю Владимиру: «Сказываетца Илья Муромецъ сынъ Івановичь, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова, а приехалъ нарочно во славной Киевъ градъ Богу молитца, а тебѣ, князю Владимиру, объявитца».

И князь Владимеръ веры не иметъ, что эта силной богатырь Илья Муромецъ. И какъ отошла божественная литоргия, пошли все изъ церкви вонъ,—Илья Муромецъ дождалса князя Владимира, и какъ онъ пошелъ изъ церкви и со княгинею Апраксиной Королевишной,—и подошелъ х князю и поклонилса и похристосовалса и подарилъ ихъ теми яичками, которыми ево подарили князь Киберской и воевода Черниговской.

И князь Владимеръ, смотря на те яицы, и спросилъ у своей княгини: «Что у тебя на яйцу написано?» И она ему отвѣтствовала: «Написана на яице мудреная вещь, чему статца не можно».

И князь Владимеръ от обедни всехъ сталъ звать князей и бояръ и силныхъ могучихъ богатырей к себѣ в полаты белокамен-

ныя, и сталъ князь подносить всемъ по чаре зелена вина, и пришедъ поднесъ Илье Муромцу.

И зговоритъ Илья Муровецъ: «Государь князь Владимеръ, слей мнѣ чары две или три во едино место, а мне этой чарой не чемъ и ротъ полоскать». И Князь Владимеръ налилъ кубецъ в полведра и поднесъ Илье Муромцу.

Илья Муромецъ выпилъ и поклонилса и сталъ говорить: «Великій князь, я таперь по милости твоей сытъ и пьянъ, толко у меня товарыщь не сытъ и не пьянъ». И князь Владимеръ спросилъ: А кто твой товарыщь?» «А мой товарыщь — доброй конь». И услышалъ эта Алеша Поповичь и выскочилъ ис полатъ белокаменныхъ и насыпалъ пшеницы доброму коню богатырскому и привезалъ и своего коня и говоритъ к себѣ: «Ежели богатырской конь не припуститъ нашихъ лошадей, то премой конь богатырской». А Ильи Муромца конь втиралса помаленку и втерса і схватилъ коня Алеши Поповича и убилъ до смерти. И Добрыня Никитичь на силу отъхватилъ своего коня; и никому не сказали о томъ, что убилъ богатырской конь коня Алеши Поповича.

И князь Володимеръ еще не уверяетца, что онъ—силной могучей богатырь; сажалъ всехъ за столы дубовыя, за скатерти за браные, за ествы сахарные, и все богатыри сели по своимъ местамъ, а Илье Муромцу князь Владимеръ приказалъ выбрать место, где похочетъ, и все изведываетъ силы ево Муромцовой и не чаетъ, что онъ силной могучей богатырь: для тово велелъ ему выбирать место между силныхъ богатырей, а Илья выбралъ [1]) креслы что наилутчия подле князя Владимера и сталъ на нихъ садитца; и те богатыри не стали на свои места пускать, а онъ пожалъ с конца и до другова конца инова богатыря между креселъ мертвова и поломалъ все решетки железныя.

И князю Владимеру все это в досаду не кажетца, все эта приемлетъ за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славномъ Киевѣ граде проявляетца.

И еще хочетца князю Владимеру Илью Муромца изведать, силу его; выгленулъ в окошко и увиделъ доброва коня богатырского — естъ пшеницу белоярую—і закричалъ конюхамъ своимъ: «Налейте сыты мѐдвяной и выпустите моихъ княжихъ лошадей, и какъ бога-

---

1) За *выбралъ* въ рукописи стоитъ слово *мѣсто*, которое затѣмъ взято въ скобки, какъ лишнее.

тырской конь не припуститъ моихъ лошадей». И конюхи налили сыты медвяной коню богатырскому и выпустили и княжихъ лошадей, и богатырской конь втерса между ими помаленку и схватилъ коня княжева что ни лутчева и схватилъ с него шкуру долой. І закричалъ князь Владимеръ конюхамъ, чтобъ последнихъ коней ево не побилъ богатырской конь, велелъ тотъ часъ отогнать. А самъ селъ на своемъ мѣсте. И стали пити, ясти и веселитися; и сталъ князь Владимеръ на веселе и сталъ Илью Муромца спрашивать:

«Скажи, доброй молодецъ, какъ тебя звать по имени и по отечеству, и котораго ты города уроженецъ?»

И всталъ Илья Муромецъ с места своего и сталъ ответъ держать: «Меня, государь, зоутъ Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, а уроженецъ я города Мурома, села Карачарова».

«Давно ли ты, Илья Муромецъ, оттудова из Мурома поехалъ?»

«А я, государь, вчерась поехалъ пообедавши». И князь Владимеръ ізумелса и сталъ еще спрашивать: «Которою ты дорогою ехалъ из Мурома?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ:

«Я ехалъ, государь, із Мурома на Черниговъ градъ и подъ Черниговымъ градомъ побилъ войска босурманского — и сметы нетъ, і очистилъ Черниговъ градъ; и князь Кеберской и воевода Черниговской вчерашняго дня унели меня начевать, и отслушалъ я в Чернигове воскресную заутреню, и подарили меня они по яичку, которыя я вашей светлости поднесъ. А ежели сему [1]) не изволите веры понять, то изволите послать справитца чрезъ почту. А из Чернигова ехалъ я дорогою

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину».

И слыша то, князь Владимеръ встаетъ из места своего с великимъ гневомъ на Илью Муромца и говоритъ таковы речи: «Не подлежитъ тебѣ мужику меня, такова великова князя, обманывать; я тебя за то велю смерти предать».

И рече Илья Муромецъ: «Великій князь Владимеръ, за что та-

---

1) За словомъ *сему* слѣдуетъ *веры*, которое взято затѣмъ въ скобки, какъ лишнее.

кой гневъ изволишь на меня держать, и чемъ я васъ оболгалъ и какими словами?»

И говоритъ Владимеръ князь:

«Первое, ты меня оболгалъ: сказываешъ, что вчерась из Мурома, чему статца невозможно; второе, сказываешъ: из Чернигова ехалъ на леса на Брянския, на грязи топучия, на мосты калиновы, чрезъ реку Смородину; а тое дорогу заложилъ силной богатырь Соловей Разбойникъ ровно тритцать летъ, не пропускаетъ онъ ни пешева, ни конного, и не выбираютца у насъ із славнаго города Киева противъ ево ни единой силной могучей богатырь, а ты сказываешь, что тою дорогою ехалъ!»

И говоритъ Илья Муромецъ таковы речи: «Не изволь, великій государь, на меня гневу держать; все правду сказываю предъ вашею светлостию; а ежели сему верить не изволите, то изволте посмотреть своего хвалного богатыря Соловья Разбойника, которой стоитъ привязанъ коня моего у стремени булатнова».

И тутъ все богатыри кинулисъ смотреть, а князь Владимеръ приказалъ ево позвать к себѣ в полаты белокаменныя.

И выскочилъ и кинулса звать Алеша Поповичь на крылцо, и сталъ звать Соловья Разбойника неочестливо: «Соловей Разбойникъ, поди в палаты». А Соловей Разбойникъ ответствуетъ: «Алеша Поповичь, бабья блядь, пересмешища! Ты на то надѣесса, что я таперь в неволе; вышелъ ты меня звать не честию; я тебя хвачу гнилымъ крыломъ, что ты у меня на двенатцать саженъ в землю уйдешъ; а ты вышли полутче себя и повежливея позвать меня».

Алеша Поповичь пришелъ х князю Владимеру и сказалъ, что «не идетъ и не слушаетъ тебя, великого князя».

И князь Володимеръ послалъ Добрыню Никитича и велелъ позвать честию; и Добрыня Никитичь вышелъ и сталъ звать с честию; и Соловей Разбойникъ говоритъ таковы речи: «Добрыня Никитичь, не слуга я вашему князю и повеления вашего не творю, а творю повеление Ільи Муромца».

Услышалъ то князь Владимеръ такия слова и закричалъ в окошко: «Соловей Разбойникъ, поди ко мне в палаты». И Соловей ответствуетъ: «Князь Владимеръ, не твой я слуга и не слушаю тебя, я слушаю повеления Ильи Муромца, ежели онъ прикажетъ». И князь Владимеръ говоритъ: «Илья Муромецъ, прикажи к намъ войти Соловью Разбойнику». Илья Муромецъ крикнулъ в окошко: «Соловей Разбойникъ, поди в полаты». И Соловей Разбойникъ вошелъ. И князь Володимеръ говоритъ: «Соловей Разбойникъ, засвищи своимъ сви-

стомъ разбойническимъ, какъ ты свисталъ на лесахъ на Брянскихъ».

И Соловей Разбойникъ сказалъ: «Князь Владимеръ, не твой я слуга и не слушаю тебя и повелѣния твоего не творю, а творю я повелѣние Ильи Муромца».

И князь Владимеръ говоритъ: «Илья Муромецъ, прикажи засвистать Соловью Разбойнику».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Велики князь Владимеръ, ест ли у вашей светлости шубы соболиныя? Прикажи ихъ принести». И какъ принесли шубы соболиныя, то Илья Муромецъ взялъ князя Владимера и со княгиней Апраксиной Королевишной, обернулъ ихъ в те шубы и подставилъ ихъ к себѣ подъ мышки, и велелъ засвистать Соловью Разбойнику, чтобъ онъ засвисталъ в полсвиста своимъ свистомъ разбойническимъ. А Соловей Разбойникъ думалъ, что «Илья Муромецъ пьянъ, и я ево оглушу і убью до смерти и буду в Киеве граде владетелемъ», і засвисталъ во весь свистъ, что ні есть могуты его, и такъ крепко, что с теремовъ по самыя окны верхи сьеѣло, а богатырей оглушилъ, которыхъ вонъ іс полатъ вынесло, и убилъ до смерти.

Илья Муромецъ выпустилъ князя Владимера со княгиней Апраксиной ис подъ мышекъ, а Соловья Разбойника взялъ при нихъ за ноги и говоритъ такия слова: «Не люблю я, Соловей Разбойникъ, такихъ себѣ неверныхъ слугъ, которой мне рабъ неверной служитъ». И убилъ ево объ каменной мостъ до смерти и выкинулъ в окошко.

И князь Володимеръ усмотрелъ и сталъ верить, что Илья Муромецъ силной богатырь. И пошли в другия палаты бѣлокаменныя и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увиделъ князь в чистомъ поле силу великую: идетъ прямо к гор[о]ду Киеву. И сталъ князь Владимеръ тужить: «Кому у насъ итти съ етай великой силай битися?»

Илья Муромецъ посмотрелъ в зрителную трупку и сталъ говорить: «Князь Владимеръ, не печалса! По печали, государь, Богъ даруетъ радость; не сила эта идетъ не великая ко граду Киеву: эта везутъ Соловьиныя воровския пожитки по приказу моему к тебѣ, князю Владимеру».

И какъ приехали зятья Соловья Разбойника съ пожитками, и въезжаютъ прямо на княжой дворъ и спрашиваютъ во дворе княжемъ: «Где нашъ батюшка живетъ Соловей Разбойникъ?» И сказали имъ слуги княженетския: «Вонъ вашъ батюшка подъ окномъ

валяетца, и естъ его червь неусыпающій». Тогда зятья Соловья Разбойника обрезали гужи на лошадяхъ и уехали із града Киева: думали, что і имъ тоже будетъ.

Илья Муромецъ пьетъ, гуляетъ, прохлажается. И назвались з Добрыней Никитичемъ братьями и оседлали своихъ добрыхъ коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили въ чистомъ поле три мѣсяца, не нашли себѣ сопротивника; толко наехали в чистомъ полѣ — идетъ колечища прохожей:

гуня на немъ в пять сотъ пудъ,
шляпа в тритцать пудъ,
костыль сорока саженъ.

Илья Муромецъ сталъ на него напущать, хощетъ с нимъ стычку дать, отведать силы своей богатырския.

И увиделъ колечища прохожей Илью Муромца и говоритъ таковы речи: «Ой еси ты, Илья Муромецъ! Помниш ли? Мы с тобой в одной школе грамоте училисъ, с одново блюда едали и пивали, из одного стакана пивали, а платье нашивали с одного плеча; а ныне ты на меня на такова колеку напускаешъ і хочешъ ты меня убить в чистомъ поле, аки какова неприятеля; а тово не знаешъ, что тебя посажу и промежъ коленей ущемлю и за ето тебѣ хворостиной ж..у высеку, чтобъ ты такъ впредь не дѣлалъ. А того ты не ведаешъ, что во славномъ городе Киеве великая безгодушка учинилась: приехалъ неверной силной богатырь — Идолища нечестивой:

голова у нево с пивной котелъ,
в плечахъ касая сажень,
промежъ бровми доброва мужа пядь,
промежъ ушми колена стрела, —

и разсадилъ князя со княгинею и целует онъ ея во уста сахарныя, а естъ онъ по быку, а пьетъ по пивному котлу, и князь Володимеръ вельми объ тебѣ соболезнуетъ, что ты ево вь едакой печали оставилъ».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Ой еси ты, колечища прохожей! Что у тебя силы нѣтъ или смелости?»

И рече прохожей: «Во мне сили много, да смелости нетъ».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Ой, еси ты, колечища прохожей! Дай мне свою гуню в пятъ сотъ пудъ, шляпу в тритцать пудъ, костыль сорока саженъ; поиду в славной Киевъ градъ! Вотъ тебѣ

мой доброй конь богатырской, и вотъ тебѣ мое платье цвѣтное и тугой лукъ!»

И пошелъ Илья Муромецъ в Киевъ градъ и пришелъ прямо на княженетской дворъ і идетъ к полатамъ белокаменнымъ и закричалъ и возопилъ по богатырскому: «Ой еси ты, Володимеръ князь, сошли мне, колечище прохожему, милостыню!»

И увиделъ ево Володимеръ князь и говоритъ таковы речи: «Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменныя, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дамъ».

И вошелъ колечища прохожей в ту полату, где сидитъ князь Владимеръ и Идолища нечестивой со княгиней Апраксиной Королевишной и целуетъ ея во уста сахарныя.

А колечища стоитъ у печи и на него поглядываетъ.

И Идолища проситъ есть. И принесли ему нечестивому быка целова жирнова, и онъ ево и с костьми сьелъ.

Илья Муромецъ, стоючи у печки, говоритъ: «У моево батюшки была такая та корова обьжерлива: обожралась и издохла». И на то Идолища ответу ничего не даетъ.

И попросилъ Идолища пить. И принесли ему котелъ пива двенатцать человекъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ ево. Илья Муромецъ говоритъ: «Была у моево батюшки кобыла обьжерлива: обожраласъ да и здохла».

И Идолища нечестивой не утерпелъ и сталъ говорить: «Ой еси ты, колечища прохожей! Што меня замаешъ? Мне не чево тебя в руки взять и не за чемъ надъ тобою рукъ сквернить. Не то што ты! Каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы и с темъ стычку далъ».

И богатырское сердце разгорелосъ, і зговорилъ таковы речи: «Кали бы былъ Илья Муромецъ, онъ бы давно тебѣ, сабаке, не спустилъ». И схватилъ с себя шляпу и ударилъ ево в голову такъ сильно, что прошибъ стену полатъ белокаменныхъ и, взявши туловища, на дворъ выкинулъ. И стали на той радости ясти и пити и веселитца.

И великій князь Владимиръ
Илью Муромца великими
похвалами возвеличилъ
и причелъ в силныя могу-
чия богатыри.
И сей исторіи
конецъ.

III.

ПОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

Въ 1889 году Русское Географическое Общество передало въ Императорскую Публичную Библіотеку нѣсколько старинныхъ русскихъ рукописей, привезенныхъ Ѳ. М. Истоминымъ изъ его поѣздки въ Олонецкую и Архангельскую губерніи въ 1886 году. Въ составъ этой коллекціи входитъ тотъ сборникъ, изъ котораго мы извлекли для изданія неизвѣстный дотолѣ памятникъ русской письменности — Бесѣду о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Къ той же коллекціи принадлежитъ еще другой сборникъ, содержащій въ себѣ «Повѣсть» о Михаилѣ Потокѣ, здѣсь издаваемую.

Сборникъ этотъ, по каталогу Библіотеки — O. XVII. 44, писанъ въ 8-ку на 150 листахъ въ XVII вѣкѣ. Взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ мало интереса; это по истинѣ сборная рукопись, состоящая изъ трехъ частей, которыя писаны разными почерками и, можетъ быть, не одновременно; изъ семи статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, шесть суть произведенія, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашей старинной письменности, и только седьмая и послѣдняя статья — «Повѣсть» о Михаилѣ Потокѣ — заслуживаетъ особаго вниманія[1]).

---

1) Первыя шесть статей сборника суть слѣдующія: 1) одна изъ краткихъ Космографій; 2) отрывокъ изъ путешествія Трифона Коробейникова; 3) апокрифическое житіе св. мученика Никиты; 4) притча о царевѣ дворецкомъ — изъ Римскихъ дѣяній; 5) сказаніе о воинѣ и смерти; 6) сказаніе объ Акирѣ.

«Повѣсть» эта занимаетъ послѣдніе листы сборника съ 138-го по 150-й об. Она писана—судя по водяному знаку—на голландской бумагѣ, употреблявшейся въ Россіи въ послѣдней четверти XVII столѣтія; почеркъ ея скорописный, но очень отличный отъ скорописи предшествующихъ статей сборника; такимъ образомъ, къ нимъ она имѣетъ только то отношеніе, что соединена съ ними въ одномъ переплетѣ. «Повѣсть» въ этой рукописи сохранилась не вполнѣ: утрачены нѣсколько листовъ въ концѣ и два въ серединѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Рукопись была получена Ѳ. М. Истоминымъ въ очень растрепанномъ видѣ, такъ что послѣдніе ея листы отдѣлялись отъ переплета; это было причиной, что уже въ Петербургѣ, еще до передачи сборника въ Библіотеку, утерялся самый послѣдній листъ его, заключавшій въ себѣ продолженіе, но все-таки не конецъ «Повѣсти». По счастію, мы имѣли случай списать «Повѣсть» еще до этой утраты, и потому издаваемый текстъ идетъ нѣсколько далѣе, чѣмъ сколько можно читать теперь въ рукописи, поступившей въ Библіотеку.

Не смотря на свою отрывочность, текстъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ въ Библіотечномъ сборникѣ представляетъ значительный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Вопервыхъ, этотъ текстъ замѣчателенъ какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былевого творчества: написанный несомнѣнно въ послѣдней четверти XVII вѣка, онъ моложе только текста «Сказания о кѣевскихъ богатырехъ», сохранившагося въ рукописи Е. В. Барсова, которая, по опредѣленію владѣльца, относится къ началу того же столѣтія[1]).

Вовторыхъ, Библіотечный текстъ отличается тѣмъ, что сохранилъ памятникъ народной словесности безъ книжныхъ подправокъ. Конечно, и здѣсь, при положеніи былины на бумагу,

---

1) Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ, стр. 7.

стихи писаны въ сплошную строку, и ихъ размѣръ не выдержанъ въ точности, но во всякомъ случаѣ представляется гораздо менѣе разрушеннымъ, чѣмъ въ подобныхъ же текстахъ XVIII столѣтія. Эти послѣдніе (какъ мы уже имѣли случай замѣтить при разборѣ рукописныхъ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ) являются лишь копіями съ болѣе старыхъ оригиналовъ, притомъ пострадавшими отъ постепеннаго переписыванія. Напротивъ того, относительно издаваемой «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ она была только скопирована съ болѣе ранней записи, и скорѣе готовы допустить, что она записана либо по памяти, либо съ «пословесной» передачи былины. Въ издаваемомъ текстѣ еще уцѣлѣли въ изобиліи такія слова — союзы, мѣстоименія: *что*, *какъ*, *самъ*, которыя въ устныхъ пересказахъ встрѣчаются въ значеніи частицъ, прибавляемыхъ не для смысла рѣчи, а для болѣе стройнаго теченія стиха; такія слова обыкновенно уже отсутствуютъ или же попадаются гораздо рѣже въ рукописныхъ текстахъ XVIII вѣка, между прочимъ и въ тѣхъ двухъ спискахъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ, которые изданы Н. С. Тихонравовымъ [1]).

Втретьихъ, Библіотечный текстъ любопытенъ тѣмъ, что въ своемъ написаніи онъ сохранилъ яркія отличія того говора, какой употреблялъ его писецъ. Безпрерывные примѣры аканья, случаи перехода *е* въ *а* (дѣвиц*а*ю, ч*а*ломъ, з ж*а*ною, до веч*а*ра) или въ *я* (гражан*я*, во чисто пол*я*), *к* въ *х* (*х*то, ни*х*то), смѣшеніе мѣстнаго падежа съ родительнымъ (в Залатой орд*ы*), форма родительнаго падежа на *ова*, *ева* (меньш*ова*, син*ева*), сокращенная форма 2-го лица *хошъ*, *захошъ*, все это указываетъ, что писецъ былъ родомъ изъ области, гдѣ господствуетъ южно-великорусское нарѣчіе, москвичъ или, можетъ быть, рязанецъ. А такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, то-есть, самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить,

1) Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 33—48.

что въ концѣ XVII вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была извѣстна въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ текущемъ столѣтіи устные пересказы ея могли быть записаны только въ Олонецкой губерніи.

По содержанію Библіотечный текстъ «Повѣсти» представляетъ ближайшее сходство съ ея текстами прошлаго вѣка, сохранившимися въ рукописяхъ г. Тихонравова. Можно даже сказать, что эти три списка воспроизводятъ одну версію, съ весьма небольшими отличіями. Напротивъ того, устные пересказы, записанные въ Олонецкой губерніи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, отклоняются отъ старыхъ рукописныхъ текстовъ, какъ частными подробностями содержанія, такъ и именами; между прочимъ, имя похитителя Михайловой жены, данное ему въ рукописныхъ текстахъ, Кощей усвоено въ онежскихъ былинахъ другому лицу — противнику Ивана Годиновича, у котораго этотъ Кощей также отнимаетъ жену.

Въ предлагаемомъ изданіи Библіотечный текстъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ воспроизведенъ съ буквальною точностью. Мы позволили себѣ только слѣдующія немногія отступленія: вставили случайно пропущенныя въ рукописи буквы и слова; ввели въ текстъ прописныя буквы и знаки препинанія; отдѣльныя части разсказа начинали съ новой строки.

Повѣсть о князе Владимѣре Киевскомъ и о богатыряхъ киевъскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Івановиче и царѣ Кащею Залатой арды.

В славномъ граде Киевѣ у великава князя Владимѣра Киевъскава Всеславъевича было пированье великое на многие князи и бояры и сильныя могучия богатыри. Какъ будетъ у нихъ пиръ на вѣселѣ, что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъскій: «Ой еси, князи и бояры и силныя и могучия богатыри! Есть ли кто у меня служить три службы великия: хто бы ехалъ в землю Турскую, взялъ бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю Задонскую, възялъ бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю Алевицкую, възялъ бы дани і выходы за тритъцать лѣтъ и за три годы?»

Воставалъ из мѣста славнай богатырь Илья Муромѣцъ, а самъ зговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъски и князи и бояры и силныя могучия богатыри! Что нихто отвѣту не дастъ? Болшой за меншова, а у меншихъ отвѣту нѣтъ». Самъ зговоритъ слово похваляючись: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевскій, я поеду въ землю Турскую, возму дани і выходы».

Что зъговоритъ Михаила Потокъ Івановичь: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъский, я поеду в землю Задонскую, возму дани і выходы».

Что зговоритъ Алеша Поповичь: «Светъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій, я поеду в землю Алевитцкую, возму дани і выходы за тритцатъ лѣтъ и за три годы».

И тѣ рѣчи великому кънязю полюбилися: подноситъ имъ чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими, и с великимъ княземъ прощаютъца, и называютъца братиями назваными, и садятъца на свои добры кони, и едутъ из града Киева. И межь сабою такаво слово молвили: «Братъцы милыя, хто у насъ напередъ приедетъ до Киева, а каво не будетъ опосле, и намъ

ехати таво сыскивать». А сами поехали нарозно, всякъ своимъ путемъ.

Михаила Потокъ Івановичь поехалъ возлѣ моря синева. Ажно по морю плаваетъ лебядь бѣлая. И Михаила вымаетъ из налучи свой крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хочетъ убить лебядь бѣлую. И она ему провѣщитца человѣческимъ голосомъ: «Свѣтъ государь, Михаила Потокъ Івановичь, не стреляй меня, лебяди бѣлыя; я по морю плаваю лебядью, а передъ табою[1]) стану краснаю дѣвицаю».

И Михаила не успелъ в налучь положить крепка лука і в колчанъ колены стрелы, ажно передъ нимъ стала краснаю дѣвицаю. И Михаилу она полюбилася; и беретъ ея Михаила за руки бѣлыя и цалуетъ во уста сахарныя и сажаетъ на свой доброй конь. І взялъ дани і выходы, и едетъ ко граду Киеву, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ. И приехалъ до Киева; становитъца на свой богатырской дворъ и идетъ ко князю Владимеру, самъ зъговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій, отъ меня тебѣ служба заслужена, привезъ дани і выходы наскорѣ».

Что зговоритъ князь Владимеръ Киевъскій: «Свѣтъ Михаило Потокъ Івановичь, тебѣ у меня за службу залата казна не запечатана и кони на стойле не заперты». И Михаила бьетъ чаломъ о сыру землю. И подноситъ ему чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими. И Михаила зговоритъ такаво: «Свѣтъ великій князь Владимеръ Киевъскій, ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лебядь бѣлая; и я вынялъ из налучи своей крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хотѣлъ убити лебядь бѣлую, и она мнѣ провѣщитца человѣческимъ голосомъ: «Свѣтъ Михаила Потокъ Івановичь, не стреляй меня, лебяди бѣлыя; я по морю плаваю лебядью, а передъ табою стану краснаю дѣвицаю». И я не успелъ в налучь положити крепка лука и

1) Слова *а передъ табою* написаны въ рукописи дважды.

в колчанъ колены стрелы, ажно передо мъною стала краснаю дѣвицаю, и мнѣ она полюбиласъ, и я привезъ ея во Киевъ градъ».

Что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъскій: «Свѣтъ Михаила Потокъ Івановичь, перепусти мнѣ тое дѣвицу красную».

Что зговоритъ Михаила Потокъ Івановичь: «Я ее, государь, тое дѣвицу взялъ за саблею, я самъ с нею свѣнъчаюся». И крестилъ ея, и венчалъся с нею, і венчалъ ихъ владыко Черниговской и далъ ей имя: Бѣлая Лебядь Авдотья Лиховидовна. И почалъ с нею любезна жити.

И живетъ с нею[1]) два годы; а охотникъ былъ Михаила ездитъ во чисто поля тешитца по два мѣсяца, и по три, и по пяти. И поехалъ во чисто поля Михаила тещитца на два мѣсяца. И без нево пришолъ купчина Залатой арды с тавары заморскими; и прослышала Михаилова жена про купчину, что пришолъ с тавары заморскими, и пошла Михаилова жена смотрить таваровъ заморскихъ, и увиделъ купчина красату лица ея и почалъ разпрашивать Киевленъ: чья де то жена, и какъ завутъ ея по имяни. И Киявленя ему сказали: «То де жена богатыря святорускова Михаилы Потока Івановича». И тутъ купъчина почалъ тавары продавать наскорѣ и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Залатой арды, и почалъ расказывать царю Кащею: «Свѣтъ государь, царь Кощей Залатой арды, сколко де я ни езживалъ по инымъ землямъ купчинаю уже тритцатъ лѣтъ, а такой прекраснай не видывалъ, какъ есть во граде Киевѣ у богатыря святорускова у Михаилы Потока Івановича жена Лебядь Бѣлая Авдотья Лиховидавна лицомъ зело красна». И тутъ почалъ царь Кощей збирать войска. И собралъ войска сорокъ тысячей и пошолъ под Киевъ градъ и Киевъ осадилъ накрепко и посылаетъ посланника....

— —

1) Въ рукописи *и живетъ с нею* повторено.

.... Потока Івановича. И царь Кощей отъ Киева прочь пойдетъ. Ажно едетъ ис поля Михаила Потокъ Івановичь, едетъ на свой богатырской дворъ; встречаетъ ево Бѣлая Лебядь Авдотья Лиховидавна, примаетъ ево за бѣлы руки и цалуетъ ево во уста сахарныя; сама зъговоритъ такаво слово: «Свѣтъ государь Михайла Потокъ Івановичь! Пришолъ подъ Киевъ градъ царь Кощей Залатой арды и Киевъ накрепко [осадилъ] [1]) и проситъ меня ис Киева, и Киевленя придумали отдать меня». Что зговоритъ Михаила Потокъ Івановичь: «Сабаки, мужики Киевленя! За что ссужаютъца чюжими женами? Изделялися бы своими женами и дочерми. А я за свою жену умѣю и самъ стоятъ и битъца с погаными во чисте полѣ». И садитъца на той доброй конь и едетъ во чисто поля и побиваетъ силу Кащееву; а Кащей ровна самъ шостъ ушолъ во свою землю. А Михаила, побивъ силу, приехалъ в Киевъ градъ на свой богатырской дворъ и сталъ з жено[ю] пить и есть и тѣщитца.

И живетъ з жаною два годы бѣзъ съезду. И поехалъ во чисто поля тешитца ровна на три месяца. И бѣзъ нево прішолъ царь Кощей, а с нимъ силы шестьдесятъ тысячей, и Киевъ осадилъ накрепко и [по]сылаетъ посланника к великому князю Владимеру: «Ой еси, великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь, отдай мнѣ Михаилову жену, и я отъ Киева прочь поиду; а будетъ ты не отдашъ мнѣ Михаилову жену Потока Івановича Бѣлую Лебядь Авдотью Лиховидовну, а будетъ ты не отдашь мнѣ ея, и я Киевъ градъ взятьемъ возму, а людей твоихъ в Киевѣ всехъ в Киевѣ вырублю, а жонъ и детѣй в полонъ возму».

Что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь: «Ой еси, Киевленя все гражаня и мужики Киевъленя, думайте да не продумайтесъ: отдавать ли Михаилову жену Потока Івановича Бѣлую Лебядь Авдотью Лиховидовну, или нѣтъ».

---

1) Возстановляемъ пропущенное слово изъ находящагося выше разсказа о приступѣ царя Кощея къ Кіеву.

Что зговорятъ гражаня и мужики Киевленя: «Свѣтъ государь, великій князь Владимеръ Киевъскій Всеславъевичь, доселева в Киевѣ Михаиловы жены не бывало, и царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ; тебѣ, государю, такой кручины не бывало. Отдадимъ Михаилову жену Бѣлую Лебядь, и царь Кощей съ Киева прочь поидетъ». А таво не вѣдаютъ, что Михаила бьетца с погаными во чистѣ полѣ уже третѣй день и побилъ силу Кащееву, и всево Кащей самъ четвертъ ушолъ во свою землю, в Залату арду.

А Михаила побивъ силу и едетъ х Киеву наскоре; скачетъ черезъ стѣну городавую и становитца на свой богатырской дворъ. И нихто ево не встречаетъ и за руки не примаетъ и во уста не цалуетъ. Встречаютъ ево люди дворовыя, сказываютъ в ыстине добрия, что жена ево переставилась. И тутъ Михаила закручинился, идетъ на свой богатырской дворъ-теремъ и приходитъ в отхожую горницу, где жила жена ево. Ажно лежитъ мертва жена ево, покрыта камкою бѣлою. И Михаила почалъ цаловать мертвую жену свою, а самъ зговоритъ такаво слово: «Помню я и самъ свое слово, что у меня с тобою молвлено и заправано: хто нацередъ умретъ, а хто отстанетца, и таму живу в могилу иттить». И велелъ грабницу делать каменную, чтобы двумъ человѣкомъ сидма сидеть и лежма лежать и стойма стоять; и завстъ на погребанье князя Владимéра и князи и бояры і владыку Чернигавскова. И сашлися на погребанье князь Владимеръ и князи и бояры и силныя могучия богатыри і владыка Чернигавъской. И почалъ Михайла во грабницу класти жену свою и самъ с нею живъ лажитъся[1]). Что зговорятъ князи и бояры і все Киевленя: «Нигде скать таво не слыхоно, не токмо видено, чтобъ живы да лажилися с мертвыми; а ты, Михаила, живъ лажишься в могилу для жены своей; наидемъ мы в Киевѣ захошъ княиню, или боярыню, или девку посацкую, — такава жъ тебѣ

---

1) Въ ркп. *лажишъся*.

жена». Что зговоритъ Михаила Потокъ Іѵановичь: «Знай де всякъ самъ себя! Закапывайте, не мѣшкайте!» Что зговоритъ князь Владимеръ Киевъской Всеславъевичь: «Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками жолтыми, а надъ могилою поставте старожу крепкую: какъ Михаилу скучитъца, станетъ кричать громко голосомъ, выпускайте ево на волной свѣтъ, не мѣшкайте». Похороня ево, все пошли нарозно, по домомъ пошли.

И Михайла Потокъ Іѵановичь сидитъ в могилѣ з женою мертвою день до вѣчара. И какъ будетъ о полуночи, ажно пришла ко грабнице змѣя лютая и грабницу каменную проела и пустіла во грабницу двухъ змеенковъ лютыхъ. И змеята учали Лебядь Бѣлую ссать за груди. И Михаила ухватилъ змѣенъковъ и началъ р[в]атъ надвае. И провѣщитца ему змѣя лютая: «Свѣтъ государь Михаила [По]токъ Іѵановичь, не рви моихъ змеенковъ маленкихъ: я принесу тебѣ мертвой и живой воды». И Михайла зговоритъ такаво слово: «Поди, змея лютая, принеси мнѣ живой воды». И пошла змея лютая, принесла ему живой воды. И Михаила началъ рватъ змѣенковъ на крохи и покрапъляетъ ихъ живою водою, и змеята ожили. И Михаила покъропляетъ мертвую жену свою, и жена ево буттъ отъ сна пробудилася. И Михаила засвисталъ громко голосомъ; и караулщики попадали, и тутъ послышали сосѣди ближния и почали могилу разкапывать. Ажно идетъ из могилы Михаило і ведетъ за руку из могилы жену свою. И тутъ сошлися к могилѣ люди многия, и все они дивуютъца, что была мертва жена Михаилова, и Михаила оживилъ ея. И началъ с нею любезна жить лутче старова.

И живетъ з женою без съезду ровна три годы. А таварыщи ево еще до Киева не приехали. И поѣхалъ Михаила во чисто поля тѣшитца ровна на пять месяцовъ. А безъ нево пришолъ царь Кощей Залатой арды, а с нимъ силы сто тысячей, Киевъ градъ осадилъ накрепко; посылаетъ посланъника к великому князю Владимеру Киевъскому Всеславъевичю: «Ой еси, князь Владимеръ Киевъской, отдай мнѣ Михаилову жену, и я от Киева

прочь поиду; а будетъ ты не отдашъ ея, и я Киевъ градъ весъ выпленю, а людей всехъ в Киевѣ вырублю, а жонъ и детей в полонъ возму, а тебѣ, царю, живу очи вытравълю; а будетъ ты отдашъ мнѣ Михаилову жену Потока Івановича Лебядь Бѣлую Авдотью Лиховидовну, и я от Киева прочь поиду». Что зговоритъ великій князь Владимеръ Киевъской Всеславъевичь: «Ой еси, князи и бояры .... [1])

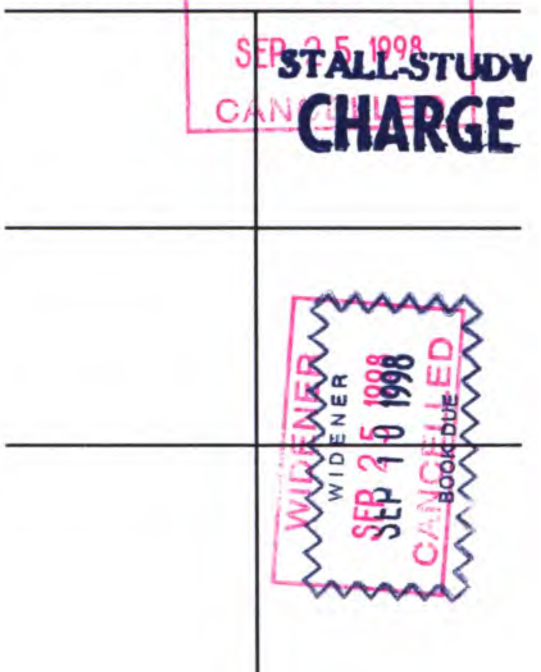
— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

...онъ меня двожди наехалъ в бѣле шатре во чистѣ полѣ соннова, се не предалъ мнѣ смѣрти съкорыя, какъ хошъ сама с нимъ». І велелъ у нево побрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ во свою землю в Залатую арду, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ.

А Михаила спалъ ровна три дни и три ночи, и на утрея пробуждаетца: ажно нѣтъ у нево ружия богатырскова, ни палки железныя,—одинъ стоитъ ево доброй конь, и тотъ былъ далеча во чисте полѣ. И тутъ Михаила закручинился; садитца на свой доброй конь и поехалъ далеча во чисто поля и доезжаетъ царя Кощея невѣрнова. А царь Кощей на стану стоитъ, опочивъ держитъ с Бѣлою Лебядью. Что зговоритъ Михаило Потокъ Івановичь: «За что де побивать войска бѣзвинное!» И поехалъ прямо к бѣлу шатру. И увидела его Лебядь Бѣлая, въстречаетъ ево у бѣла шатра, сама зговоритъ такавы рѣчи: «Свѣтъ Михаило Потокъ Івановичь, богатырь земли Святоруския! Не хочю я жить у невѣрнова царя Кощея Залатой арды, хочю жить у тебя, богатыря святорускова; возмі меня во Киевъ градъ по прежнему». И подноситъ ему питья пьянова. И тутъ Михаило задумался: «А вотъ да баба, вотъ подлая! Хочетъ со мною жить по старому!» И испиваетъ з дороги питья пьянова и лажитъца спать в бѣлѣ шатрѣ. И она начала будить своево любовника: «Востань, государь царь Кощей Залатой арды; пришолъ недругъ твой Михаило

1) Дальнѣйшій текстъ сохранился только въ нашей копіи.

Потокъ Івановичь, предай ему смерти скорыя, а будетъ ты не предашъ ему злую смерть, и онъ тебѣ самаму предастъ злую смерть во чистѣ полѣ». Что зговоритъ царь Кощей: «Прямая ты неразумная, изъ злыхъ женъ первая! За что мнѣ Михайлу предать смерти скорыя? Онъ меня двожди наехалъ во чистѣ полѣ в бѣлѣ шатрѣ соннова»...


WIDENER
SEP 2 5 1998
CANCELLED
STALL-STUDY
CHARGE
WIDENER
WIDENER
SEP 2 5 1998
SEP 1 0 1998
BOOK DUE
CANCELLED